Идрис Шах

«Учиться как учиться»

Написанная ведущим представителем суфизма, книга **«Учиться как учиться»** является полным введением в образ мышления, который вдохновляет людей во всем мире
Из откликов на его многочисленные книги, лекции, радио и телевизионные программы, Идрис Шах выбирает вопросы, задаваемые ему домохозяйками и бизнесменами, философами и рабочими, чтобы показать, как традиционные суфийские подходы могут помочь нам .в решении .наших. социальных, психологических и духовных проблем. Суфийская классика. восточные притчи о Иисусе, встречи с современными учителями и учениками, западные массовые журналы – вот только некоторые из примеров, использованных, чтобы предложить нам способы по-новому посмотреть на .нас самих и на наши институты.

* * *

«**Учиться как учиться** прокладывает путь туда, где мы сталкиваемся с величайшими проблемами: природа человёка, как понимать наше- поведение, наши организации и культуры… Как будто с обычной жизни спадает завеса, и мы становимся более свободными в наших действиях и выборе»

из **Введения,** написанного Дорис Лессинг

Содержание

Учтите чужие неудачи, чтобы другим
не пришлось учитывать ваши.

– Саади,
Розовый сад 13-й век

Когда верблюд ваших усилий увязает в грязи,
не все ли равно – далеко или близко до цели?

– устад Кхалилуллах Кхалили,
четверостишия, 1975

Этот мир не имеет бытия, он лишь аллегория:
От края до края его великолепие – только фарс и игра.

– Шабистари,
Тайный сад 13-й век

Введение

Совсем недавно, в 1964 г., появились *The Sufis* Идриса Шаха. И стало очевидно, что вместе с этой книгой, сразу ставшей классической по данной теме, проявился Образец, который время от времени выступает вперед, предлагая суфийский Путь в новых формах, соответствующих современным потребностям. Ибо суфизм – это не изучение прошлого или поклонение средневековым святым: он всегда был и остается эволюционным по духу и действию. Например, великие суфийские классики Среднего Востока были когда-то вызывающе оригинальны своими прозрениями и информацией, шокируя людей с ограниченным кругозором.

Идрис Шах предложил нам много книг, многоликих, каковым и приходится быть суфизму: от переиздания суфийской классики до шуток из Насреддиновского корпуса, университетских лекций, традиционных историй, пересказанных заново свежим отточенным языком. *Учиться как учиться* и другие книги, в современном формате, над которыми Шах сейчас работает, прокладывают путь туда, где мы сталкиваемся с величайшими проблемами: природа человека, как понимать наше поведение, наши организации и культуры. Шах неспроста называет антропологию и психологию *младенческими* науками, ибо, утверждает он, мы едва начали использовать эти инструменты.

Сейчас уже привычно, что в новейших достижениях физики используются те же понятия и тот же самый язык, что и в традиционном мистицизме; и это общее основание, эта граница расширяется, чтобы ввести новый оригинальный образ мышления в психологию, антропологию, религии, эзотеризм. Шах был бы рад способствовать такому слиянию. Сам он предлагает суфийскую точку зрения и – более того – делает доступным фонд знания, информации. Мы увидим при нашей жизни, – уже начинаем видеть – как наши ученые, обычно более молодые, в силу своей большей гибкости, приходят к Шаху с вопросом: «Что есть в вашем багаже, как части вашей традиции, что мы, современные исследователи, можем использовать, что мы возможно просмотрели или о существовании чего даже не подозреваем?» Я видела, как это случалось: простой вопрос, открывающий новую область.

Разве не стоит затратить какое-то время, чтобы рассмотреть как так случилось, что то, что составляет сокровищницу информации, результаты многовековых исследований и искусно практики, могло существовать столь долго, а мы были не в а стоянии допустить возможность его существования? Я не говорю 'тайнах Востока', понимаемых как нечто среднее между шаманизмом и застольным спиритизмом, – что Шах отвергает как 'треп, дрожь и ужас'. Путешественники на мистический Восток были всегда. «Скажите мне, Мастер, что есть Тайна?», «О, ты хочешь Тайны, дорогое дитя, не так ли? Хорошо, стой неделю на голове и повторяй вот такую мантру...» Однако и те из нас, кто пытался подойти к суфизму через то, что предлагалось нам на Западе, почти всегда оказывались в аналогичной ситуации и должны были перерасти это – обусловленность нашего мышления. То, что мы находим на Востоке, – не волшебстве и не мистика, а подход к человечеству, и как к индивидуумам. и как к органичному целому, подход который по утонченности в понятийном отношении и достижениях выходит далека», за границы наших наук.

Как это случилось?

Одна причина в том, что, возможно, наша культура не является такой продвинутой, открытой к новым идеям, как мы **это** себе представляем. Внешние по отношению к обществу люди, полезные тем, что вносят в общества, несмотря на оказываемое поначалу сопротивление, прозрения, судят о нас по-иному.

О нас говорят, что мы зажаты, и во многих отношениях. Сейчас мы с легкостью говорим о высокомерии Запада, мы начинаем понимать свою ограниченность. Однако это медленный процесс, ибо нам придется бороться, в случае Среднего Востока и Центральной Азии, с результатами веками насаждаемого подозрения к ужасным сарацинам. Это оказывало и продолжает оказывать смехотворное влияние на нашу культуру: от невежества и фанатизма относительно Ислама до вот такого: оказывается, что символы, принятые в астрологии для обозначения планет, – Марса, Венеры, Меркурия и т.д. – ни что иное как буквы арабского языка, легко распознаваемые теми, кто знает арабский язык. Мы же приписываем им удивительное происхождение. Крошечный пример, даже абсурдный, из огромной, неизведанной области. Но почему же она не исследуется?

Мы можем продолжать бормотать о самодовольстве Запада, но вот еще одна сфера, где реально сталкиваешься с ним. Шах, в качестве примера, приводит наше убеждение, что мы, на Западе, являемся пионерами в исследовании определенных психологических идей. Однако, 'открытия' Фрейда и Юнга можно найти у Ал Газали и Ибн ал-'Араби, умерших в двенадцатом и тринадцатом столетиях, и у других великих мыслителей тех времен. (Юнг признавал, что многим обязан Востоку. Разве не

удвительно, что его ученики не проявляют интереса относительно того, что бы там еще могло быть?) Ал Газали много писал об обусловленности: в те времена, как и теперь, суфийские учителя занимались освобождением людей от внушенных социальных и религиозных учений. Что случилось со всем этим специальным знанием? Оно стало применяться. Его усвоили целители ума, души, тела; его строили, развивали... Однако мы, на Западе, отрезаны от него – все еще отрезаны – и будем отрезаны до тех пор, пока не будем готовы серьезно подумать о своих собственных ментальных путах.

Другой пример: мы говорим о разнообразии и богатстве нашего языка. Однако имеет место следующий факт: английский язык истощен, в нем отсутствуют слова и понятия, в которых мы нуждаемся. Любой писатель, который пытался описать определенные процессы и переживания, с этим столкнулся. Существуют способы обойти это – один из них аналогия – но проблема остается. Горсточка жалких, затертых терминов – бессознательное, душа, дух, коллективное бессознательное, сверхум, эго, суперэго, Оно, паранормальное, экстрасенсорное восприятие, сверхъестественное – и внезапно, очень скоро, увязаешь в песке. Вы не можете использовать эти слова для выражения 'свежих' переживаний, новых идей потому что, каждое тянет за собой нежелательные ассоциации. Однако другие языки не столь скудны, их слова не так перегружены. Нет, это не попытка умаления достоинств английского языка или, ради этого, превознесения других языков, а призыв к осознанию: если имеется крайняя нужда в чем-то, то оно, вероятно, придет. Я надеюсь на это. Между тем, двигаться трудно. Я, мягко говоря, не лингвист но даже мое шапочное знакомство, например, с персидским языком показывает нашу невероятную обделенность. Персидский язык – язык культуры, где определенные виды духовности были в обращении на протяжении столетий. (Появление чудовища, подобного Хомейни, не умаляет сказанного.) Мои друзья, изучающие 'примитивные' культуры и знающие язык американских индейцев или некоторых африканских сообществ, говорят, что эти языки также хорошо оснащены понятиями, отсутствующими у нас. Наш язык, вероятно, является лучшим инструментом для описания технических процессов, пока под техническими процессами понимаются процессы, ограниченные механическим, но как только они подходят к границам умственной деятельности...

Существует еще одно, подобное Гималаям, препятствие, которое мы схематично очертим. Вот уже 2000 лет Запад находится под гнетом страшной тирании – христианской религии. (Я отдаю себе отчет, что здесь читатель улыбнется, подумав рассеянно: «Ну, это девятнадцатый век».) Но с исторической точки зрения, это было совсем недавно. Я встречала людей, вошедших в конфликт со священниками, когда они захотели всего лишь отказаться от уверенности и догм в пользу агностицизма. Жены и мужья оставляли их, они теряли работу, подвергались социальному остракизму, от них отрекались семьи – и они отправлялись в колонии. Там я, будучи ребенком, их и встречала. Сегодня священники имеют доброжелательный, безобидный внешний вид: наполовину – общественного деятеля, наполовину – сердечного дружка; они лестью склоняют людей к мысли, что те должны родиться заново, или *стать* частью чего-то или что-то в том же духе. Однако, на протяжении 2000 лет на нас были одеты смирительные рубашки, и даже самое незначительное неповиновение жестоко каралось. Неповиновение Лютера было ограниченным. Он говорил: «Я настаиваю на праве говорить с Богом прямо, без посредничества священников». Он не говорил: «В течение тысячелетий в этом мире были люди, обладавшие методами, информацией, чтобы предоставить возможность тем, кто имел достаточную подготовку, использовать эти инструменты для достижения состояния ума и духа, о котором священники ничего не знали». (Однако, в этом месте мне придется пояснить, что суфизм уважает все религии, говоря, что сутью каждой является Истина. Религия – это тиран, благосклонный или злобный, которого надо разоблачить.) Я хотела бы знать следующее: как это так, что мы, наши ученые, понимая, что наша культура два тысячелетия находилась под воздействием определенного рода внушенных учений, не исследуем эти влияния на наши ментальные процессы? То, что эти влияния присутствуют, становится 'очевидным, если начинаешь размышлять в этом направлении. Этот как бы запрет, табу, *нельзя* священников на определенные темы для размышлений, например, что же Иисус и его спутники в действительности думали (поскольку суфии утверждают, что Иисус является одним из реальных Учителей человечества, послание было уничтожено установлениями), абсорбировался в самое вещество наших умов, не давая нам возможности смотреть в некоторых направлениях.

И это *нельзя* может действовать в умах ученых так же сильно, и в умах любых других людей.

То, что я схематично, неадекватно здесь очертила – это я блоков и помех, равносильная ментальной тюрьме. Так суфии говорят, что мы живем в такой тюрьме, и что их забота снабдить нас всем необходимым для нашего освобождения. Мы все *обусловлены,* как легко и быстро сейчас заявляем, но, может быть, становимся способными *сказать,* что эго недостаточно для того, чтобы увидеть как.

Если мы хотим подступиться к суфиям, к их взглядам на жизнь, необходимо когда-то проглотить

тот неприятный факт, что они считают нас отсталыми, неразвитыми, плохо сформированными и примитивными с 'закрытыми' умами тех сферах, где для нашего будущего жизненно важно иметь открытый ум.

Между тем, Шах чрезвычайно терпеливо отвечает на те вопросы, которые ему задают, и продолжает ждать и надеяться, когда вопросы станут более осмысленными, более утонченными, основанными на лучшей информированности и лучшем самопонимании.

Он получает тысячи писем отовсюду, ибо в одинаковой степени является человеком как Востока, так и Запада, и о суфийском пути спрашивают люди от Афганистана до Калифорнии. Из этих вопросов и ответов Шах составил данную книгу, которая столь насыщена полезными точками зрения и информацией, что самое большее, что я могу сделать – привлечь внимание к идеям, которые могут стать полезными отправными точками.

Внимание. Шах посвящает ему целую главу, настолько важным он его считает, и настолько мы безразличны ко вниманию. В нашем обществе нас не научили тому, что внимание столь же фундаментально, как и пища, и мы продолжаем спотыкаться, когда ищем способы утолить страстное желание, вместо того, чтобы научиться обеспечивать себя тем, в чем нуждаемся, спокойно и со здравомыслием. Мы безрассудно усиливаем голод, говоря себе, что ищем Бога или Любви или Служения, и не научены распознавать, что движущая нас сила находится в других людях, и что они манипулируют нами и используют нас. Когда этот механизм попадает в поле нашего внимания, и мы начинаем его изучать, то эффект такой, что как будто с обычной жизни опадает завеса, и мы становимся более свободными в наших действиях и выборе.

Знание, 'Бог', как товар. Приученные к коммерции, к обладанию, хотению, торговле, купле, продаже, мы таким образом трактуем всякую вещь, включая и то, что предлагает Шах. Однако 'высшее знание' не предмет купли-продажи.

Использование литературы. Здесь Шах революционен. Суфии знают и используют множество приемов, в то время, как мы полагаем, что есть лишь один. Наше обучение в школах и колледжах основано на упрощенных идеях, которые не принимают во внимание изменяющееся час от часу состояние ума человека, Мы, здесь на Западе, требуем стандартизованного продукта, говорит Шах: вот, что мы высоко ценим. Но стандартная массовая продукция не то, что интересует его или его спутников, которые учат индивидуумов индивидуальными методами.

Группы людей и динамика групп. Психологи действительно изучают этот предмет, столь жизненно важный для нашего общества и всех наших организаций. Здесь Шаху есть, что предложить; человеческая группа это то, с чем работают суфии, и **их** умудренность далеко превосходит то, к чему мы подобрались.

Эмоционализм. Шах, не колеблясь, утверждает, везде приводя в ярость приверженцев религии, что почти все то, что мы претенциозно называем 'религией', 'высшими чувствами', 'мистическим опытом' – не более чем эмоционализм. Нас научили, что есть эмоции и интеллект, но не научили, что помимо них может быть еще что-то, отличное от них обоих.

Разоблачение иллюзий.

Использование религий, культов, сект, 'Бога' для удовлетворения властных побуждений, потребности в объединении, для замены семьи и секса.

Как распознать ложных учителей и самозваных суфиев. Их число быстро растет, и они обманывают несчастных людей, которые могли бы уберечься от них, используя малую толику логического мышления вкупе со здравым смыслом.

Много слов и понятий выпало из реального обихода. При чтении этой книги, нас заставляют признать, что в нашей научно-ориентированной, материалистической культуре, такие слова, как смирение, гордость, жадность, любовь, идолопоклонство, милосердие, стремятся расположиться в областях, помеченных как 'религия' или 'этика'. Шах восстанавливает их, очищает от сантиментов и неопределенных эмоций, и вводит их в оборот заново – как инструменты.

Отбросьте *почему* и ищите *как* – завещал один суфий, известный исследователь Ричард Бартон. Что ж, эта книга о том, как мы, коллективно и индивидуально, можем учиться смотреть НА себя и наши учреждения по-другому. И если то, чему нас также учат, неожиданно и иногда приводит в замешательство, то это в великой традиции.

Дорис Лессинг

'Начало к Началу'

Идрис Шах

ВПЛОТЬ до недавнего времени, как теперь столь часто напоминают нам литераторы, психологи и те, кто занят изучением человеческого сознания и число которых растет, суфизм был закрытой книгой для обычного человека. Его язык, в той форме, в которой его нашли в классических и специальных суфийских писаниях, казался почти недоступным. Востоковеды (теперь называемые более точно специалистами в науках Азии и Африки о человеке) сохраняли почти полную монополию на информацию по этому предмету и, тем не менее, можно было обнаружить большое расхождение во мнениях относительно того, что такое суфизм, как и где он возник, и что означали его учения. Некоторые деятели ислама были против него, другие объявляли его истинной сущностью ислама. Некоторых, принадлежавших к немусульманской традиции, он сильно привлекал, другие находили, что он, на их вкус, слишком ограничен культурными рамками.

Публикация суфийских историй, очищенных от нравоучительного налета и многословия, вместе с изучением суфийской психологической работы и, вероятно более всего, наблюдаемые аналогии с нынешними социальными и культурными проблемами, весьма драматично изменили эту картину. Теперь обще признано, что суфийские исследования и опыт в течении последнего тысячелетия были одной из наиболее многообещающих областей развития в направлении понимания человека и указания на его восприятия неизмеримой реальности. Но признания не было до тех пор, пока люди, главным образом на Западе, не начали замечать соответствие религиозного и психологического, эзотерического и культурного, полагая, что можно развить более целостный подход к данному предмету.

Между тем, конечно, неповоротливые в науке все еще считают суфизм мистическим эзотеризмом; поклонники культа все еще хотят сохранить эту ауру; немногочисленные ученые[1] желают установить монополию, утверждая, что лишь их интерпретации заслуживают доверия; эти последние иногда представляют собой зрелище, где алхимик противится химии потому, что не понимает ее.

Показать многосторонность и актуальность суфизма было не трудно при наличии двух предпосылок: свободы публикации и растущей, во многих культурах, неудовлетворенности ограниченными и невежественными авторитетами. Все, что было необходимо, – это цитировать из традиционных суфийских источников, в том числе документов, учения, которые представляют как научный, так и религиозный интерес; и продемонстрировать, из тех же источников, что психологические прозрения суфиев подтвердили существование источника непрекращающегося знания, уровень которого не ниже достижений современных исследователей области ума. Вдобавок, 'открытие' суфиев несколькими, без сомнения, крупными авторитетами, и существование живой суфийской традиции помимо без конца повторяющегося культизма и других выродившихся элементов дали возможность некоторым исследователям быстро – в течении десятилетия – предоставить материалы, которые удостоверили многое об истинной природе суфийского наследия и подтверждают его продолжающееся действие.

Были, конечно, возражения, что 'популяризация' суфийских материалов может отдалить многих людей от древних традиций и ценностей, которые удерживаются кем-то с целью представления. В действительности, верно обратное. В следующих одна за другой публикациях, даже традиционалисты и формальные ученые, не говоря о многих других – на Востоке и Западе – с воодушевлением приняли недавнее восстановление смысла этих материалов: и число заинтересованных чрезвычайно возросло. Пренебрегать этими новичками из-за того, что они не всегда профессиональные востоковеды или поклонники культа (еще многие являются и теми и другими) – значит оказаться неспособным заметить, что многие из них, по меньшей мере, столь же разумны, хорошо информированы и потенциально полезны в изучении человека, как и специалисты. В действительности, одной из самых печальных вещей, относящихся к противодействию в некоторых кругах раскрытию свежего проникновения в самую суть суфизма, было проявление почти примитивного и совершенно отупляющего фанатизма и ограниченности в кругах, где такие качества пагубны для чести ученого и уменьшают вероятность того, что этих людей будут продолжать принимать всерьез те, чье уважение так много для них значит.

Говоря кратко, суфизм 'достиг' умов людей в более гибких областях современной мысли, вызывающих растущий интерес. Он также стал частью опыта и интересов некоторых из наиболее выдающихся сегодня людей во всем мире. Он действует широко, на стыке наук и в общих областях, как

---

[1] В настоящей книге, под учеными, в подавляющем большинстве случаев, понимается ученый, чья деятельность связана с изучением Востока – востоковеды, филологи, философы и т.п., но, если особо не оговорено, слово 'ученый' означает ученый-филолог. *(Прим. перев.)*

фактор, чье значение и вклад невозможно ни отрицать, ни приостановить. Произошло то, что теперь большее число людей подготовлено изучать вечную истину, а не только местные проявления и производные социологические формы, в основном, антропологической ценности.

Традиционно, суфийское понимание основывалось на методе вопросов-и-ответов. Последующие страницы, отобранные для того, чтобы дать обзор материалов, добытых во время сотен часов обсуждений, относятся ко многим темам, которые интересуют сегодня столь многих людей. Сотни бесед также представляют ответы на вопросы, которые задавались снова и снова в более, чем сорока тысячах писем со всего света.

Несмотря на жесткие требования, чтобы суфийская мысль была представлена только в терминах знакомых положений и языка местной культуры, было бы несправедливо как по отношению к суфиям, так и по отношению к тем, кто у них учится, пытаться влить пол-литра в обычный стакан.

Суфийская мысль-и-действие требует своих собственных форм, в которых она проявляется и действует: именно по этой причине она всегда, в прошлом и в своих особых областях выражения, устанавливала и поддерживала свои собственные институты и учебные центры. Но современная атмосфера на Западе, как бы там, возможно, ни пренебрегали развитием таких форм для себя, сегодня подготовлена гораздо больше чем прежде для восприятия гипотезы, что может быть форма учебы, которая представляется, концентрируется и распространяется через особые и специализированные институты. Только там, где мы встречаем людей, воображающих, что внешняя форма таких институтов, годная для одного места и времени, также годится здесь и сейчас, и притом является самой вещью, на нас лежит обязанность указать на тот факт, что такие мнения являются ограниченными и ограничивающими. Тех, кто придерживается их, они делают непригодными к пониманию по тем же причинам, что и деревенщину из одной суфийской истории, когда тот не мог получить пользу от своей тарелки жидкого супа, потому что «в супах должна быть гуща».

Когда-то один человек открыл ресторан с хорошей кухней, привлекательной обстановкой и превосходным меню.

Вскоре после этого один из его друзей проходил мимо и сказал: «Почему у вас нет вывески, как на всех других заведениях, где едят? Я предлагаю вам написать 'РЕСТОРАН: ПРЕВОСХОДНАЯ ЕДА'».

Когда вывеска была изготовлена и вывешена, другой любопытный сказал:

«Вам надо быть более конкретным – ведь вы могли иметь в виду *какой-то* прежний ресторан. Добавьте слова 'ОБСЛУЖИВАЮТ ЗДЕСЬ' и ваша вывеска станет завершенной».

Владелец подумал, что это хорошая идея, и должным образом изменил вывеску.

Немного времени спустя кто-то еще проходил мимо и сказал: «Почему вы написали слово 'ЗДЕСЬ'? Ведь каждый может видеть *где* это место?»

Итак ресторатор изменил вывеску.

Далее следующий любопытствующий захотел узнать:

«Неужели вы не знаете, что слово 'ОБСЛУЖИВАЮТ' является лишним? Ведь обслуживают во всех ресторанах и магазинах. Почему бы вам не убрать его?»

Что ж, слово было убрано.

Однако, вскоре, еще один посетитель сказал:

«Если вы, по-прежнему, будете употреблять фразу 'ПРЕВОСХОДНАЯ ЕДА', некоторые люди задумаются, а действительно ли она *является* превосходной, и найдутся такие, кто не согласится с этим. Чтобы оградить себя от критики и разногласий, уберите, пожалуйста, слово 'ПРЕВОСХОДНАЯ'».

Так он и сделал. Теперь, когда лишь слово 'ЕДА' осталось на вывеске, в дверях показалась голова шестого любопытного. «Почему вы поместили слово 'ЕДА' над вашим рестораном: любой может видеть, что здесь подают еду».

Поэтому ресторатор снял вывеску. Сделав это, он теперь не мог взять в толк, когда же подойдет кто-нибудь голодный, а не любопытный или интеллектуал...

В этой истории, конечно, ресторатору досаждает буквальное мышление 'людей разума', для которых как и для всех нас, интеллект играет ценную роль. Пища, которой, тем не менее, наш человек пытается обеспечить, является 'пищей сердца', где сердце символизирует на суфийском языке высшие воспринимающие способности человечества.

Наш современный суфийский поэт, профессор Кхалилуллах Кхалили, самый известный мой соотечественник, выразил это таким образом:

В каждом состоянии, Сердце – моя поддержка:
В этом царстве существования оно – мой повелитель.
Когда я устаю от вероломства Рассудка –

Бог знает, я благодарен моему сердцу...[1]

Идрис Шах 1978

[1] 'Персидские *Четверостишия устада Кхалияуллаха Кхалили,* на трех языках, Багдад: Ал-Мааруф Прес, 1975, 22/23.

1
Реальная и воображаемая учеба

Суфии и их имитаторы

Вопрос: Что делать с имитаторами? Замечено, что с тех пор, как вы начали распространять суфийские знания на Западе действительно широко, многочисленные маленькие группы укрупнились, и возникли совсем новые – большинство людей осознает, что это просто культы, а вовсе не суфийские группы.

МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК И ЭКЗАМЕН

Ответ: Это напоминает мне одну шутку. Рассказывают, что один маленький мальчик на экзамене столкнулся с вопросом «Что такое 'испанка' и что с этим можно сделать?» Отвечая, он написал: «Испанка[1] – это женщина испанской национальности и сделать с этим нельзя *ничего.»*

Эти суфии – суфисты, а не суфии, и вы ничего не можете с этим сделать. Меня, однако, заинтересовало присущее вопросу предположение, то, что стоит за ним, – с этим следует что-то делать или с этим действительно что-то *можно* сделать... Если мы попытаемся что-то с этим делать, мы рискуем привлечь большое число разочарованных бывших суфистов, которые сначала стали бы надеяться, что мы можем дать им НЕЧТО РЕАЛЬНОЕ – но которые оказались бы, так сказать, дважды лишенными крова, когда обнаружили бы, что одна отрасль индустрии развлечений уже закрылась, а другая так и не открылась!

Следует помнить, что суфийская учеба на Западе и на современном Востоке повторяет шаблон[2]. Во все века были суфии и были имитаторы. Чтобы уяснить для себя существо дела, не лучше ли вам самому задаться вопросом: «Почему я воображаю, что есть какая-то деятельность, где нет имитаторов, шарлатанов, путаницы, 'туристов' и случайных попутчиков?»

Никто ведь не думает, что с обманщиками или чудаками, предлагающими путешествие на Луну, можно сделать что-то иное, кроме как увеличить общедоступную информацию о космических полетах.

Не могу отделаться от чувства, что спрашивающий ставит границы своему уму и показывает нам, что мыслит более узко, чем требуется.

Если мы и можем что-то делать с имитацией, так это распространять информацию о реальном. Но такая деятельность зависит от подготовленности аудитории, что включает в себя широту кругозора и разумное использование методов ясного мышления, которые уже присутствуют во всех современных обществах, хотя в интересующей нас сфере они стали использоваться только недавно.

Смотреть на имитаторов – это отрицательная позиция.

Несомненно положительная – помнить слова Джалалуддина Руми, который сказал, что фальшивое золото существует только потому, что есть Настоящее...

ДЖАМИ И ВНЕШНИЕ ФОРМЫ

И имитаторам, и последователям прежних формулировок, от которых сохранились только внешние формы, можно напомнить, в особенности, если они читали суфийскую классику, что внешние формы не то же самое, что содержание. Именно в этом духе говорит великий учитель Джами в *Бахаристане,* 'Весеннем саду':

Роза покинула сад – с листьями и шипами что делать?
Шаха в городе нет – с челядью и дворцом что делать?
Прелести – клетка: красота и доброта – попугай.
Попугай улетел... – с клеткой что делать?

АНАЛОГИЯ С ШУБОЙ

В *Fihi ma Fihi* можно найти аллегорию с шубой. «Зимой, – говорит Руми, – вы ищете меховую одежду, но когда наступает лето вам не до нее, теперь она обуза. Так же и с имитациями настоящих учений. Они сохраняют людям тепло до тех пор, пока не приходит время, когда те могут быть согреты Солнцем...»

---

[1] В оригинале: "What is rabies and what can you do about it?" He wrote as his answer:
"Rabies is Jewish priests, and there is *nothing* you can do about it!" *(Прим. перев.}*

[2] Юмористические истории не только содержат ценные для понимания структуры. Их использование помогает также отсеять людей без чувства юмора. Суфии считают, что люди, не развившие или подавившие свою способность наслаждаться юмором, не обладают также, в таком обделенном состоянии, способностью учиться в суфийской среде.

Поэтому, как меховой одежде, люди будут оставаться верными культам и имитациям, потому что эти вещи удобны им, задевают что-то внутри них, требующее культов и имитаций.

В то же время, конечно, они воображают о себе все что угодно, например, то, что они истинные последователи, искренние, не заботятся о себе и заботятся о других или об истине.

ШИБЛИ И КАМНИ

В известном случае, записанном, например, в *Ilahi-Nama* Хакима Санаи, суфийский учитель Шибли из Хорасана сделал такой самообман предметом иллюстрации-обучения в драматическом событии, которое он спровоцировал.

Из-за экстравагантных высказываний, не понравившихся властям, Шибли был посажен, как сумасшедший, на цепь. Несколько человек, уважавших его, пришли его проведать. Он спросил их, кем они себя считают, и те ответили, что – его друзьями.

На это Шибли стал кидать в них камни, и они убежали. Шибли крикнул: «Вы говорите, что вы мои друзья, беспокоящиеся обо мне! Но смотрите – вы бежите от моего недуга и, тем самым, заботитесь не обо мне, а о своей защите от камней!»

ПОЛУЧИТЬ ТО, ЧЕГО НЕТ В ВАШЕЙ СУДЬБЕ

Кроме того, нам следует помнить наставление великого мудреца Абу-ал-Хасана Кхиркани, записанное в *Поминаниях Святых* Атгара:

«Люди этого мира имеют определенную судьбу. Однако
развитые духовно получают то, чего *нет* в их судьбе».

В; Какой вред в имитации? Я уверен, что если не все, то большинство систем развития человека, предлагаемых публично, всего лишь имитации. Если, тем не менее, они дают людям удовольствие и некоторый вкус глубокой реальности, они, несомненно, должны иметь какую-то ценность?

УЗЕЛКИ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ТКАЧЕСТВУ

О: Если воспользоваться аналогией, то вы, может быть, увидите это иначе. Предположим, мы обсуждаем возможное развитие и распространение ткацкого искусства. Предположим, что люди находятся на стадии, на которой они могут лишь завязывать узелки на нитке, что доставляет им удовольствие и может рассматриваться как предвкушение ткачества. Если же люди только имитируют фазу завязывания узелков и вдобавок рассматривают завязывание узелков как полностью все искусство – то, когда явится собственно ткачество, разве будет имеет значение, как много удовольствия было связано с завязыванием узелков? Конечно, завязывание узелков имело бы какую-то ценность само по себе: но оно также составило бы препятствие для дальнейшего продвижения, если идея чего-то дальнейшего была бы 'отменена' людьми, думавшими, что узелки – это то, насколько люди могут продвинуться в текстильном деле.

Есть два момента, которые стоит здесь отметить. Первый, против 'удовольствия', конечно же, нет возражений, однако есть много источников удовольствия, и поиск удовольствия, как части чего-то более специфического, ведет к путанице и еще более худшему.

Второй, если вы захвачены начальными стадиями чего-то, воображая, что это целое, вы не двинетесь дальше.

ЖЕНЩИНА И СВЯТОЙ

Обратитесь к древней истории о женщине и святом.

Жила некогда бедная женщина, которая помогла святому, выдававшему себя за странника издалека, оказав ему гостеприимство, в то время, как остальные прогнали его. Покидая ее дом, он сказал: «Пусть завтра ваше первое дело длится весь день!»

Она решила, что это незнакомый ей способ благодарить, но вскоре забыла о нем.

На следующий день один купец принес ей немного золотой нити и попросил расшить ею одежду, ибо вышивание было той работой, которой она зарабатывала себе на жизнь.

Она размотала золотую нить и расшила одежду. Когда она закончила, то увидела, что на полу золотой нити больше, чем было вначале.

Чем больше она сматывала ее в клубок, тем больше ее становилось. Она наматывала золотую нить весь день, и к ночи ее было невероятно много. По обычаю, оставшаяся нить принадлежит вышивальщице.

Она продала эту нить и на вырученные деньги смогла перестроить и обставить дом, а также устроить свои дела, открыв превосходную мастерскую.

Естественно, соседи полюбопытствовали, и она рассказала им, как изменилась ее судьба и что было тому причиной.

Спустя некоторое время, в том же городе один купец увидел и узнал 'незнакомца с магическими силами' из рассказа женщины и пригласил его в свою лавку и дом. Он выказывал святому человеку большое гостеприимство, подражая поведению щедрых людей, доведя свою заботливость даже до крайности.

Он подумал: «В этом должно быть что-то для меня – и, конечно, для каждого в этом городе». Вторую фразу к своим мыслям он добавил потому, что, хотя был алчным, воображал, что только думая о других, может получить что-то для себя. Однако, поскольку он имитировал щедрость и думал о благе других лишь в качестве увертки, а не так же, как о своем собственном, события обернулись для него иначе, чем для щедрой женщины.

Когда чужестранец собрался уходить, купец сказал: «Благословите меня».

«Этого я не сделаю, – сказал чужестранец, – но пожелаю, чтобы первое, чем вы озаботитесь сегодня, длилось неделю».

Он продолжил свой путь, а купец направился в свою контору, где собирался считать деньги, умножая их в течение целой недели.

По дороге через двор купец остановился попить воды из колодца. Не успел он вытащить одно ведро, как обнаружил, что тянет следующее и следующее, и так продолжалось всю неделю. Вода затопила его дом, затем дома соседей, и наконец, весь город, почти разрушив его...

Достижение Знания

В: Как же достичь самопознания? Глядя на такие организации и институты, как школы, университеты, деловые или профессиональные объединения, я вижу, что они имеют прочные репутации. Они, к тому же, проводят наборы и имеют пополнение, и у них есть цели. К примеру, если идти в политики, то с целью стать членом кабинета; если изучать медицину, то для того, чтобы стать либо лечащим врачом, либо научным работником, либо преподавателем. Когда я обращаюсь к суфийским идеям по книгам или с помощью людей, то вижу, что подобного рода связи там нет: или, если есть, не могу ее найти. Я часто прихожу в замешательство, и многие встретившиеся мне люди также приходят в замешательстве, пробуя то же самое. Вследствие этого, я также полагаю, что ответ на этот вопрос имел бы огромное значение для многих людей, которые верят, что должны быть истина и ценность в суфийской мысли и деятельности, поскольку она непрерывно производит великих людей, но 'путь в' и курс обучения сбивают с толку.

О: Интересно, не в качестве урока на тему, что представляют собой суфии, или, чем занимается суфийское предприятие, взглянуть на эти слова, ибо они очень ясно показывают, что представляют собой люди, и мы сразу же увидим, как легко можно ответить им, используя материалы, аналогии и способы мышления, которые могли бы использовать они, если бы действительно были такими аналитичными и последовательными, какими себя воображают.

Сначала необходимо сказать, что именно потому, что некто думает подобным образом, он сбит с толку. Он произвольно подобрал параллели и допущения и пытается применить их к нам. Занятно, что он неправильно применил их, и в результате приходит к тому, что как раз подсознательно мог и искать, – путанице.

Один традиционный способ ответа на этот вопрос – процитировать пословицу: «Как бы быстро и ловко ни бежать, от ног своих не убежать».

Мы тщательно разберем аналогии и покажем, что они применимы к нам в той же мере, как к кому-то или чему-то уже упомянутому.

Во-первых, не наше дело убеждать всех и каждого из претендующих в ученики в суфийской честности и применимости к нему суфизма или в чем-то еще. Убедить себя – его дело; и, вероятно, он будет использовать те же методы, которыми пользуется, когда обращается к изучению чего угодно. Но ему следует помнить, что если он приходит, например, в медицинскую школу и спрашивает: «Как мне узнать, что вы можете меня научить?» – ему будет указано на дверь. Он не пригоден. Такой подход не является ни правильным поведением, ни указанием на стадию развития интеллекта этого человека, на которой его можно обучать. Есть много людей, которые не встают в позу идиота, и обязанность медицинской школы – предоставить таким людям свое ограниченное время. Проделать с вами более простую подготовительную работу – это задача кого-то другого. Одна из функций уже опубликованных книг – дать этот краткий инструктаж.

Во-вторых, репутация суфиев уже достаточно прочна, и она сохраняется таковой от своего основания, заложенного суфиями задолго до возникновения многочисленных современных институтов. Суфийские непрекращающиеся гибкость, жизнеспособность и эффективность (если вам необходимо измерять подобным образом) – сами являются доказательством их ценности на том языке, на котором в обычном мире оцениваются такие вещи.

Сосуществование подлинных суфийских предприятий и их имитаций лишь соответствует подобному положению в мире для институтов почти всех видов. Это вещь не новая, и она имеет, в сущности, те же характерные черты и источники.

В-третьих, идея 'набора и пополнения', естественно, изменяется от института к институту. К примеру, набор и пополнение банковских клерков отличается, скажем, от набора и пополнения в армии. Человек может стать банковскими клерком и выяснить, что не пригоден к этому делу. Он может стать политиком и выяснить, что для такой жизни он пригоден. Он может пойти в водолазы и выяснить, что глубоководное погружение – это не то, что он думал, несмотря на то, что вокруг достаточное количество и водолазов и школ и в изобилии литературы по этому предмету. Что же вы ищете в суфийской учебе или деятельности такого, что отличалось бы от данного положения вещей?

В-четвертых, конечно, есть вопрос, относящийся к разделу целей. Допустим, вы хотите быть политиком: никто, вероятно, не скажет, что вы сможете стать членом кабинета министров, прежде чем вы, к примеру, не побудете агентом незначительного кандидата в парламент, или заклейщиком конвертов в штаб-квартире партии, или, даже кандидатом в члены малоизвестного сельского районного

управления. Целью же может быть портфель министра или премьер-министра. Сколько людей, находящихся в начале политической карьеры: а) знают, что такое быть премьер-министром, даже если они стремятся к этому; б) действительно станут премьер-министром? В любом случае, люди, которые достигают такого ранга, – это те, кто руководствуется китайской пословицей: «Путь в тысячу миль начинается с одного шага».

В-пятых, относительно замешательства: люди часто приходят в замешательство либо потому, что не понимают первоначальных шагов, которые им необходимо сделать, либо потому, что неизменно получают удовольствие от замешательства, либо по некоторой другой причине, которую они не знают. Истоки состояния замешательства часто могут быть открыты просто путем переформулировки проблемы в терминах, структура которых более знакома, как я только что сделал.

Среди суфиев, как и среди последователей других путей, всегда требовалось, чтобы тот, кто намеревается стать участником, практиковал определенные вещи для своей подготовки к высшему обучению. В современных обществах имеются эквивалентные и, часто, в точности похожие предварительные условия. Поскольку в современных культурах уже известно столь много институтов с ясно изложенными требованиями, то, при наличии настоящего желания, людям не трудней, а легче понять эти требования. Они включают: смиренность, преданность, умеренность, сдержанность, послушность. До тех пор, пока вы не практикуете эти 'добродетели', вы ничего не добьетесь ни в банковском деле, ни в армии, ни в медицине, ни в политике, ни в социальной службе, ни в каких-либо других многочисленных видах мирской деятельности. Если, с другой стороны, вы хотите избежать этой надоедливой предварительной подготовки и сбежать в суфизм, то нам ясно, что вы собой представляете, и мы вообще не будем с вами разговаривать. «Сказать 'да' суфийскому пути – значит сказать 'нет' воображаемому бегству».

Это не случайно, что суфии находят, что могут наиболее конструктивно устанавливать связь с людьми, которые не только имеют высшие цели, но и хорошо устроены в мире, и общеизвестно, что те, кто со здравым смыслом относится к обществу и жизни, обычно очень хорошо воспринимают суфийские учения.

Вы начали ваш вопрос с проблемы видимости учебных институтов. Так же, как специальные отношения, правильно понятые, так и мир сам по себе является суфийской школой. Запомните слова Магриби, который сказал монаху:

«То, что вы ищете в вашем уединении,
Я ясно вижу на каждой улице и в каждом переулке».

Нет пользы в добавлении внешних вещей, скажем обрядов, в жизнь того, кто и так выполняет слишком много бесплодных обрядов. Безнадежно добавлять идеи в умы, уже переполненные идеями. Учебные институты могут стать видимыми, когда голова будет не столь занята воображаемым.

СААДИ И ЧЕЛОВЕК С НАПОЛНЕННОЙ ГОЛОВОЙ

У Саади есть история о человеке, чья голова была заполнена воображаемым знанием и, как результат, высокомерием. Он пришел к некоему мудрецу Кошьяру издалека. Кошьяр не стал его ничему учить, сказав: «Возможно, вы считаете себя мудрым, но в наполненный горшок ничего нельзя поместить».

Если вы полны претензий, продолжает Саади, то, на самом деле, вы пусты. Опустошите себя от бесплодных идей, наставляет он, так чтобы вы могли прийти и наполниться высшими восприятиями и понять реальный смысл.

В обществах без традиции, таких как современное западное общество, широко распространено представление, что научная основа такого общества приводит к тому, что люди думают, по некоторой причине, другим образом, нежели 'древние' или 'восточные' люди. Антропологи достаточно интересно показали, что привычки человеческого мышления повсюду очень похожи, и что модели и предположения, используемые, скажем, древними африканцами, совсем не отличаются от используемых европейцами и американцами. Примером того, что эта информация экспертов не проникла в общее знание, является утверждение Р. Хортона, который так прокомментировал необоснованные предположения западных людей и африканцев:

«Основание у обычного (западного) человека для принятия предложенных учеными моделей зачастую не отличается от основания у молодого сельского жителя Африки для принятия моделей, предложенных старейшинами. В обоих случаях на предлагающих полагаются как на полномочных представителей традиции. Что касается тех правил, которыми руководствуются сами ученые в принятии или отклонении моделей, эти правила редко становятся частью интеллектуального багажа бо-

лее широких слоев населения. Сегодняшний обычный западный человек при всей очевидной современности его мировоззрения, редко является более 'открытым' или научным в своих взглядах чем обычный сельский житель Африки»[1].

Знание себя может включать, если учеба проходит в настоящее время, знание способа мышления вашего общества и понимание того, что вы, возможно, являетесь его продуктом, и что это знание действительно может быть достигнуто посредством тех антропологических и психологических наблюдений, какие проводятся суфиями в их курсе обучения тому, как принимать новые и более многообещающие дополнительные перспективы.

Это подразумевает расширение познания через познание себя, познание себя через познание того, как человек думает о других, и 'видение себя глазами других' – то есть, все способы применения тех уроков, на которые на Западе пока только указывают и еще не связывают с попытками способствовать восприятию человеком того, что лежит за пределами обычного состояния сознания.

Утверждение «Тот, кто знает себя, знает своего Господа» означает, помимо прочего, что самообман препятствует знанию. Вопрос задан о том, как достичь самопознания. Первое 'я', о котором надо достичь знания, – это вторичное, по существу ложное, 'я', которое стоит на пути, каким бы полезным оно ни являлось в многочисленных каждодневных делах. Оно должно быть отставлено в сторону, сделано чем-то, что может быть или может не быть использовано, но не тем, что использует вас. Способ, которым это делается, – самонаблюдение: регистрация как и когда это 'я' действует и как оно вводит в заблуждение.

КАК НАЙТИ ВАШИХ БРАТЬЕВ

Один человек однажды заметил в присутствии суфийского старца Джунайда из Багдада, что сейчас стало трудно найти братьев. Джунайд тотчас определил однобокость такой позиции. «Если вы ищете брата, чтобы он разделил с вами вашу ношу, то братьев, воистину, найти тяжело. Однако, если вы в поиске человека, чью ношу разделите с ним вы, в таких братьях нет недостатка», – сказал он.

АНСАРИ О СМОТРЕНИИ НА СЕБЯ

Вы хотите быть способным оценивать институты суфиев. Вы хотите обрести знание себя. Вы можете делать первое после того, как сделали второе. Шейх Абдуллах Ансари из Герата, как и все классические суфийские учителя, настаивает на том, что вы должны видеть себя иначе, чем вашими собственными глазами, другими словами, отлично от вашего теперешнего способа смотреть на вещи, или же ваша привязанность к этому вторичному *'я'* будет только усиливаться и затмит объективное понимание.

АНАЛОГИЯ С САДОВНИКОМ

До тех пор, пока вы сами не можете ясно и постоянно видеть, что вы из себя в действительности представляете, вам надо доверяться оценке учителя: 'садовника' из сравнения Руми:

«Садовник, входя в сад, смотрит на деревья. Он знает: вот – финиковая пальма, вон – смоковница, а там – гранатовое дерево, груша, яблоня. Чтобы знать, ему не надо видеть плоды – только деревья»[2].

ТРУДНОСТИ

В: Каковы трудности в передаче знания на Западе сегодня?

О: Они очень мало отличаются по сути, хотя отличаются внешне, от трудностей во все времена. Чтобы понять, вам необходимо посмотреть на это с такой точки зрения.

Если бы в Средние Века в Западной Европе вы проповедовали, скажем, гигиену, что случилось бы с вами? Для начала вас бы посчитали еретиком – потому, что мылись только неверные. Уважаемые люди сурово критиковали бы вас за предположение, что вы лучше, чем они, поскольку вы моетесь, а они нет. Если бы вы излагали учение о микробах, удалось бы вам это? Если бы вы использовали *их* средства массовой информации, вас обвинили бы в нескромности и даже в худшем; если бы вы попытались учредить свои собственные, вас бы обвинили в дурных намерениях или того хуже...

И – столь же важно – кто бы стал вас слушать? Чудаки, оккультисты, неудачники, желающие найти кратчайший путь к успеху... Не те люди, которые стали бы авторитетами в области гигиены...

---

[1] R. Horton, *African traditional thought and Western science,* in: *Africa,* 37, 1967, International African Institute

[2] *Fihi ma Fihi* ('В ней то, что в ней'), Джалалуддин Руми Балхи.

Необходимо проделать большую предварительную подготовительную работу, объясняя предположения, доказывая, что предубеждение – это не реальность, развенчивая ни на чем не основанную клевету.

ПОДНИМИТЕСЬ НАД ВАШИМ СОБСТВЕННЫМ БАРЬЕРОМ

Великий суфийский поэт Хафиз говорит, и сколь верно, что трудности – внутри людей, ибо они воображают важными вещи, которые в этом поиске, в действительности, не относятся к разряду важных: «Вы сами ваш собственный барьер – поднимитесь над ним».

СВЯЩЕННИК И ПУБЛИКА

Люди ошибочно принимают информацию за знание и одно указание за другое. Происходит это, главным образом, потому, что в целом они не знают, чего хотят, и часто думают, что хотят чего-то, когда это не так. Эта трудность сопутствует всем видам деятельности на Западе.

Я недавно беседовал с приходским священником одной церкви в новом городском районе. Он провел тщательный опрос для выяснения того, что его новые прихожане хотят, какого рода проповедей, как их надо подавать, какие темы им интересны. Все это заняло у него несколько месяцев. В конце концов, он имел картину того, что требовалось, и обеспечил те темы, трактовку и атмосферу, что просили люди.

Первые несколько недель люди ходили на его службы, потом их стало приходить все меньше и меньше. Единственной причиной, которую они указывали, когда их спрашивали об отсутствии интереса, было: «Это не похоже на то, что мы думали».

Это показывает (как вы найдете в бесчисленных суфийских историях), что ни учитель, ни учащийся не знают вне реальной ситуации, как в конкретных случаях должно производиться обучение, если оно не проводится просто путем внушения или эмоционального возбуждения.

То, что во многих дисциплинах учителя думают, что знают как учить, и учащиеся думают, что знают как учиться, затемняет тот факт, что люди вообще принимают это народное поверье без проверки. Единственное исключение для обеих сторон, в течение веков имеющее дело с вопросом уменьшения объема непроданного товара, существует в таких областях как коммерция, где никто не может позволить себе воображать: проверки должны быть произведены.

ТРЕБОВАНИЕ СМЕХА

Один поучительный случай имел место на британском телевидении, когда многие люди пожаловались на обыкновение постановщиков сопровождать шоу после каждой шутки фонограммой смеха, или показывать поведение аудитории в студии. Телезрителям это не нравилось. Главный редактор развлекательных передач лондонского воскресного телевидения в 1970 году подчинился резкой критике и потоку писем, убрав смеющуюся аудиторию. Теперь стали жаловаться актеры, что без смеха, помогавшего им в выборе темпа, они не могут играть правильно. «Поэтому, – продолжил мистер Барри Тук, – я вернул обратно аудиторию, и все опять стало прекрасно. Почти те же самые люди, которые ранее обращались с жалобами, писали снова, чтобы сказать, насколько предпочтительнее шоу с аудиторией».

КАК ПРОДАВАТЬ КНИГИ УЧЕНЫМ

При рассылке ученым проспектов новых книг, мы обнаружили подобный результат. Почтовые извещения, изложенные безупречным научным языком, едва вызывали какой-либо сбыт. Но проспекты, которые были написаны подобно рекламе стирального порошка, даже для книг на серьезные темы, привлекли большое число этих уважаемых джентльменов, пославших свои требования на высылку. Когда я упомянул этот результат в газетном интервью, несколько профессоров написали мне, соглашаясь, что они предпочитают 'возбуждающую' рекламу и что 'ученый стиль' им надоел...

МЕРТВЫЕ, КОТОРЫЕ ХОДЯТ...

За многие века одна из трудностей на пути передачи суфийского знания и на Востоке, и на Западе не изменилась. Как утверждал суфийский старец Абу'л Хасан Кхиркани: «Многие люди, которые в действительности мертвы, ходят по улицам; многие, кто в могиле, в действительности живы», – говорит он нам (в жизнеописаниях мастеров Аттара).

Трудности в передаче знания, о которых вы спрашиваете, означают, что только немногие люди могут сразу же учиться тому, чему их учат. Остальным надо приобрести определенный опыт и пройти обучение, пока их внутреннее восприятие не будет

в состоянии установить связь с передачей.

Многие люди полагают, что их интерес к предмету является достаточной подготовкой. Более того, они не могут поверить, что другие, возможно, имеют способность восприятия, в то время как они сами должны ждать.

ДЖУНАЙД И РЕВНИВЫЕ УЧЕНИКИ

Джунайд однажды проиллюстрировал это на очевидном уровне, когда некоторые из его двадцати учеников ревниво отнеслись к его привязанности к одному из них. Притча-в-действии, которую он изобрел, стоит того, чтобы над ней поразмышлять.

Он созвал всех своих учеников и велел им принести двадцать кур. Каждому было сказано отнести одну птицу туда, где его никто не видит, и убить ее.

Когда они вернулись, птицы были мертвы: все, за исключением той, что взял обсуждаемый ученик.

Джунайд в присутствии остальных учеников спросил его, почему он не убил свою птицу.

«Вы велели мне пойти туда, где я не могу быть увиденным, но такого места нет: Бог видит все», – ответил человек.

Трудность передачи знания тесно связана с ориентацией ученика. Желать знания недостаточно. Как мы видим в случае с учениками Джунайда, только один из двадцати действовал в соответствии со своими убеждениями.

УЧИТЕЛЬСТВО СОГЛАСНО МУИНУДДИНУ ЧИШТИ

Институт учительства существует по той причине, что учащийся должен учиться тому, как учиться. Понимая это, человек осознает, почему не является крайностью высказывание Муинуддина Чишти:

> «Следует принять сердцем, что все, что Духовный
> Руководитель убеждает своих учеников делать и
> практиковать – на пользу самому духовному ученику».

Тайны и суфии

В: Если не для приятного возбуждения, то зачем суфии намекают на тайны и говорят об удивительных местах, странных книгах и тому подобном?

КУЛЬТУРНЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ

О: Если они так делают, то, возможно, лишь для того, чтобы распознать поверхностных людей, которые цепляются за подобные вещи. Это напоминает старый армейский прием, когда сержант говорит новобранцам: «Поднять руки тем, кто слишком культурен для физической работы», – и затем, когда несколько рук поднимается, объявляет: «Вот кто нуждается в усиленной тренировке физическим трудом!» – и посылает их на самую грубую работу.

Другая причина, возможно, в том, что то, что для вас – приятно возбуждающее, для меня – повседневная жизнь. Такие слова, как 'удивительный', 'странный' и тому подобное не имеют абсолютного значения и в высшей степени субъективны. Каково значение слов 'тайна, странный, удивительный'?

Для суфиев не новость заниматься вещами, которые заставляют людей реагировать таким образом, для того, чтобы позволить аудитории переживать и наблюдать изменения своего настроения и чувства, чтобы осознать, что слишком много людей имеют слишком много, так сказать, рычагов для манипулирования ими.

Нет однозначного ответа на этот вопрос. Поскольку невнимательные ученики предположили, что суфийские учения, нацеленные на отдельных людей или группы, или предназначенные для кратковременного использования, являются предписаниями на века, применимыми при всех обстоятельствах, то это все еще одно из наиболее широко распространенных заблуждений. Многое из суфийской литературы больше неприменимо, поскольку за годы склад ума аудитории изменился.

Руми имеет в виду так называемые тайны, когда говорит: «Если вы не видите этих тайн истины, то смейтесь над нами...»

ХЛЕБ ДЛЯ ГОЛОДНОГО

Тайны, странные места, а также удивительные книги – часто расхожие выражения того языка, на котором несведущие люди думают об определенных предметах. Для того, чтобы установить связь с этими людьми вам, возможно, для начала, придется использовать их язык. Это не делает его *вашим* языком. Помните высказывание: «Для голодного человека 'дважды два' означает 'четыре буханки хлеба'?» Если вы обращаетесь к голодному человеку, ваши первые слова вполне могут быть о хлебе.

Если вы хотите более короткий ответ на умозаключение о том, что суфии просто хотят приятно возбудить, вот старинное высказывание:

«Если вы верите этому и думаете, что убеждены в этом, знайте, что вы в действительности нуждаетесь в усовершенствовании. Быть убежденным и верующим – стадии, которые должны быть преодолены на Пути к Уверенности».

К тому же, у суфиев слова подобные 'тайне', являются техническими терминами. Лучшим переводом слова 'тайна' часто является 'глубочайшее сознание'.

Когда встречаться

В: Люди слышат о чем-то и, как вы указали, тотчас жаждут этого. Почему же не всякая встреча с учителем или источником знания дает результаты для ученика?

ИСТОЧНИК СВЕЖЕЙ ВОДЫ

О: На эту тему есть персидская поговорка, из классического Гулистана Саади:

Где бы ни был источник свежей воды –
Рядом с ним будут люди, птицы и муравьи.

Всюду, где есть источник притяжения, люди, в соответствии со своей природой, будут собираться вокруг него. Я говорю 'в соответствии со своей природой', потому что человеческие существа похожи на животных в том, что они притягиваются к той стороне вещей, которая непосредственно привлекает их. Как и у животных, иногда эти вещи подходят им, иногда нет.

Позвольте быть более конкретным. Вы слышите о некотором учении, и то, что вы слышите, притягивает вас. Или, возможно, вы хотите разузнать о нем побольше. Для вас это означает, что вы, наверное, без промедления войдете в контакт с этим учением. Здесь присутствует предположение, что вы можете получить пользу от контакта, установленного тогда, когда это удобно вам, или на условиях, продиктованных вами. Такая позиция бесперспективна, поскольку она не соответствует тому, что *могло бы* произойти.

Ценность учения для вас, и для самого учения, будет лишь в том случае, когда вы станете созвучным с ним – таким образом, в такое время и при таких обстоятельствах, – которые являются наиболее подходящими для плодотворной связи с этим учением. «Даже рыба может выпить лишь определенное количество воды из моря».

В этом отношении, учение является более тонкой вещью, чем, скажем, изучение языка. Вы можете достать книгу, или звукозапись, или учебник, и заниматься языком в любом месте, в любое время, когда это вам удобно. И тем не менее, даже при изучении языка, должны быть правильные условия.

Вы должны быть в определенном умственном и физическом состоянии: например, не слишком усталым или не слишком голодным. Вы должны находиться в сравнительно удобном месте, например, не стоять на открытом воздухе под проливным дождем. Вы должны обладать некоторыми необходимыми вещами: магнитофоном, электричеством, или должны уметь читать, предпочтительно не быть глухим и так далее. Обычный человек может понять эти потребности для учебы, которую он себе организует. Он не с той же охотою потрудится подумать о них в отношении высшего знания. Почему же?

Обучение тому, как учиться включает в себя проверку предположений. Истории о мулле Насреддине очень часто выполняют эту функцию.

ШАБИСТАРИ О СОЗВУЧИИ

Шабистари, в *Тайном Саду,* упоминает проблему созвучия между учителем и учащимся, и между людьми и их переживаниями, подчеркивая, что гармония должна быть правильной: «Озарение иногда от величия, а иногда от красоты, [его] совершенство – между ними».

Вы говорите, что люди жаждут вещей, и вы правы. Но если вещь, которую они жаждут, в данном случае суфийское знание, является качественной, а не количественной, перед обучением должна происходить настройка на качество.

Примите во внимание факт, что суфийские учителя дают ученикам темы и другие материалы для изучения таким образом, чтобы результат мог быть увиденным тогда, когда он может проявиться, а не произвольно в 14.30 на следующий день. Люди, которые являются жертвами убеждения, что обучение происходит механически или посредством мгновенного озарения, не могут извлечь из этого пользы, поскольку они отвергают целую область взаимодействия между ними и учителем.

Любая встреча с учителем может принести результаты, но именно ученик препятствует этим результатам из-за поверхностности своих ожиданий. Мы опубликовали множество историй, иллюстрирующих этот момент в обучении тому, как учиться.

В: Не поэтому ли вы, кажется, отговариваете людей от преодоления больших расстояний, чтобы увидеть вас, в то время как они продолжают прибывать со всех концов земли из Японии, Аргентины, Индии, Канады, Самоа..?

О: Я не отговариваю всех этих людей. Но существует образец, и я рад, что могу поделиться им с вами, так как этот образец лежит в самой основе наших занятий. Когда я был юным учеником, у меня

был точно такой же вопрос, и я занимал как раз такую же позицию, как вы. Мой учитель обычно получал письма и принимал людей со всего мира. Я спросил его, почему он отговаривает людей, которые совершали (или готовы совершить) длинное и иногда трудное путешествие. То, что он сказал мне, я нашел верным и даже, если такое возможно, верным вдвойне. Вот оно.

ПОЗИЦИИ УЧЕНИКОВ

Люди склонны думать в первую очередь и главным образом о себе. Это может означать, что когда они слышат о нашей работе, они страстно желают принять в ней участие, больше учиться, получить пользу лично для себя. Когда они так делают, то это всегда означает, что они питают свой собственный эгоизм и зафиксировались на личной выгоде.

С другой стороны, когда люди входят в контакт с нашими идеями и распространяют их правильным образом другим (то есть не создавая культа и не ставя себя в положение учителей), они не только берут, но и отдают.

Такие люди никогда не требуют прежде всего быть принятыми, замеченными, наученными и тому подобное. **Они** взращивают группу людей, распространяют это знание, наилучшим, возможным для них образом, и затем спрашивают, следует ли прийти им или, возможно, кто-то посетит их. В действительности, они в состоянии учиться и не только получать помощь, но и оказывать ее. Это устанавливает непрерывную среду, в которой человек служит и является объектом служения.

Некоторые, с другой стороны, тратят огромные деньги на путешествия, иногда собирая их еще с кого-то, и думают только о себе, даже если они не осознают этого. Если они не видят этого в себе, наше дело – указать им на это, чтобы они могли извлечь пользу из своих поступков и учились исправлять свою алчность установлением среды, в которой человек служит и является объектом служения. Это то, чему учил меня мой учитель. Он обычно говорил: «Многие люди думают, что я только испытываю их, когда посылаю им послания с такой целью, или если не отвечаю им, давая им возможность изменить их подход с 'Дайте мне' до 'Что я могу делать?', но вы увидите, на этом самом месте, как люди, которые приходят сюда в таком состоянии, оказываются не поддающимися обучению, просто метафизическими туристами». Он был совершенно прав. Так, отказываясь учить, он давал им возможность изучить это свое поведение путем самонаблюдения. Некоторые из них, хотя и меньшинство, действительно научились этому. Конечно, мы смогли весьма уменьшить эту трудность, опубликовав истории, где классическими и другими учителями было показано, как страстное желание учиться иногда является маской своекорыстия. Это дало возможность довольно большому числу людей занять правильную позицию по отношению к Учению.

Процесс обучения тому, как учиться, хорошо проиллюстрирован подходом такого рода, и это наглядно показывает, как один и тот же человек может быть неспособен получить пользу от Учения, пока настаивает на распространении на него этой алчной стороны своей личности, и как тот же самый человек может быть в состоянии учиться, используя по отношению к учению свою лучшую и более перспективную сторону.

Но не забывайте, что есть столь же много людей, не знающих как учить, как и тех, кто не может, в их теперешнем состоянии, учиться. Имеет место даже тот факт, что люди, думающие, что они могут учить, не заботятся об обучаемой стороне.

КАК ОБУЧАЛИ ЯЗЫКУ

На днях я обнаружил восхитительный пример такого склада ума, беседуя с преподавателем языка. Он сказал: «У меня есть изумительная система, целиком моя собственная. По этой системе я обучал человека, бравшего частные уроки, и обучал его превосходно».

Я сказал риторически, как обычно говорят люди в общих беседах: «И теперь он знает язык очень хорошо, не так ли?»

«Ни слова, – сказал учитель. – *Я* обучал его превосходно, но *он* просто *не научился»*.

Потолок

В: Не могли бы вы привести пример, с использованием параллели или иносказаний, области, в которой действует суфийское учение, и как оно действует?

О: Наше учение говорит о и существует частично в 'другом мире', 'высшем царстве', 'ином измерении'.

Вот параллель того, что это означает в одном важном отношении, и того, что является объектом Учения.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОТОЛОК

Предположим, что у нас есть дом со стенами, потолками, полами, и мы находимся внутри этого дома. Пусть, по давно укоренившемуся обычаю, люди могут трогать и иметь дело только с полами и стенами. Если бы кто-нибудь зашел внутрь и сказал: «Посмотрите на потолок», – люди оказались бы не в состоянии сделать это – до некоторой степени как дети, которые часто не могут увидеть что-то, и несомненно не могут наблюдать это, пока им не покажут.

Предположим далее, что на протяжении поколений в обычае было вешать вещи на стены и ничего не иметь на потолках. Предметы на потолках могли быть тогда 'невидимыми' для большинства людей.

Так и с нашим учением. Мы часто и пространно утверждали, что люди не продумывают вещи до конца, что они делают предположения (такие как 'не существует потолка'), которые не пытаются проверить. Но, подобно знающему человеку, который пытался бы указать на существование потолков, мы делаем большее, чем постоянное привлечение внимание к этому теоретическому постулату ('возможно потолки существуют').

Мы предоставляем в учебных курсах, на встречах, в контактах с учителями, материалах для наблюдений, упражнениях, называйте их, как вам нравится, практические средства, чтобы укоренить и поддерживать в обществе, которому это адресовано, практическое знание о существовании 'потолков'.

ГДЕ НАЙТИ ИСТИНУ

Необходима тщательная подготовка, прежде чем люди смогут воспринимать нечто, что все время здесь. Об этом же в поэтической форме упоминал Саади из Шираза, когда говорил:

«Адепт видит в верблюде то же,
что и в красавицах Китая или Чагила».

Кроме того, применяя определенную способность концентрации, некоторые люди, в качестве метода обучения, заставляют других облекать в конкретную форму их внутренние мысли. Эти мысли выдают характер и действие вторичного 'я', ложной личности, которая, хотя и позволяет людям управляться со многими обстоятельствами жизни, имеет целью поддержание себя, а не развитие индивидуума за весьма узкие и мелкие пределы.

РАБОТА НАД 'КОМАНДУЮЩИМ Я'

Это командующее я (в суфийской классической литературе называемое *Nafs-i-Ammara)* проявляется через реакции, надежды и страхи, различные мнения и озабоченности.

Если ввести его действия в поле зрения, то и сами эти индивидуумы и наблюдатели смогут заметить его ограничения, искажения и особенности. Фактически, это 'я' является в значительной степени тем, что большинство людей воображает своей личностью, своим собственным и единственным 'я'; и оно стоит между объективной реальностью и истинным 'я', сущностью, чья реализация является целью суфийских занятий.

Иногда проявление этого 'я' характеризуется идеями или поведением, приписываемым другим людям, как может случаться во сне. Один современный специалист в технике, знающий эти вещи, отметил: «Это как если бы какая-то часть программы ментального компьютера зациклилась...»

Возможно также противоположное действие, когда учитель [муршид] наделяет ум ученика [мюрида] понятиями, которые могут достичь сущности и которые, следовательно, не могут быть переданы обычными методами, применяемыми в общении с обусловленным **'я'.**

ДРАГОЦЕННЫЙ ЖЕМЧУГ

Люди пытались развивать эту способность для удовлетворения личных амбиций и, поскольку это

действительно отчасти возможно, соответствующая методология тщательно защищена.

Такие работы как 'Драгоценный жемчуг' *Durrat al-Fakhira* Ибн ал-'Араби дают множество примеров как этого механизма, так и его склонности быть независимым от того, что люди по привычке считают систематическим действием. Он может, например, возникнуть незванно. Он действует в людях, кого – из-за наших обычных предположений о любой такой способности – сразу не заподозришь в том, что они ею обладают. Он может не действовать вовсе. Иногда он приводится в действие волей, иногда нет. Случается, что он действует независимо от того, используется ли эта способность для 'хороших' (социально приемлемых) целей или нет. Традиционно, он также может работать для того, что кажется тривиальными целями, как было отмечено для схожей экстрасенсорной деятельности в более современных западных науках. Эти факты могут сделать его еще более интересным, поскольку такие характерные черты не согласуются с обычными народными верованиями об этом предмете и ведут к разрыву традиционных связей с оккультизмом, более напоминая современные явления связи, хотя и в очень утонченной форме.

ПОНИМАНИЕ СЕРДЦЕМ

«Суфии, – гласит пословица, – понимают сердцем **то, что** ученейшие мужи не могут понять умом».

Результаты неожиданной встречи с суфием могут проявиться, а могут и не проявиться в то время и в том месте, как желает того учащийся. Они могут последовать немедленно, а могут и не последовать. Надо, возможно, чтобы произошло что-то еще прежде, чем в полной мере можно будет ощутить пользу от этой встречи.

Один из наиболее очевидных факторов, действующих в таких отношениях, указан в истории под названием 'Гранаты' из моей книги *The Dermis Probe.*

РАБОТА И РАБОТА

В: Почему суфии ожидают, что люди будут выполнять физическую и умственную работу; почему, столь часто, их учреждения необходимо поддерживать трудом?

О: Впервые я столкнулся с этим вопросом сам, когда жил в суфийском поселении, где каждому приходилось работать. Так много важных и влиятельных (и денежных) людей посещали это место, что я обычно недоумевал, почему наш Учитель не распределит обязанности по профессиям и не наймет садовников и так далее, чтобы освободить столь многих людей, делающих то, что часть из них была явно не приучена делать.

Я спросил его однажды вечером: «Есть люди, постоянно предлагающие нам огромные суммы денег. Разве не представилось бы больше возможностей для учебы, если бы мы использовали эти деньги для ведения хозяйства?»

РАЗВИВАЯ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ ПОНИМАНИЕ

Как принято у суфиев, он велел мне уйти и самому найти эти ответы, а затем, когда я их добуду, вернуться, чтобы посмотреть, не занимаюсь ли я лишь задаванием пустых вопросов. Так, я потратил на это три или четыре недели.

Сначала я записал все возможные соображения, о которых мог помыслить, затем, обдумывая их, я присматривался, каким образом делаются дела, изучал жизнь через жизнь, пока не наткнулся на ответы. Вот они, и давая их вам, я не делаю никакого одолжения, поскольку, если бы вы нашли их сами, вы приобрели бы больше. А так, мне придется дать вам возможность изучить нечто равноценное с помощью некоторого другого метода.

Некоторые люди предлагают деньги как замену действию, и им нужно выучить, что они могут служить посредством большего смирения. Поэтому, в их же интересах, деньги от них не берут. Другие могут давать или предлагать деньги, и они могут быть приняты, но как они будут использованы, решает учитель, ученики же не в состоянии предлагать программу занятий или организационную программу, если они пришли сюда учиться.

К тому же, наличие пригодной для работы обстановки означает, что люди могут учиться всякого рода вещам, которым нельзя научиться в обычном мире, и которые жизненно важны для их способности понимать понятия и переживания из области высших измерений. Например, если вы хотите, чтобы что-то было сделано обычным земным образом, вам, вероятно, потребуется иерархическая система. Это, в свою очередь, может позволить людям развивать скрытое желание власти, которое, может быть, не проявлено в них. Как вы сможете улучшить таких людей, если вы, фактически, поддерживаете эту тенденцию? Вам приходится работать с теми, кто есть, и, поэтому

организация должна быть такой, чтобы предоставить возможности для развития положительных качеств и отмирания отрицательных.

Этого нельзя сделать в атмосфере, где все работает на том топливе (алчность, надежда, страх), которое необходимо, чтобы заставить людей действовать и продолжать действовать во внешнем мире. К тому же, если вы берете деньги у некоторых людей, они (не вы) могут вообразить внутренне, что они 'купили' нечто. Это может потворствовать их желанию предпочтительного положения. Это может, наоборот, заставить человека чувствовать, что он не тянет свой груз, а вроде как купил себе проезд. Что также не хорошо ни для кого.

Далее, всегда есть люди, которые предлагают деньги, и когда вы их берете, предполагают, что вы употребили их для себя. Людей не следует ставить в положение, когда развиваются их худшие свойства, в данном случае, подозрительность. Одно дело – создать ситуацию, где люди могут наблюдать свои нежелательные свойства в действии, но совершенно другое – произвести такую, в которой они, имея эту подсознательную опухоль, так, возможно, никогда и не выявят ее.

Это сделало бы такого человека хуже, а не лучше. Это так же плохо, как косвенный моральный шантаж, когда вы предстаете святым, чтобы заставить людей чувствовать или уважение к вам, или их недостойность. Между прочим, именно по вышеупомянутой причине, суфии отказываются оказывать давление на людей нравственным убеждением, что согласуется с современными открытиями в психологии, хотя исторически мы находим, что это очень мало понято в большинстве культур. Это все еще остается главным источником лицемерия.

<u>Противоречивые тексты</u>

В: Некоторые суфийские тексты, как кажется, показывают, что человеку следует быть дисциплинированным и преданным, другие – что ему следует быть критичным и беспристрастным. Как это можно согласовать?

ВСЕ ЛИНИИ ПРЯМЫЕ?

О: В точности таким же образом, как, скажем, может быть согласовано в математике, когда спрашивают: «Одна книга говорит, что все прямые углы содержат девяносто градусов, но Эйнштейн говорит, что прямых линий не существует, все линии кривые, следовательно, не *существует* прямых углов». Трактовки одного и того же предмета, трактовки, которые зависят от области, в которой вы работаете, или от степени продвинутости ученика или от того и другого.

Если ученик не в состоянии усвоить как дисциплинированность так и критическую позицию, как линейное так и целостное мышление, он не будет в состоянии воспринять то, что должно быть воспринято. Шабистари подчеркивает это, когда наставляет, что людям надо быть гибкими и находить путь между крайностями и противоположностями: «[Искатель] всегда уравновешен между отвержением и верой».

ПРИВЫЧКА УМА – ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ

Привычка ума является одним из полезнейших и, в то же время, бесполезнейших инструментов для подхода к проблемам. Если вы выбираете правильный подход, вы можете решить проблему. Но если вы не можете выбрать его, а только подчиняетесь ему, то, наверное, лучшую привычку для достижения данной цели вы не используете.

Привычка, которая владеет нынешним мышлением, обычно предполагает, что дисциплинированный подход решит все проблемы. Она идет бок о бок со своей противоположностью:

соблазнительным, но равно неполным убеждением в то, что, если утеряна дисциплина, то приобретено прозрение. В истории о мотыльке и пауке, озаглавленной 'Научный успех' в моей книге *Магический монастырь,* вы можете видеть, почему ни один из этих подходов, когда его принимают как несомненно обеспечивающий решение, не принесет успеха там, где в мышлении преобладает механический или бессвязный ум.

Претендент в суфии именно потому нуждается в руководстве, что книги, тексты, говоря вам, что является необходимым, не говорят когда. Размышляйте над пословицей: «Если люди намерены жить, словам придется умереть».

Самообман

В: Не могли бы Вы отметить что-либо вредное?

О: Несомненно, большинство людей может это сделать.

Что касается меня, вредно, когда приходится иметь дело с людьми, которых вы хотели бы учить, в то время как они – притворяясь, что ищут знания – хотят лишь социальной объединенноети, дружбы, 'единства душ', внимания и тому подобного.

Все эти вещи восхитительны: и тем более восхитительны, когда ими увлекаются осознанно, а не находят посредством обмана. Обман, в данном случае – притворяться, что учишься, в то время как ищешь стимулы.

Такие люди, возможно, имеют способность учиться. Но они перекрывают ее поверхностными целями. Они, возможно, приучены искать мелкие удовлетворения и давать им возвышенные названия. Ими, с другой стороны, возможно просто движут потребности младенчества. Руми сказал: «Когда вы прекратите домогаться орехов и изюма?»

Это состояние может так укореняться, что люди, во всех намерениях и целях, не осознают его присутствия.

РАЗРУШЕНИЕ НИЗШИХ УСТРЕМЛЕНИЙ

Суфии встряхивают людей от этого 'сна'. Такие толчки часто воспринимаются как вредные – до тех пор, пока они не дадут результат, тогда мы всегда благодарны, что нам было позволено испытать их. То, что является фактически вредным для человеческой природы, в то же время необязательно ощущается вредным. Самообман – главный вред.

Когда изучается что-то реальное, низшие цели будут иметь тенденцию к исчезновению, и то же будет с пагубным воздействием подвергнутого критике существования низшими озабоченностями. Как говорит шейх Газур-и-Илахи, в его *Irshadat,* если развитие посредством суфийского Пути достаточно глубокое, то дефекты мышления исчезают, не имея никакой поддержки.

Вопрос не в том, куда вы идете, или вступили ли вы в группу. Вопрос в том, были ли вы правильно подготовлены учиться как учиться.

ДОМ И ГОСПОДИН ДОМА

Баязид Бистами выделил различные уровни в восприятии Истины, когда сказал, что, в первый раз посетив Каабу в Мекке, он видел Каабу. Второй раз он видел Господина Каабы. В третий раз он не видел ничего: ни Каабу, ни Господина Каабы.

Путешествия на Восток

В: Вы хотите, чтобы мы отправлялись на Восток или вступали в суфийские группы?

О: Я сказал и написал о суфизме и суфиях столько, что некоторые люди воображают, будто я стараюсь повлиять на них так, чтобы они присоединялись к культу или религиозной группировке.

В действительности, как я сейчас объясню, для меня предпринять такую кампанию невозможно.

Слушание и чтение того, что мне приходилось говорить о суфиях, заставило орды религиозно настроенных стекаться к зачастую гротескным вариантам суфизма на Востоке. А также, с равной силой, заставило полчища любопытных и алчных толпиться вокруг гуруистских культов на Западе.

Сие минует тех, кто не информирован, тех, кто хочет научиться большему из того, что является суфизмом, и тех, кто не заинтересован.

Предпринятая мной операция была весьма успешной, **но** эта ее часть имела для большинства не более высокое назначение, чем любое другое средство, которое сортирует вещи – или людей.

ЦЕЛЬ И МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ

Просто путешествие на Восток обычно имеет тот же результат, что и в двустишии:

«Два узника взглянули сквозь решетку на окне.
Один увидел грязь, другой – созвездья в вышине».

Что представляет из себя путник вне пути или без цели? Шейх Саади напоминает нам: «Боюсь, что ты не достигнешь Мекки, о путник, ибо ты на дороге, ведущей в Туркестан!»

Мужайтесь, ибо склонность бродить в поисках знания и отправляться в далекие края (якобы за знанием, но, в действительности, чтобы просто быть в движении) – это чисто человеческая склонность. В моих *Сказках дервишей* имеется множество примеров этой склонности и ее последствий, а также того, как снова и снова возникала она в жизни классических суфиев и их учеников. Поэтому нам надо оценить, кто же тот человек, который намеревается отправиться на 'Восток', когда он хочет ехать, с кем – если с кем-то – и куда.

Люди скорее отправятся на Восток и не найдут там ничего (потому что они не знают, как организовать свое путешествие), чем когда-либо осознают желание сердца.

ВЫ МОЖЕТЕ ЖДАТЬ 150 ЛЕТ?

Слышали ли вы о том, как мулла Насреддин, услыхав, что некоторые попугаи живут до 150 лет, купил молодого попугая, чтобы проверить, окажется ли это правдой?

'Присоединение к суфийским группам' вряд ли полезно тем, кто находит группы, возможность 'присоединиться' к которым у них есть до того, как им ее предоставят после оценки полезности такого присоединения.

Нужно знать о самой 'суфийской группе', прежде чем давать ответ, который подразумевал бы, что люди, вероятно, натолкнулись на настоящую суфийскую группу среди вторичных 'орденов', 'школ' или 'учителей', которые утвердились публично...

РАЗНООБРАЗИЕ УТВЕРЖДЕНИЙ

Я замечаю, что занимаясь ли в группах, путешествуя ли на Восток, или же вовлекшись во что-то еще, по-видимому, немногие люди принимают во внимание достаточно широкое разнообразие суфийских утверждений.

Одно из них, которое стоило бы изучить более глубоко прежде, чем искать, – это совет просветленного Мумшада Динвари[1]: «Вы учитесь, говорит он, посредством связи с реализованным учителем. Но вы можете не получить ничего от такого человека, если привносите чувство личной гордости».

Широко распространенное принуждение делать то, для чего не приспособлен, а также предполагать, что собственный выбор образа действий подходит, прослеживается всюду, во всех эпохах.

БЕЗНОГИЙ ВОР

В современном мире пресса предоставляет превосходную возможность видеть, как это проникает в

[1] Записано в *Tadhkirat al-Awliyya* Фаридудуддином Аттаром

человеческое поведение. Вот пример, выбранный почти что наугад. Он демонстрирует поведение, лежащее в основе таких вещей, как бездумное присоединение к группам или путешествия на Восток. Являются ли они продуктом духовных устремлений или полнейшего недумания, возведенного в достоинство?

Вор-домушник, залезавший в дома через форточки и совершивший, по меньшей мере, сорок одну кражу был пойман и доставлен в суд. Конечно его поймали, несмотря на его величайшую ловкость, так как оказалось, что у него нет ног, которые были ампутированы несколькими годами ранее[1].

---

[1] *Daily Telegraph* (London) 9 September 1977, p.19 col. 3.

Как выглядит суфийский учитель

В: Как, согласно суфиям, следует выглядеть учителю для учеников?

КИРПИЧ И ДОМ

О: Этот вопрос, как и многие другие, о которых предполагают, что на них можно с пользой ответить в нескольких словах, напоминает мне историю о мулле Насреддине. Кто-то спросил его, на что, по сути, похож его дом. В ответ мулла принес этому человеку кирпич, сказав: «Это просто набор таких вот штук». То, что глупец делает, может быть, не осознавая, что это глупо, мудрому человеку, возможно, приходится делать или говорить, чтобы продемонстрировать, как бездумен вопрос.

Как можно сказать, подобно чему следует быть учителю? Самое большее, что можно сделать, – это высказать несколько замечаний на эту тему.

Что так озадачивает людей с обусловленным отношением к суфиям – так это то, что суфии, в отличие от учителей другого рода, отказываются придерживаться одного типа внешности. Например, для приходящих к суфийскому святому, он, возможно, выглядит, говорит или действует совсем не как мистический мастер. Это потому, что он говорит: «Учить можно только методом, показанным для каждого конкретного ученика, и, возможно, учить его придется тем способом, который кажется ему неправдоподобным»; или же потому, что он говорит: «Есть время, и место, и определенное общество. Мы учим в соответствии с ними. Когда время быть серьезными, мы будем серьезными. Когда время работать посредством того, что выглядит, как обычные вещи, нам придется поступать так».

Этот урок столь важен, что можно сказать, предшествует всем другим: в том смысле, что неусвоение его может воспрепятствовать вам учиться дальше – и может оставить вас привязанным к внешнему облику лицемеров. В том числе, конечно, и бессознательных лицемеров.

Если суфии правы в их утверждении, что время влияет на поведение, и, что внешний вид (и даже темперамент) человека должен меняться, то очевидно, что все люди, культивирующие благочестивый вид и все те, кто приобрел его, ошибочно принимая за духовность, заблуждаются.

Именно это невысказанное противоречие делает почти невозможным для людей, которые хотят постоянства и легко узнаваемого внешнего облика обучающего, принять изменение в обстоятельствах и отношениях, чего требует суфийский Путь.

Такие люди, конечно, не захотят обдумать вопрос подобным образом. Все, что они знают, это: «Святой должен выглядеть для меня святым»; или «Если он всегда ведет себя одинаково или всегда призывает меня к одним и тем же вещам, я верю, что, возможно, он прав».

Другая проблема в том, что наблюдатель путает, поскольку он, не обладая пониманием, обречен путать постоянство и последовательность с надежностью или истиной. Так как одинаковое на вид масло всегда имеет один и тот же вкус, он ожидает подобной 'надежности' от своего духовного учителя. Он, конечно, обманывает себя таким предположением.

Позиция приверженцев внешнего происходит из того, что их внутренний стимул направлен на поиск аккуратности, порядка. Это не духовная деятельность, а, скорее, терапевтическая. Порядок необходим для беспорядочных людей. Поиск его как главного фактора в области 'эзотерического' является ошибкой.

Пытаясь создать то, что – для них – является порядком, из того, что, как они воображают, является в суфийской традиции беспорядком, они вынуждены чрезмерно упрощать. Они игнорируют части учения и преуспевают только в создании имитации суфизма.

Столь много людей так сильно желают порядка, **что вы** найдете скорее имитацию, чем реальность. Невозможно **никого** упрекать за это. Но указание на факты может помочь.

КАКИМ СЛЕДУЕТ БЫТЬ УЧИТЕЛЮ

На эту тему есть непревзойденное изречение Ибн ал-'Араби:

«Люди думают, что учителю следует демонстрировать чудеса и проявлять просветленность. Но, требование к учителю таково: **ему** следует обладать всем, в чем нуждается ученик».

ЗА ВНЕШНИМ

Чтобы обладать тем, что требуется ученику, учитель должен быть человеком, который прошел за внешнее и реализовал свое сокровенное 'я', после выхода за барьеры, возведенные привязанностью ко вторичным факторам. Он реально существует и осознает это существование. Как говорит Ибн Араби: «Абсолютное существование – источник всего существования».

Халладж, указывая на эту особенность реализованного индивидуума, сказал так:

«Я есть Реальность, ибо Я не перестал быть реальным – через Реальность».

Суфийским учителям, которые достигли стадий, когда вокруг них происходят странные вещи, обычно называемые чудесами, в результате действий, отличных от каких-либо попыток произвести впечатление, приходится уравновешивать это. Иначе люди притягиваются к ним или вообще к суфиям из-за жажды чудес.

ЛУКОВАЯ ЛАВКА

Примером этого является случай, когда у великой женщины-суфия Рабийи в доме не оказалось овощей, и она упомянула об этом. Неожиданно связка лука упала, как показалось, с неба, и присутствующие закричали, что это доказательство божественного благословения.

Рабийя понимала, что обращения посредством чудес – это только эмоциональные явления и, по сути, не обладают духовной реальностью. Поэтому она произнесла свою знаменитую фразу:

«Чудо, говорите? Что же, мой Господь содержит луковую лавку?»

<u>Книги и за книгами</u>

В: Как совмещаются, если совмещаются, суфийская книга и суфийское учение, что за книгами?

О: Многие люди говорят, что они не могут учиться по книгам.

КАК ИНСТРУМЕНТ

Конечно, не могут: потому что сначала им надо научиться тому, что, при правильном руководстве, они могут учиться по книгам или у кузнечиков, или у чего угодно.

Книга, для суфиев, является инструментом настолько, насколько она есть нечто, дающее информацию.

И информация, и действие необходимы.

Ключом является учитель.

Если он говорит: «Читайте эту книгу», то вам следует читать ее.

Если ваш ответ – «Я не могу учиться по книгам», то вы, **на** самом деле, отвергаете его обучение.

Если вы отвергаете обучение, не удивляйтесь, что вы ничему не учитесь.

Вы, возможно, один из тех, чья проблема в том, что они не хотят учиться, и ваши слова «Я хочу учиться» – это защита от того, чтобы когда-либо учиться, фактически, заклинание.

Никакой настоящий учитель не спутает человека, который только говорит «Я хочу учиться», с тем, кто несомненно хочет учиться.

Вот почему столь многим людям надо пройти через стадии, которые покажут им, что их состояние (в то время, как они утверждают, что они хотят учиться и не могут найти материалы) – неподходящее основание для учения.

РЕАЛЬНОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Чтобы человек мог достичь чего-то в области, которую называют 'то, чем он мог бы быть', ему необходимо придти к пониманию, как видеть, что он есть в действительности.

И опять, именно учитель знает, что показано: надо ли **его** ученику развиваться линейным или другим способом. Как говорит ходжа Хан, традиционно, прямое учение вне книг, таинство единения, преподавалось духовной элите, в то время как линейный Святой Закон *{Shariyya* или *шариат* ислама) давался обычным людям. Таким образом, ограниченные могли подниматься посредством дисциплины *шариата,* а элита была в состоянии нисходить к Закону посредством Истины непосредственного восприятия.

Согласно суфиям, есть только одна Сущность, Реальность *(Haqq* = Истина). Из нее произведена внешность, Форма, упоминаемая Ибн ал-'Араби в *Fusus al-Hikam* и других работах, как *Khalq,* та, что создана, вторична. Стало обычным принимать вторичное за первичное, и человечеству следует учиться как избегать этого. Но живя в царстве вторичного, 'мире', человечество должно изучить ценность и ограничения этого вторичного, явленного. Ограничения включают тот факт, что после определенной стадии такие производные вещи ничем не могут помочь человеку. Ценностью являются те события и обстоятельства, в которых такие вещи могут быть помощью, и то, как их можно использовать.

ЦЕННОСТЬ ОТНОСИТЕЛЬНОГО

Высказывание «Относительное – канал к Абсолютному» (A1-majazu qantarat al-Haqiqa) содержит в себе это утверждение. Опыт суфия подсказывает ему, как обращаться со вторичными факторами, и, следовательно, дает ему возможность учить.

Суфийское обучение посредством книг или с помощью схоластических методов, применяемых чтобы показать их нелепость или ограничения, было однажды продемонстрировано Шакиком из Балха, когда его в поисках мудрости посетил Харун аль-Рашид.

ЦЕННОСТЬ ХАЛИФАТА

Халиф, при всем своем великолепии, нуждался в уроке об относительной природе власти и собственности. «Проси меня о милости», – сказал он.

Шакик спросил его, отдаст ли он половину своих владений тому, кто даст ему глоток воды, если он будет умирать от жажды в пустыне.

Харун сказал, что отдаст.

И, продолжил суфий, отдаст ли он вторую половину тому, кто поможет ему выпить эту воду, если он не сможет сделать это сам.

Харун сказал, что отдаст.

Тогда Шакик попросил халифа подумать, почему он ценит свой халифат так высоко, если это то, что можно отдать за глоток воды, которая сама по себе с ним не останется.

Люди предполагают, подобно халифу, что у них есть что-то ценное, и, что отдавая часть этого, они могут приобрести нечто еще более ценное. Они также склонны предлагать не то, от чего им надо бы освободиться, но то, что они могут дать, поскольку хотят этого.

Это лежит в основе торговли и является действительно желательной вещью, если торговлей и ограничивается. Отсюда, также, происходит желание самому определять свои занятия, свой собственный путь: «Проси меня о милости», как выразился халиф.

Но, как никогда не устают говорить суфии. Путь имеет свои собственные требования, и вещи, которые люди хотят делать, это скорее всего те, которые помогут им оставаться на том пути, на котором они уже находятся, а не двигаться в направлении, ведущем к прорыву их ограничений.

Поскольку суфийские занятия кажутся не похожими на то, как организована учеба, знакомая большинству людей, то они воображают, что занятия проводятся совершенно ни с чем не связанным образом. Стоит прислушаться к тому, что Афтаб-уд-Дин Ахмад сказал об этом в своем Введении к версии *Futuh al-Ghaib* Джилани:

СУФИЗМ КАК НАУКА

«Слово 'мистицизм' [употребляемое в английском для суфизма] окружено неясной атмосферой, тогда как *tasawwuf* [суфизм] – это настоящая наука со своими установленными законами и полной детальной программой. Она основывается на осязаемых опытах, которые могут быть воспроизведены, как в любой другой науке, при определенных условиях. Каждый пилигрим должен пройти через одни и те же стадии в своем духовном путешествии, и эти стадии легко распознать по их детальным описаниям, данным всеми мастерами единодушно. Ориентиры и ловушки описаны с равно исчерпывающими подробностями. Точно так же, как в любых других курсах наук, в ней есть методы проверки успехов и достижений ученика. Как в любой другой области знания, и в этой области есть гении, которые производят сенсации в мире...»

ИСКАЖЕННОЕ ПОСЛАНИЕ

Книги и другие средства массовой информации используются суфийскими учителями избирательно. И есть случаи, когда послание искажено так, что определенные версии его они не используют вовсе. Например, некоторые переводы, даже выполненные специалистами, содержат смехотворные ошибки. Такого вида искажение может произойти с чем угодно, и поправить это может только руководитель-человек.

ПЕРЕДАЧА НОВОСТЕЙ

Британская радиовещательная корпорация, через несколько часов после смерти короля Саудовской Аравии Файсала, передала запись чрезвычайно эмоционального сообщения о злодейском убийстве, взятую из Саудовского радио. Уж это, как можно себе представить, должно было быть тем, на что можно положиться. Была только одна проблема с тем, что передало БиБиСи: на самом деле, это был комментарий на чешском языке последней минуты поединка Али с Вепнером в Кливленде, Огайо. Читаешь некоторые ' суфийские' материалы, они звучат так же...

Святость

В: Не могли бы вы сказать что-нибудь о святости и суфийских учителях?

О: Люди, которые более других обеспокоены отысканием, следованием, опровержением или общением каким-либо образом с суфийскими учителями, вероятно являются теми, кто менее других способен распознать или найти их.

Причина в том, что они обычно ищут одержимых: людей, которые не могут удержаться от того, чтобы не возвещать двадцать четыре часа в сутки: «Я духовный человек».

Те, кто ведет обычную жизнь или не имеет определенных внешних атрибутов, невидимы для обеспокоенных.

Но более вероятно, что имеет место обратное. Те, кто сигнализирует своим поведением, обстановкой или иным образом, что к ним следует относиться как к авторитетам, на деле обычно являются поверхностными людьми.

Во всех ветвях эзотерической деятельности, включая суфизм, 'святая' внешность – это одно из трех:

1. Имитация поверхностными людьми.

2. Внешность, воспринятая посредством внушения или навязывания.

3. Внешность, принятая в качестве временной или поверхностной меры, чтобы подать сигнал тем, кто может воспринять лишь такой аспект.

Задача учителя и ученика состоит в том, чтобы выйти за пределы внешности так быстро и так полно, насколько это возможно.

СЛУЖЕНИЕ

Именно на эту тему Саади из Шираза в Bostan ('Фруктовый сад') написал такие строки:

Путь – ни что иное, как служение людей:
Это не четки, не молитвенный коврик
и не дервишеское одеяние.

КТО ТАКОЙ СВЯТОЙ И ЧТО ОН ДЕЛАЕТ

Святость, которую поверхностные люди отождествляют с тем, что слишком часто является поверхностными действиями и внешностью, заключается, как напоминает нам Саади, в служении людей. Людей, которые ищут святости, должно принять всерьез, только если они заняты также человеческим служением.

Святость, быть святым, как правильно замечает доктор А. Е. Аффифи, согласно суфийскому знанию, «не означает праведность или благочестие, хотя такие качества могут быть *случайно* найдены у святого... Любой человек является святым..., если он обладает такой степенью 'гносиса' (высшего знания), которая позволяет ему понимать его точное отношение к Богу (Реальности), лишь проявлением чего он является, и осознавать его неотъемлемое единство с Единой Реальностью. Другими словами, человек – святой, если он является тем, кого Ибн ал-'Араби называет 'Совершенным Человеком'...»

ЗНАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ

Святость – не в чудесах, не в кажущейся набожности. Критерий – в знании. Люди спрашивают: «Как знание может быть почти тем же, что поведение и вера?» Суфийский ответ: без знания нет уверенности, что поведение правильное, и нет гарантии, что вера настоящая. Настоящая религия и настоящее правильное поведение приходят через познание того, что есть религия, и того, что следует и чего не следует делать: а не с принятием местных культурных норм без проверки на опыте.

Суфии постоянно утверждали, что знание согласуется с праведностью и общепринятым поведением, но не с их подделками, которые и есть все, что главным образом существует в самообманутых 'хороших' людях.

Святость, если под этим мы подразумеваем внешность, включая мнимые чудеса или воздействие, оказываемое кем-то на других людей, которые на этом основании заключают, что такой человек является святым, – целиком субъективна и вообще -не может быть названа святостью в суфийском смысле.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ СОБАКЕ

Как описывается в *Musibat-Nama,* 'Книге Скорби' Аттара, Баязид Бистами, прогуливаясь по улицам

с несколькими своими последователями, сделал ситуацию демонстрацией недостатков таких поверхностных суждений.

Навстречу им шла собака, и Баязид уступил ей дорогу. Один из учеников подумал, что это, должно быть, неправильно:

Баязид – великий святой, окруженный учениками, наделенный высоким положением, а собака – это, в конце концов, всего лишь собака.

Баязид воспринял чувства этого человека и объяснил. Собака увидела, как они приближаются, и передала Баязиду мысль, что она, поскольку была создана собакой, должно быть грешна, тогда как этот великий человек, должно быть, святой,

поскольку смог появиться в такой великолепной и почитаемой форме.

«Именно из-за этой идеи собаки, – сказал Баязид, – я отдал ей предпочтение».

Тайное

В: По-видимому, традиционная психология или подобная научная дисциплина не бывает без концепции тайн и секретности. Почему так, и какова природа этой секретности?

О: Среди суфиев, технический термин 'тайна' применяется для 'глубочайшего внутреннего сознания человека', и такое толкование можно найти у авторитетов. Среди людей традиционных духовных систем общеизвестно, что в соответствии с состоянием данного человека есть различия в значении и акценте идеи 'тайны'.

Вот некоторые примеры:

СТИМУЛЯЦИЯ

(1) Люди автоматически проявляют себя разносчиками любопытства, когда видно, что они находятся под сильным влиянием идеи тайного, и что она их стимулирует; суфий, например, будет знать как поступать с такими людьми. Может быть это и к лучшему, что они исключили себя, оставаясь простыми предвкушателями тайн.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ

(2) Идея 'тайны', для тех, кто может занять правильную позицию по отношению к ней, иногда может иметь энергетический эффект, так как для них она является открытием или достижением нечто такого, что дорого и ценно. У суфиев этому пункту особое значение придавал Ибн ал-'Араби.

УЕДИНЕНИЕ

(3) Таинственность часто путают с уединением; уединение необходимо, чтобы устранить источники помех, когда люди на чем-то концентрируются.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

(4) Тайное может быть словом, выражающим то обстоятельство, что нечто не готово быть открытым, или что оно 'скрыто' от кого-то в определенное время по веской причине: и эта причина, возможно – не более, чем эффективность воздействия для обеспечения прогресса.

Многие вещи, называемые 'тайнами', – это лишь вещи, скрываемые от людей до тех пор, пока они не смогут понимать или эффективно переживать их.

Настойчиво требовать 'тайн' или делать нечто равносильное (желать их неосознанно) – это характеристика человека, отчетливо проявляющаяся почти во всех делах и фазах зрелости, никоим образом не ограничиваясь эзотерическими областями. Если вы сужаете ваше понимание тайного до грубого определения, например, считая, что это то, что от вас скрывают, то вы всего лишь показываете, что вряд ли достаточно гибки и чувствительны, чтобы понимать 'тайные' аспекты тонких и трудноуловимых вещей. Многие 'тайны' наилучшим образом сохраняются отрицанием любой тайны или, как это часто делают суфии, людьми, которые выглядят простыми и обычными. Это дает суфию то преимущество, что освобождает его от необходимости избегать искателей тайн или бороться с ними: они считают его поверхностным или 'обыкновенным'.

ПРОНИКНОВЕНИЕ СМЫСЛА

Одной 'тайной' суфиев является их метод, который заставляет людей осознавать содержащиеся в опыте, а также в литературе, истины, которые эти люди отрицают из-за барьеров, возведенных привычкой или субъективными эмоциями.

Саади в *Boston* говорит: «Дверь просветления открыта для тех, для кого закрыты другие двери». Этими дверьми часто являются двери интеллектуальности, убеждения, что свои собственные идеи откроют двери, и двери чисто схоластического или только систематического подходов, без глубокого проникновения, которое дает человеку возможность очистить ум от хлама.

ТАЙНА ТАЙНЫ

Суфийский парадокс: «Тайна суфизма в том, что он совсем не имеет тайн» означает – то, что является **тайной н скрыто** для тех, кто не является реализованным суфием, для суфия становится понятым и пережитым и поэтому перестает называться тайной вовсе.

Слово *Sirr,* обычно переводимое как 'тайна', означает в принятой у суфиев терминологии 'глубочайшее внутреннее сознание'. Так что, если глубочайшее внутреннее сознание неизвестно его

обладателю, то оно остается для него 'тайной'. И, на вербальном уровне, где, по определению, сознание нельзя познать на опыте, а на него можно только ссылаться, оно по этой причине остается 'тайной', 'скрытым'.

Одной из способностей суфиев является то, что они могут видеть сквозь внешний облик и самообман людей и, таким образом, в состоянии научить этих узников вторичного 'я' как добраться до реальной 'тайны', глубочайшего внутреннего сознания, внутрь.

ДЕВУШКА-ТЮРЧАНКА

В известном рассказе о Юсуфе ал-Рази, из *Повествования о друзьях* Аттара, проиллюстрирована эта способность читать мысли, а также то, как другим не достает ее, и они судят по внешним признакам.

Рассказывают, что однажды персидский купец, собиравшийся в путешествие, попросил Хири позаботиться о девушке-тюрчанке. Хири до безумия влюбился в эту девушку и решил обратиться к своему учителю, Абу Хафсу, кузнецу. Абу Хафс велел ему отправиться в Раийй, за советом к великому суфию Юсуфу ал-Рази.

Когда Хири прибыл в Раийй и спросил, где находится жилище мудреца, ему сказали, чтобы он избегал такого еретика и вольнодумца. Поэтому он вернулся в Нишапур и сообщил об этом Абу Хафсу, но ему было велено пренебречь мнением людей об ал-Рази и найти его снова.

Несмотря на почти единодушные увещевания жителей Раийй, он пришел туда, где проживал ал-Рази. Там он нашел старца в обществе прекрасного юноши, который подносил ему винную чашу.

Шокированный этим, Хири потребовал объяснения, как столь уважаемый созерцатель может так себя вести.

Тогда ал-Рази объяснил, что юноша – его сын, в винной чаше – только вода, и что все остальные его оставили. Такова реальность его состояния, которую все воображают жизнью в распутстве.

Но теперь Хири хотел узнать, зачем суфий ведет себя таким образом, что люди считают его еретиком.

Ал-Рази сказал: «Я делаю так, чтобы люди не обременяли меня тюрчанками».

«Вы не можете учить по переписке»

ПЕРЕДО мной пакет обезвоженного лука.

Пусть эти сухие луковицы символизируют что-то написанное. Это не изначальное переживание (лук), но и не совсем ничто. Они обладают потенциальностью.

Добавьте горячую воду, и она впитается вашим сухим материалом. Через несколько минут мы имеем то, что, мы знаем, было сушеным луком, но, сейчас уже им не является. То, что у нас есть теперь – это 'восстановленный' лук.

Мы не имеем целых луковиц, это верно. Не имеем мы и свежего лука. Но у нас есть то, что даст нам возможность узнать свежий лук, когда мы увидим и попробуем его. Это продвижение при помощи сушеного лука.

Изначальным переживанием был свежий лук. Вода была добавкой, внесенной правильными условиями занятий. Результат годен в пищу и является подходящей заменой свежего лука. Он, также, обладает некоторой питательностью.

Те, кто говорит: «Ничего нельзя приготовить из сушеного лука» – другими словами «Ничего нельзя получить из книг» – заблуждаются. Те, кто говорит: «Я буду ждать (или искать), пока не найду свежий лук», – заблуждаются. *Они заблуждаются, так как не понимают, что не узнают 'свежий лук', если увидят его.* Это надо сказать, хотя я делаю это неохотно, поскольку такие утверждения обычно воспринимаются как вызывающие, тогда как, по большей части, они предназначались быть лишь описательными.

Поэтому давайте примем утверждение: *«Можно* получить что-то из книг. Это что-то может быть настолько важным, что приведет к узнаванию реальной вещи. Поэтому, во многих случаях, оно имеет первостепенное значение».

СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Но *почему* же люди воображают, что в книгах нет ничего того же порядка, что и 'свежий' опыт? Просто потому, что они не знают, что необходимы особые обстоятельства (такие как вода, добавленная к кусочкам лука) прежде, чем они что-нибудь смогут получить. В этом и заключается цель суфиев – помочь в обеспечении как сушеным луком, так и водой, **чтобы в** надлежащее время мог быть явлен свежий лук.

СМИРЕНИЕ

Одной из реальных причин предпринимаемого внедрения действительно 'смиренного' отношения к жизни и учению в традиционных обучающих техниках является попытка дать возможность людям воспринять точку зрения, которая позволит им «приблизиться к луку через его любое имеющееся состояние».

Конечно, такие учения в неподходящих руках быстро превращаются в моралистические. Вместо сказанного выше, люди выискивают логическую опору для того, чтобы обучать терпению и смирению. Вскоре они находят ее: «Смирение – на благо общества. Оно делает людей добрыми, чистыми и т.д.» Это, однако, социальный уровень, а не метафизический. Если вы 'смиренны', это может помочь вам в обычной жизни. Если же нет, вы ничего не получите в высших сферах.

Если люди не могут принять 'смиренной' позиции по отношению к тому, что их приглашают изучать, они вообще не в состоянии изучать это. Поэтому не существует предмета обсуждения, как это часто предполагают, когда спрашивают:

«Почему мне следует повиноваться чему-то, чего я не знаю?» Вопрос необоснован, потому что любой, находящийся на этой стадии, *не может* повиноваться или не повиноваться: он может лишь оставаться вечно недовольным вопрошателем. Он не хозяин выбора, таким образом, нет никакой обоснованности в вопросе и никакой надобности в ответе, отличном от описания его состояния. Надежда возлагается на возможность того, что он сможет распознать свое состояние через его описание и соответственно скорректировать свою позицию.

Люди, тем не менее, гораздо чаще принимают вторичные указания за первичные, и суфийским учителям приходится учитывать эту склонность. Иногда они подвергают возможного ученика заранее продуманным шокам, чтобы показать ограниченную природу его мышления, помочь ему достичь более глубокого самопонимания и, следовательно, открыть более широкую перспективу, позволяющую ему учиться.

Такой шок содержится в истории, рассказанной Баязидом Бистами.

ИДОЛОПОКЛОНСТВО

Баязид рассказывал, что на дороге его повстречал человек и спросил, куда он идет. Баязид ответил ему, что отправляется в паломничество в Мекку, так как у него есть двести динаров.

Человек сказал: «Обойдите *меня* семь раз, и пусть это будет вашим паломничеством, ибо я кормилец семьи».

И Баязид сделал то, что просил человек, и вернулся домой.

Гораздо чаще человек не приемлет такое разрешение вопроса из-за того, что оно содержит признание, что предыдущие схемы мышления неадекватны. Он ищет чего-то, что будет укреплять желание чувствовать себя значительным.

Он очень легко находит такие убеждения, индивидуума или организацию: потому что в настоящее время они почти все специализируются – знают они это или нет – в рассудительной лести. Даже если лесть чередуется с неодобрением, она остается лестью.

Это одна из причин, почему так важно понять личные побуждения.

Важный аспект обсуждаемой темы о значении посреднических материалов как каталитических элементов – это заметить, что есть форма учения посредством прямого пробуждаемого восприятия. Это отличается от учения механическими методами или посредством выборочных занятий, когда эти занятия планируются самим учащимся или кем-нибудь еще, кто не имеет полного восприятия нужд учащегося.

ВНЕШНИЙ ВИД И ФУНКЦИЯ

Мы говорим здесь о функции, не о внешнем виде. Есть интересная параллель с запомнившимся мне случаем, когда несколько буквалистов спрашивали Сиди Абу-Юсуфа относительно суфийских учителей. Его ответ показывает как их склад ума, так и то, как такому складу не удается соответствовать реальности:

Вопросы относились к делаемым каждым суфийским представителем (или от его имени) утверждениям, что Верховным Главой суфиев является он.

Абу-Юсуф сказал: «Это лишь метафора и не подразумевает никакого соперничества. И не заключает в себе никакой идеи иерархии в формальной организации. Кроме того, это не означает, что каждый утверждает (или за него утверждают), что он является Главой Всех суфиев. Это лишь означает, что для тех, кто следует его инструкциям, суфийский учитель должен рассматриваться как глава и единственный источник мудрости. Эта роль не значительнее роли любого учителя, чьи ученики должны удерживать сосредоточенность и способность к учению, не отвлекая свое внимание на другие предметы, такие как – в данном случае – иерархия учителей. Реальные главы суфиев существуют и действуют в обычно невоспринимаемой сфере и никогда не известны в своих высших функциях; хотя они, время от времени, чтобы выполнять свои функции, могут представать в любом облике, в том числе и как суфийские мастера».

Подготовка к 'смирению'

До периода, обычно рассматриваемого как историческое время, действовала форма знания, связанная с развитием человека и находящаяся вне пределов современных методов получения и использования информации. Результат этого действия часто называли 'мудростью', хотя слово *мудрость* столь же часто применяли к другим областям.

ОСТАНКИ – ЭТО НЕ САМА ВЕЩЬ

Многие религиозные, мистические и другие формулировки являются, до некоторой степени, склепами для останков от результата полностью или частично успешной попытки представить и сделать доступными для различных людей и сообществ средства получения этого знания. Как почти все на земле, они подвержены вырождению или окостенению. Они становятся одновременно и музеями и экспонатами.

Из-за тенденции делать упор на дисциплину и групповое внимание, без одновременной регулировки других факторов, многие такие формулировки (некоторые из них названы школами или культами) кристаллизовались за короткое или долгое время, нередко они претендовали на монополию на истину или действенный ритуал. Этот процесс, отражая ограниченные схему мышления, часто заходит так далеко, что ведет к фактическому уничтожению динамики формулировки школы. На практике исключительность и догматизм с некоторого момента действуют против определенных насущных потребностей в гибкости. Необходимо постоянное обновление.

То, что некоторым людям представляется совокупным наследием человечества в области философии, метафизики или даже магической мысли, можно также увидеть, по вышеизложенным причинам, как некое нагромождение обломков или неверных истолкований (посредством избирательного выбора) формулировок, когда-то приводимых в действие связанными между собой школами. Фактор, являющийся причиной такого положения, характерен для человеческого сообщества, и часто о нем не подозревали большие области целых цивилизаций, хотя он стал предметом пристального внимания и уточнения у специалистов вне механической и ограниченной мысли. Такие специалисты – это те, кто может постичь внутренние принципы и движущие силы, а не те, кто просто занимается переупорядочиванием.

ТРАДИЦИЯ, ПОДДЕРЖИВАЕМАЯ УМЕНИЕМ

В отличие от публичных и открытых формулировок, знакомых всем как многочисленные устоявшиеся формы философий – религии, психологии и общественной деятельности и других систем, – всегда, во все времена, существовал непрерывный, альтруистический поток опеки этого всеобъемлющего и приспосабливающегося знания. Быть или не быть в этом потоке – зависит от способности и знания, а не от чьего-то произвольного решения стать специалистом.

Есть крайне веские причины, почему вышеупомянутые факты никогда не были известны более широко или приняты с какой-то реальной глубиной. Среди тех, что легче понимаются обычными мыслителями, есть тот факт, что «тем, кто в самой своей основе эгоистичен, такого рода заявление послужит, главным образом, для усиления их эгоизма за счет их действительного, внутреннего желания истины» – тем самым еще больше скрывая потенциальные возможности Учения от таких людей.

Другая, легко понимаемая причина – это то, что существование узких систем мысли (сверхупрощенных, для того, чтобы вместить устремления без учета потенциальных возможностей, и чтобы позволить всеобъемлющее дисциплинирование населения) произвело на свет тип 'эксперта', или сгустка предубежденности, который автоматически ощущает опасность при любой попытке расширить его горизонты. Результатом будет противостояние, недоверие и путаница.

Время от времени, когда определенные космологические и человеческие факторы 'выравниваются', имеется одновременно и необходимость и возможность, посредством специального и искусного усилия, восстановить формулировки и деятельность, максимизирующие возможности более быстрого и полного проникновения учения, ведущего к развитию, о котором упоминают как о 'знании себя' или 'обладании мудростью'. Несколько таких периодов, циклических по характеру, имели место в недавнем прошлом: ни один из них, как правило, не был узнан как таковой. И опять же, сказанное не означает, что если человек верит во что-то, то он, автоматически, способен это обнаружить. Правильный подход – это все.

РОЛЬ ВМЕШАТЕЛЬСТВА

Первая ступень этого знания затрагивает ответы на вопросы, обычно формулируемые так, что они охватывают источник, природу, настоящее и будущее самого человечества, как индивидуально, так и коллективно. Способ и порядок процедуры подхода к этим вопросам сами по себе подразумевают способность, отсутствие или неэффективность которой в обычном человеке означают его неспособность участвовать в собственном развитии. Он нуждается в организованном вмешательстве, чтобы разорвать возникший в результате порочный круг.

ЗНАНИЕ КОНЕЧНОЙ ЦЕЛИ СОЗДАЕТ СРЕДСТВА

Желание 'пробуждения', часто употребляемого как технический термин, может сопровождаться или нет информацией и опытом, предваряющих эту ступень. Что касается Учения, то оно проводится – и способно пересечь идеологические границы – потому, что известна цель: цель, которая в худшем случае постулируется как предположение, что она существует; в лучшем случае мельком увиденная: и с тех пор являющаяся предметом Повторяющихся попыток разработать средства, чтобы вернуть этот проблеск.

Рабочая гипотеза или традиционные рамки обеспечивают структурой, при помощи которой человек, стремящийся к озарению, пытается приблизиться к этой цели. В случае школы, единственно знание дает основание, на котором может быть построена эта структура.

«Узнав конечную цель, можно изобрести средства». Цель не оправдывает средства – она предоставляет их. Средства, в этом контексте, – это структура, упоминаемая в некоторых литературных материалах как 'Работа'.

ШКОЛА

Одну из структур, внутри которой это знание изучается, собирается, сохраняется и передается, часто называют школой. Имеются другие, постоянно находящиеся в работе, существование и способ функционирования которых не имеют прикладной ценности, хотя часто являются объектами любопытства и пытливости, отнимающих много времени и стоящих больших усилий, из-за ошибочного в своей основе предположения, что сильный интерес к чему-то, однажды услышанному, может привести к близкому знакомству с этим, и, следовательно, получению пользы от этого. Однако, поскольку их *modus operandi* далек от того, чтобы иметь такую же действующую аналогию в современной мысли, он фактически, если не в теории, 'полностью скрыт'.

Для столкновений между людьми, интересующимися этой областью и теми, кто работает в ней, чрезвычайно характерно то, что первые не способны в какой-либо степени войти в нее – или, что происходит с ними наиболее часто, иметь какое-то понимание или осознание роли или метода действия других людей.

'Работа школы' – это деятельность низшего уровня, через которую, тем не менее, надо пройти прежде, чем станет возможным распознавание более высокого уровня. Принятие этого принципа находится среди первых требований, ведущих к необходимым эффективной временной шкале и порядку событий, в которых может воздействовать Учение. Одна из главных преград для принятия этого факта – хотя бы и в качестве рабочей гипотезы – это переоценка роли, потенциальной возможности и знания учащегося.

Именно по этой причине в столь многих традиционных системах, чьи жизнеспособные фрагменты существуют, делается такой упор на необходимость того, что приблизительно переводится на обычный язык как смирение. Его искажение – это самоуничижение.

ДЛЯ ЧЕГО СМИРЕНИЕ НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО

Как сказал один из великих суфиев: «Мое смирение – не для того, чтобы производить на вас впечатление – оно здесь по своей собственной причине».

Согласно суфиям, личность, которой вы себя ощущаете, – это ложная личность, не имеющая истинной реальности. Когда практикуется смирение, люди начинают осознавать, что они, так сказать, вообще не существуют. Это восприятие себя, как *'Adam* (не-бытие) подчеркивается в *Откровении* Худжвири, во второй главе, рассматривающей истинное значение бедности.

Когда люди гордятся своим смирением, они просто приняли другое придуманное 'я' как часть их небытия: и это то, что порождает лицемеров.

Цель видения через свою ничтожность заключается в том, чтобы за ней увидеть то, что реально имеется, к чему имеет отношение истинное 'я'. Поэтому смирение непосредственно связано с поисками Абсолютной Истины.

НЕ СТОИТ ДЕЛАТЬ ИЗ ФУНКЦИИ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Некоторое сходство между словами *'Adam* (не-бытие) и *Aadam* (человек) побуждало поэтов и других людей, говорящих на восточных языках, искусно приравнивать эти два слова в поэзии и прозе. Между прочим, интересно отметить, что даже востоковеды и критики, обсуждая этот вопрос, иногда столь мало замечают эту игру слов, что даже обвиняют суфийских авторов в невежестве или выборе странных употреблений слов, когда те говорят такие вещи, как «Человек – это *'Adam*». Я часто ощущаю, в таких случаях, что этот нетипичный провал восприятия происходит, благодаря тому факту, что субъективность комментатора подвергает цензуре его понимание: в конце концов, он человек – и как человек, он не хочет думать о себе как о 'не-бытии'. Более всего это отмечается в тех людях (включая, конечно же, ученых), которые на самом деле отождествляют себя с заученными шаблонами и запасом информации, что является, для суфиев частью не-бытия, личностью, а не сущностью человека.

Другими словами, как все мы знаем, гордость препятствует смирению. Гордость неразрывно связана с чувством собственной значимости, которое полностью или частично может быть вызвано второстепенными вещами, вроде веры в свою ученость.

Верно сказано: «Смирение – это не столько добродетель, сколько необходимость для того, чтобы учиться».

РАБИЙЯ И ДВЕРЬ

Отношение, которое требуется суфию, было хорошо проиллюстрировано Рабийей ал-Адавийей. Она услыхала, что Салих из Казвина наставлял фразой: «Стучите в Дверь, и вам отворят». Рабийя сказала: «Как долго ты будешь твердить это, о Салих, – ведь эту Дверь никогда не закрывали?»

Отсутствие смирения – это, также, нечто вроде заговора: люди не только не замечают смирения, когда оно встречается в других, но и не могут поверить в его реальность. Это помимо тех, кто не может даже представить себе как или когда его практиковать.

РАССКАЗ О ПРОФЕССОРЕ

Недавно (к первому замечанию) я показывал одному посетителю участок вокруг этого дома. Когда мы проходили мимо спокойного и усердного человека, который сидел на земле и чинил какую-то вещицу из дерева, посетитель спросил: «Кто это?»

Я сказал: «Это профессор такой-то».

Он нахмурился и опять посмотрел на него. Затем он посмотрел на меня. Теперь он сказал: «Вы *уверены?»*

И, ко второму замечанию, есть случай, происшедший с **Ма**аруфом из Каркха.

СОБИРАНИЕ ФИНИКОВЫХ КОСТОЧЕК

Сари ал-Сакати увидел Мааруфа, поднимающего с земли косточки от фиников, и спросил его, что он делает.

«Один ребенок плакал, – сказал он, – потому, что у него, бедного сироты, нет орехов, как у других детей. Поэтому я собираюсь набрать финиковых косточек и продать их [на муку], чтобы у него было немного орехов, и он был счастлив».

Насколько серьезен ученик?

В: Я слышал, вы говорили, что многие из людей, воображающих, что они серьезно относятся к изучению суфизма, в действительности несерьезны вообще и поэтому не могут получить от этого пользу. Можно ли привести пример?

О: Один из лучших примеров – наш ежедневный опыт. Люди читают книги или слышат нечто о суфизме и немедленно принимаются «прокладывать путь к нашей двери». К настоящему моменту я опубликовал шестнадцать книг о суфийских идеях и действии. Несомненно, можно было бы сделать вывод, что если я публикую такой материал – и в таком количестве и с такой энергией, – то мы считаем его публикацию, и следовательно его изучение, важным.

Но из примерно 10000 или около того писем, получаемых каждый год, следует, что значительная часть людей, считающихся 'серьезными' (они претендуют на это), не потрудилась даже прочитать этот материал. Если бы они были серьезными, то уделили бы ему серьезное внимание. Если они не хотят письменных материалов, как они так часто заявляют, то почему обращаются ко МНЕ, ведь я работаю отчасти с письменным материалом? Люди посещают меня, не усваивая ни звука из того, что мы говорим, потому что они не изучили нашу литературу, – и, поэтому, я не могу помочь им.

Они приходят со всего мира, тратя деньги и теряя время, но они не хотят тратить деньги на книги, не хотят уделить время их изучению. Воображаете ли вы, что таких людей можно считать 'серьезными'? Признаться, они составляют лишь меньшую часть всех наших контактов, однако огромное число людей, стремящихся к контакту со мной, означает, что в целом это меньшинство дает значительное количество индивидуумов. Если вы хотите кого-то оценить, то посмотрите, что он делает, игнорируя, хотя бы временно, его заявление о 'его серьезности'. Если он *действует* серьезно, вы более благосклонно примете его претензии *на* серьезность. Если он лишь *говорит* об этом, не важно сколь сильно он в это верит, то мы можем лишь заключить, что он слабо или совсем не представляет себе, что он в действительности делает, и, следовательно, я ничем не могу быть ему полезным, особенно потому, что сначала он нуждается в элементарных наставлениях по здравомыслию.

ЗНАНИЕ КАК ВОСПРИЯТИЕ

В наши дни, как и в прошлом, то, что обычно называется знанием, является огромной 'завесой' для понимания. Газур-и-Илахи напоминает своим слушателям, что существует схоластическое, наблюдательное учение. Внутреннее знание – восприятие – является реальной формой знания. Одно подобно познаванию о меде путем его изучения, другое – это знать его по вкусу.

Одно является познанием. Другое – только познание о познании.

То, что кажется отсутствием 'серьезности', – действительно точнее подпадает под ваше второе определение: что люди не могут извлечь пользу. Причина заключается в том, что у них нет желания уделить внимание тому, что говорится и делается.

СЫР И ЛУНА

Когда мы говорим о 'серьезности' ученика, нам следует помнить, что многие люди имеют очень слабое представление о том, что могла бы означать серьезная учеба. Для них это часто означает принудительную учебу независимо от того, есть результат или нет. Вы, возможно, слышали, что Британская Ассоциация по Распространению Научных Знаний (куда я, между прочим, принят пожизненным членом) провела собрание, на котором среди сообщаемых открытий были такие:

Лунная порода имеет общие свойства с сырами чеддер и эмменталь; толстые люди обычно не идут в университет; крысы предпочитают слушать Моцарта, а не Шенберга. Это было не в средневековье, с его 'ангелами на конце иглы', а в 1970 году от Рождества Христова...

Социальные и психологические элементы в суфийской учебе

В: Не принижаете ли вы метафизические и духовные занятия до уровня социологии и психологии?

О: Нет, наоборот, я пытаюсь показать загрязнение и неразбериху от социализирования и популярной психологии в этих занятиях. Если люди думают, что они поклоняются Богу, когда они на самом деле ищут эмоционального возбуждения, то это вряд ли может пойти кому-нибудь на пользу. Если о чувствах, вызванных передачей эмоций от одного человека, или одной системы, к другим, думают, что они являются 'особыми', тогда как они, что широко описано и проиллюстрировано, являются обычными социальными действиями и событиями, что вредного в подтверждении этой истины?

В: Часто говорят, что лучше оставить людей с их верованиями, чем нарушать их покой.

О: Если эти верования равноценны верованию в то, что аппендицит – это дело рук дьявола, то неверно оставлять пациента с этим, ибо он скорее всего умрет.

ЧЕЛОВЕК, УПАВШИЙ С ГОРЫ

Возможно, не наша роль делать что-нибудь для него, но на более низком уровне, нам ничто не мешает намекнуть на его состояние. Такие люди иногда похожи на человека, падающего с горы. Пролетев полпути, он говорит себе: «Пять тысяч футов и, смотри, ничего не случилось – на самом деле это даже приятно».

Нам возможно придется оставить таких людей в покое, но мы и ничего не можем поделать с их реальной ситуацией. Часто это те, кто внезапно появляется и говорит: «Я следую Пути X и нахожу его стоящим, но хотел бы добавить немного вашей мудрости...»

ЧТО ТАКОЕ РЕЛИГИЯ

Вера во что-то, что является на самом деле, например, эгоистичной самопогруженностью в религиозную деятельность, в сущности антирелигиозна. Шейх Ибрагим Газур-и-Илахи верно говорит:

> «То, что приводит вас к Богу, – это религия.
> Все, что стоит между вами и Богом, – это 'мир'».

Много ли набожных людей осознает это?

Те уровни социологии и психологии, которые в вашем вопросе рассматриваются как 'принижение', на самом деле, существенны для исследования на стадии учиться как учиться, потому что, до тех пор, пока психология не ориентирована правильно, нет духовности, хотя могут быть одержимость и эмоциональность, часто принимаемые за нее. Те, кто торгует такими вещами, принимая их за духовность, заинтересованы, конечно, – знают они это или нет – в расхолаживании интереса к психологическому и социологическому уровням. Те же, кого интересует истина, не могут позволить себе такую роскошь. Что касается социального уровня, то о нем и о психологическом уровне есть высказывание одного из величайших суфиев, не имевшего дело с духовностью, если вы определяете этот термин узко.

Шейх Абдуллах Ансари говорит:

> Что такое поклонение?
> Осознавать реальность.
> Что такое священный закон?
> Не творить зла.
> Что такое реальность?
> Самоотверженность.

Вот суфийский подход – и не иначе. Не может быть духовности, согласно суфийским мастерам, без психологии, психологической проницательности и социологической уравновешенности.

Поэтому, если вы ищете духовность, которая требует такой проницательности, то вам придется разобраться в этом 'принижении', не моем, а великих классических суфийских мастеров, так как я не новатор в этом отношении. Если же вы воображаете, что суфиев нельзя считать 'духовными' из-за их настойчивости в отношении психологии и социологии, то вам опять не повезло: не только исламские авторитеты, но и ученые всех вероисповеданий продолжают причислять суфиев к величайшим носителям духовности в человечестве.

Нет мудрости там, где нет здравого смысла: в таких условиях она не может выразиться.

Они говорят: «Ищите мудрость, пока у вас есть силы, иначе вы можете потерять силы, не обретя

мудрости».

НЕВИДИМАЯ КОШКА

Но вы должны начать откуда следует: нельзя начать с полпути и ожидать результатов. Марк Твен для розыгрыша поместил объявление, что он потерял кошку, столь черную, что ее нельзя увидеть при обычном свете, и хочет получить ее обратно. Около тысячи людей обратились к нему, утверждая, что видели ее. Стали бы вы учить чему-либо таких людей, или, по крайней мере, людей в таком состоянии ума?

ГРАБИТЕЛЬ-СВЯЩЕННИК

Недавно в Англии один священник оказался грабителем, ограбившим даже дом другого священника, аббатство и школу. Он был пойман при попытке ограбить банк, к которому подъехал на такси, при содействии своей экономки, убедив ее, что они делают нечто хорошее. Не следовало ли посмотреть на психологический и социальный уровень такого человека прежде, чем переходить к духовным, высшим, уровням? Еще один священник развелся и женился на колдунье...

Характерные черты внимания и наблюдения

В: Не могли бы вы определить характерные черты внимания и наблюдения, которые важны в суфийской учебе?

О: Изучайте взаимообмен вниманием, а также привлечение проявление и получение внимания.

Одним из ключей к поведению человека является фактор внимания.

Любой может проверить, что во многих случаях то, что обычно полагают важными или полезными человеческими делами на любом поприще (социальном, коммерческом и т.д.) в действительности являются замаскированными ситуациями внимания.

Утверждается, что если человек не знает, что он делает (в данном случае, что он, по сути, требует, проявляет, или обменивается вниманием), и, как следствие, думает, что делает нечто иное (вносит вклад в человеческое знание, учится, покупает, продает, информирует и т.д.), то он будет: (а) еще более неэффективен, как в явной деятельности, так и в скрытой; (б) менее способен планировать свое поведение и будет совершать ошибки эмоционального и интеллектуального плана потому, что считает внимание не тем, чем оно является.

Раз это так, то важнее всего, чтобы индивидуумы осознали:

1. Что этот фактор внимания действует практически во всех делах.

2. Что, на самом деле, побудительная причина дел может отличаться от той, что видится. И что часто она порождается желанием или нуждой в деятельности внимания (давать, получать, обмениваться).

3. Что внимание-деятельность как любая другая потребность: в пище, тепле и т.д., будучи помещенной под волевой контроль должна привести к расширению сферы деятельности человека, который не будет тогда во власти случайных источников внимания или не будет даже приходить в замешательство более обычного, если дела пойдут не так, как ожидалось.

ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ МОГУТ БЫТЬ СФОРМУЛИРОВАНЫ.

ОНИ ВКЛЮЧАЮТ:

1. Слишком много внимания может быть плохо (неэффективно).

2. Слишком мало внимания может быть плохо.

3. Внимание может быть 'враждебным' или 'дружественным' и все же удовлетворять аппетит ко вниманию. Этот моральный аспект вносит путаницу.

4. Когда люди нуждаются в большом количестве внимания, они уязвимы для послания, которое слишком часто сопутствует проявлению внимания к ним. Например, человек, желающий внимания, может быть в состоянии получить его только от какого-то человека или организации, которые могут впоследствии (в качестве платы за внимание) злоупотреблять влиянием на ум жаждущего внимания человека.

5. Современные верования часто насаждаются во время и при обстоятельствах, связанных с требованием внимания, а не обретаются тем методом, который им приписывают.

6. Многие парадоксальные перемены мнений, или партнеров и обязательств, как можно видеть, происходят в результате изменения в источнике внимания.

7. Людей почти всегда приводит в возбуждение предложение внимания, поскольку они, в большинстве своем, часто обделены вниманием. Это одна из причин, почему, например, новые Друзья или обстоятельства, могут быть предпочтительнее старых.

8. Если бы люди научились утолять голод внимания, у них было бы больше возможностей, чем это позволяет им большинство современных культур, уделять внимание другим вещам. Они могли бы сделать более эффективной свою способность к учению.

9. Среди того, что не страдающие от голода (в смысле внимания) люди могли бы исследовать, – сравнительная привлекательность идей, индивидуумов и т.д., помимо их функции просто снабжать внимание.

10. Желание внимания возникает в раннем детстве. Конечно, в то время оно связано с питанием и защитой. Это не означает, что это желание не имеет ценности ни для будущего, ни для дальнейшего развития. Но оно может быть приспособлено для чего-то большего, чем обыкновение взрослых – просто его удовлетворять.

11. Даже беглый обзор человеческих сообществ показывает, что в то время, как с тенденцией к беспорядочному питанию, собственничеством и другими недифференцированными чертами с очень раннего возраста работают или направляют в другую сторону – отучают, то со вниманием как фактором

так не поступают. Как следствие, взрослый человек, лишенный каких-либо способов обращения со своим желанием внимания, продолжает приходить от него в замешательство, так как обычно в течение жизни оно остается примитивным.

12. Были проведены многочисленные частные наблюдения взаимодействия людей. Они показывают, что взаимообмену между двумя людьми всегда присущ фактор внимания.

13. Наблюдение показывает, что у людей желание внимания имеет приливы и отливы. Во время прилива или отлива желания внимания, человек, не осознавая, что таково его состояние, приписывает свои действия и чувства другим факторам, например, враждебности или любезности других. Он даже может сказать 'удачный день' – когда потребности его внимания были быстро и адекватно удовлетворены. Перепроверка таких ситуаций показала, что такие переживания наилучшим образом объясняются теорией внимания.

14. Возражения, основанные на том, что предполагаемое удовольствие от внимания наибольшее, когда оно достигается случайно, при тщательной проверке отпадают. Слова «Я предпочитаю быть удивленным вниманием» можно перефразировать так: «Я предпочитаю не знать, откуда возьмется моя следуют еда». Это просто подчеркивает примитивную стадию чувствования и мышления в данной сфере.

15. Ситуации, которые кажутся различными, если их рассматривать в сверхупрощенной перспективе (что является обычным), видятся одинаковыми с точки зрения теории внимания. Например: люди, следующие за неким авторитетом, могут проявлять желание получать или давать внимание. Взаимообмен между людьми и их авторитетом можно объяснить поведением взаимного внимания. Некоторые из этого взаимообмена получают только внимание. Некоторые могут получить больше.

16. Путаницу вызывает также и то, что объектом внимания может быть человек, культ, предмет, идея, интерес и т.д. поскольку фокусы внимания могут так различаться, люди вообще еще не выделили общий фактор – желание внимания.

17. Одно из преимуществ этой теории состоит в том, что она позволяет уму человека увязать легко понимаемым способом многие вещи, которые, как его всегда (неправильно) учили, являются весьма различными, несравнимыми и т.д. Такое неправильное воспитание уменьшило, конечно, возможную эффективность функционирования ума, хотя лишь в рамках культуры, не постоянно.

18. Неспособность чувствовать, когда внимание проявлено, а также поддерживать или препятствовать его дальнейшему проявлению, делает человека необычайно уязвимым для влияний, особенно в случае насаждения в его ум идей, и для внушений.

19. Вызвать эмоциональный подъем – наиболее примитивный метод усиления внимания к тому средству, которое усилило эмоции. Это прелюдия или сопровождение почти каждой формы внушения.

20. Традиционные философские и другие учения использовались для предписания упражнений в управлении и фокусировке внимания. Однако ценность этих упражнений в значительной степени была утрачена, потому что индивидуальные упражнения, предписанные людям, нуждавшимся в них, записывались и повторялись как единственные истины, и практиковались способом и людьми, в темпе и при обстоятельствах, которые, при их полной случайности, были не в состоянии произвести какое-либо изменение во внимание-тренировке. Однако, такая трактовка порождала одержимость. Так оно и продолжается.

21. Тут и там пословицы и другие части литературных материалов указывают на то, что когда-то было широко распространено знание о внимании, которое здесь очерчивается. Однако, оторванные от контекста, эти указания продолжают существовать скорее как окаменевшие указатели, а не как полезное руководство по упражнению внимания для современного человека.

Внимание к себе или внимание к учителю без упражнения по освоению того, что предлагается не от ближайшего окружения, является разновидностью короткого замыкания. Как сказал Руми: «Не смотри на меня – возьми то, что в моей руке».

3
Суфийские учебные темы

Суфийские учебные темы

В: Если бы вы сейчас давали людям темы для изучения, то какие бы выделили?

О: 1. Все подходы к учебе или человеку могут начаться с желания внимания. Как бы они ни начались, они никогда не должны заканчиваться таким же образом.

2. Изучайте предположения, стоящие за вашими действиями. Затем предположения, стоящие за вашими предположениями.

3. Всем хорош вопрос: «Почему я это сделал?». Но как насчет: «Как иначе я мог бы это сделать?»

4. Вы прошли долгий путь и не знаете его. Перед вами долгий путь, и вы знаете, что это означает.

5. Относительно некоторых вы, возможно, продвинулись. По отношению к другим вы не развились вообще. Ни одно из этих наблюдений не важнее другого.

6. Если ваше желание 'добра' основано на жадности, то это не добро, а жадность.

7. Развивайте силу посредством доброты, и вы, возможно, причините вреда больше, чем могли бы причинить жестокостью. Ни тот, ни другой подход не является правильным.

8. Человек, который знает, должен выполнять некоторую функцию. Тот, кто не знает, не может присваивать это себе; он может лишь пытаться делать это.

9. Не пытайтесь быть смиренным: учитесь смирению.

10. Предположите, что вы отчасти лицемерны и отчасти невнимательны, и вы не слишком ошибетесь.

11. Подражать в добродетели другому – это более подражание, чем добродетель. Пытайтесь научиться тому, на чем основана эта добродетель.

12. Нет практики в изоляции.

13. Если вы ищете учителя, пытайтесь стать настоящим учеником. Если вы хотите быть учеником, пытайтесь найти настоящего учителя.

14. Чем чаще вы что-то делаете, тем вероятнее, что вы сделаете это опять. Нет никакой уверенности, что вы получите от повторения что-либо иное, нежели вероятность дальнейшего повторения.

15. Вначале вы не достойны одеяния и внешних атрибутов суфия. Позже вы в них не нуждаетесь. Наконец, они, вероятно, потребуются вам ради других.

16. Если вы не можете смеяться часто и искренне, у вас нет души.

17. Когда верование стало более, чем инструментом, вы пропали. Вы останетесь пропавшим, пока не научитесь для чего в действительности нужно 'верование'.

18. Когда дервиш проявляет интерес к вашему материальному благосостоянию, возможно, вам это приятно. Однако, часто это потому, что вы еще не готовы ни к чему другому.

19. Когда кто-нибудь просит вас помочь ему что-то сделать, воображаете ли вы, что он не может обойтись без помощи? Возможно, он – суфий, который желает помочь вам, связывая вас со своей задачей.

20. Если вы ленивы, почитайте за счастье, если вам указывают на это, давая шанс исправиться. Лень – всегда ваш недостаток. Это знак того, что человек слишком долго пребывал в бесполезности.

Эти пункты на самом деле являются упражнениями: как перехитрить ложное 'я', которое процветает на мелких удовольствиях. Суфий стремится к *Fana* (исчезновению – ложного 'я'), и *Baqa* (пребыванию – Реального). За мнимым 'я', которое непостоянно, находится настоящее Я, для которого характерно сознавание истины, реальности.

Послушайте слова Джунайда из Багдада, сказавшего: «Добрый человек, полагающийся на ощущения, лучше, чем так называемый суфий с дурным нравом».

4
Вещи этого мира

Восточный мудрец и газеты

ПИСЬМО МУДРЕЦУ

Один западный ученик в сфере духовного написал яростное и осуждающее письмо некоему восточному мудрецу, увидев его имя в газете. «Вам следует быть совершенно безразличным к вещам этого мира!» – сказал он–и многое еще.

Когда я посетил мудреца, то спросил его, что он думает о письме, ибо хотел сообщить его реакцию написавшему.

«Да, письма я получаю, – тихо сказал он, – но, увы, не читаю их, видите ли, письма – вещи этого мира, а к ним я безразличен»..

'Вещи этого мира включают, согласно суфиям, все кроме истины.

ПОВЕДЕНИЕ СУФИЕВ

Поведение суфиев не обязательно показывает степень их отрешенности. Чаще оно показывает то, что воображает наблюдатель о том, что оно показывает. Шейх Яхья Мунир, как и многие авторитеты, утверждает, что поведение реализованных суфиев (Аулийя) внешне не одинаковое. Одни хорошо едят и спят; другие постятся и бодрствуют ночью; одни одеты в лохмотья; другие в великолепную одежду. Некоторые принимают дары, другие нет. Те, кто судит о других по таким внешним признакам, названы суфиями 'людьми внешнего'.

Такие суждения принадлежат людям, чья эмоциональная жизнь развилась за счет их человечности, логических способностей и, конечно, духовного восприятия.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМЕНИ БОГА...

Дилемма человека, который для своих религиозных понятий использует лишь слова, без полного понимания, хорошо проиллюстрирована в истории о плодах – из книги Руми *Fihi ma Fihi.*

Один человек нарвал плодов с фруктового дерева и стал их есть. Владелец сказал ему: «Почему вы так незаконно поступаете? Бога не боитесь?»

Любитель фруктов ответил: «Чего ж бояться? Дерево – Божье, и я, Божий слуга, вкушаю с Божьего дерева». Владелец сказал: «Что ж, отвечу тем же». Он привязал этого человека к дереву и стал его бить. Человек вскричал: «Вы не боитесь Бога [что так поступаете со мной]?»

Землевладелец сказал: «Чего ж мне бояться? Вы – слуга Бога, а это Божья палка, которой бьют Божьего слугу!»

Точно так же, как интеллектуальная и систематизированная религиозная аргументация оказывается несостоятельной, будучи введенной в более широкий контекст, так и религиозные представления, даже расширенные, не выдерживают сравнения с безграничным восприятием истины, которое суфии вносят в человеческий опыт. Это является посланием всех суфийских мудрецов.

На чем основан интерес

НЕКОТОРЫЕ люди желают знать, почему со мной так трудно увидеться. Они также хотят рекламировать мои 'духовные достижения'.

Я расскажу вам и о том, и о другом.

Это ни легко и ни трудно, дело тут скорее в арифметике. Так же было бы с любым.

Взяв для расчета восьмичасовой рабочий день и семидневную неделю, получим, что если уделять одному человеку по часу:

ежедневно проводить одночасовые беседы и ничем другим не заниматься; то за год я смог бы увидеть не более трех тысяч человек, причем каждого лишь один раз.

Однако, примерно в три-десять раз большее число людей выражают желание 'видеть меня'. И если каждый год видеть каждого человека лишь дважды, то можно увидеться только где-то с полутора тысячами людей.

Хотя повод всегда предполагается важным, замечу, что крайняя необходимость таинственно пропадает во время каникул и летних отпусков..,

Обратите внимание, что если бы я не занимался ничем, кроме ежечасных встреч со всеми приходящими ко мне, эта процедура несла бы в себе предпосылки для ее собственного разрешения. Причина в том, что я стал бы таким скучным, таким неоригинальным, таким бесполезным, что желание меня видеть возникало бы у людей все реже и реже, и, таким образом, я в конце концов вернул бы себе свободу.

Итак, вместо того, чтобы проходить через все это, почему бы мне не вести себя в том же духе, что и сейчас, и не оставаться в том положении, в котором я окажусь в любом случае?

Тем более, что есть достаточно предложений со стороны других людей, которым доставляет наслаждение быть окруженными толпами и группами людей, впитывающими их мудрость с утра до ночи.

Меня уже критиковали за это высказывание. Говорят, что такие люди всегда вызывают неудовлетворенность у большинства своих последователей, которые вскоре переключаются на следующего гуру. Как раз это я и имею ввиду: если бы я вел себя подобным образом, я бы также вызывал неудовлетворенность, когда люди насытились бы ритуалом моего восседания в позе великого гуру.

У меня нет ни склонности, ни воспитания для того, чтобы зачислить себя в круг гуру.

Вышесказанное, конечно, переводит 'встречи с людьми’ в разряд социально-психологической деятельности, уже адекватно отмеченной социологами, но полностью игнорируемой людьми, склонными к оккультизму: за исключением того случая, когда эти люди путают ее с 'духовной деятельностью', которой она, конечно же, не является.

По моему собственному опыту, вполне подтверждающему опыт традиционных суфийских авторов, сами группирующиеся будут оправдывать это группирование, называя его 'духовной деятельностью'. На них лежит бремя поступать так или же искать близких им по природе людей: искателей лести, чья другая основная характерная черта, как часто оказывается, состоит в том, что они не могут долго быть одни.

В юности учитель сказал мне: «Если бы 'собираться вместе' было путем к большему просветлению, все песчинки стали бы святыми, стаи птиц разлетелись бы, и каждая стала бы духовным учителем, функцию просветленных выполняли бы бараны. Подобным образом, эта характерная черта, видимая нами у наименее просветленных существ, – собираться вокруг вещей и людей, считающихся странными, ценными или возбуждающими – была бы тогда чертой не сборища зевак, а, скорее, собрания избранных...«

ДРУЗЬЯ ШЕЙХА АБУ-ИСХАКА

Что касается 'духовных достижений', это напоминает мне слова, обращенные шейхом Абу-Исхаком с Зеленого Острова, около Альхесираса в Испании, к Ибн Араби и записанные в работе последнего *Durrat al-Fakhira,* XII век:

«Я разделяю людей на два типа. Во-первых, есть тот друг, который хорошего обо мне мнения и отзывается обо мне хорошо. Он – друг. И есть тот, кто плохо обо мне отзывается, кто рассказывает о моем 'духовном состоянии'».

Мышление в терминах спроса и предложения

В: Когда люди, интересующиеся духовными вещами, задают вопросы, которые фактически являются 'коммерческими', то чей это недостаток, людей или систем? Как, по-вашему, соотносится круг людей, задающих вопросы вам, с такими же кругами около других людей, работающих в духовной сфере?

О: Здесь в одном вопросе несколько вопросов. Во-первых, люди приучены думать почти обо всем в грубых терминах спроса и предложения. Это объясняется культурной и социальной точкой зрения, поэтому трудно назвать это недостатком людей или систем, к которым они обращаются с вопросами.

Во-вторых, если бы вы прочитали опубликованную литературу, написанную людьми, работающими в духовной сфере, с точки зрения анализа спроса и предложения, вы были бы удивлены, обнаружив, что вообще ни спрашивающий, ни духовный человек, по-видимому, не осознают, что они заняты делами 'коммерческого типа'.

В-третьих, обсуждение с людьми таких профессий, как врачи и юристы, показывает, что их клиенты задают им того же рода вопросы, по структуре своей, вопросы спроса и предложения; и. действительно, они получают от них весь набор надоеданий и субъективностей, о которых я говорил. Это так хорошо понималось реальными учителями на Востоке, что резюмировано в шутке: «Такой-то шел к некому учителю для беседы, но все, что он получил – просветление!»

В: Предназначены ли, в таком случае, ваши книги 'заполнить' пробелы а возможных образцах поведения у людей, обращающихся к суфизму?

О: На общем уровне, они все несут такой замысел, и, в результате просьбы к заинтересованным людям читать их тщательно, установилась и успешно поддерживается основа для поддерживания точки зрения, для раскрытия и развития которой потребовались бы, в ином случае, условия монастыря.

В: Помимо ваших книг, какими еще видами деятельности вы занимаетесь?

О: Число их велико. Но эти виды деятельности – многие из которых, хотя и традиционны для суфиев, узко обусловленными людьми не были бы признаны духовными – используются на практике вслед за подбором книг и в особой мере: 'прописываются', так сказать, нуждающимся людям. Поэтому они не поддаются раскрытию путем перечисления или описания.

ЗНАНИЕ КАК ДЕЙСТВИЕ

То, что есть люди, которые занимаются духовными вопросами, как если бы они были коммерческими, и есть люди, которые ищут образцов поведения, как во втором вопросе, вопросе о видах деятельности, – все это, я думаю, от запросов, основанных на желании действия. Что касается того, насколько это верно, то следует обратить внимание на сказанное шейхом Ибрагимом Газур-и-Илахи по вопросу знания и действия: как не может действие быть без знания.

Он подчеркивает: «Люди спорят о том, что приходит первым: знание или действие. Но это одно и то же. [Стоящее] действие – это фактически знание в действии. Правильное действие возникает из правильного знания. Правильное знание обретается через учителя».

КНИГА, ПРИВОДЯЩАЯ В ЯРОСТЬ

Одним из немногих примеров, где мы можем сослаться на действие не-книги как инструмента, и тем не менее являющегося мостиком через область литературы, является случай *Книги о Книге.* В этой истории, которую я опубликовал в форме книги, рассказывается о том, как люди разочаровываются в книгах, и как они могут научиться из них тому, что в них есть и чего в них нет. Критики были разъярены тем, что эта история была такой короткой, тогда как они предполагали, что книга должна быть определенного объема. Эта ярость овладела ими прежде, чем они прочли книгу, в которой описывалось их поведение и показывалось, каким неадекватным оно является. Это дало нам – и многим другим людям – публичное доказательство такого склада ума литераторов и буквально мыслящих людей, в чем они никогда бы не признались, если бы их прямо на это вызвали. Мы позволили им сделать это для нас. Это показывает, как книга может быть использована для создания ситуации.

Действие рассказов и историй

В: Вы опубликовали несколько сотен сказок и историй, преимущественно Среднего Востока, иллюстрирующих ситуации, которые часто показывают силу и слабости людей. Почему вы экспортируете этот материал из других культур, вместо того, чтобы представить его в современных терминах, и каково его действие на Западный мир, если не просто продвижение 'Восточной Мудрости'?

О: На Востоке этот материал хорошо развит как учебная среда; поэтому, пожалуй, нет смысла пытаться улучшать или заменять то, что проверено и действенно. Посмотрите с другой стороны: люди на Востоке обычно не пытаются изобрести для себя радио просто потому, что оно уже было изобретено и импортировано с Запада.

Действие нашего материала в Западном мире уже широко описано людьми на Западе, которые говорят, что они находят его полезным, и по этому вопросу я должен отослать вас к ним.

Другой причиной, почему мы не используем материал с Запада, является то, что до недавнего времени у нас не было выращенного здесь продукта, достаточного количества материала такого рода, чтобы запускать его в дело.

Даже если бы мы были способны собрать его, то то, как его восприняли бы, не дало бы ему хорошей возможности из-за шаблонно-презрительного отношения к наставляющим историям. Только после указания на его употребительность, жизненность и долговечность в определенных культурах, нашедших его полезным, мы могли бы побудить людей из других мест искать местный продукт и – более того – использовать его.

Нам пришлось вновь поднять вопрос о возможной ценности сказок, рассказов, шуток и историй и удерживать его открытым, несмотря на установившееся на Западе мнение, что такой материал имеет лишь развлекательную ценность. И произошло следующее: на Западе стал устанавливаться эквивалент технологическому основанию, или базовая грамотность, в этой области.

Но не следует полагать, просто потому, что вы живете и учитесь на Западе, что (а) этот материал предназначен только для Запада: поскольку он также имеет необычайный успех на Востоке; или что (б) людям на Востоке не приходится заново проходить через подобный процесс возвращения и ознакомления, чтобы получить возможность вернуть не-развлекательное содержание этих произведений их собственных культур.

Действительно, на Востоке, как и на Западе, все еще имеется много людей, неспособных настроиться на восстановление высших и обучающих измерений этого материала. Справедливости ради следует сказать, что если на Западе, в общем, только недавно пришло время для обретения энергии, гибкости и широты любознательности, чтобы исследовать эти материалы тем способом, который задумывали его первоначальные создатели, то на Востоке – тоже в общем – склонны забывать атрибуции, глубину, содержание и структуры, в которых они традиционно были представлены.

Части обоих сообществ приходят к свежему пониманию этих материалов; части каждого из них в значительной степени по соображениям личной безопасности и из-за привязанности к сверхупрощенным идеологиям остаются незаинтересованными или враждебными.

Далее, стоит отметить, что большая часть Западной религии и традиции полностью пропитана сказками и рассказами Востока, многие из которых, являясь, согласно суфиям, изначально рассказами с внутренним смыслом, сейчас воспринимаются буквально или только как аналогия. И сказки и рассказы – это почти единственный феномен культуры, который, как оказывается, является достоянием всех народов мира, не принадлежа, строго говоря, никому.

ОППОЗИЦИЯ К АРАБИ

Ибн Араби учил посредством того, что явно было любовной лирикой, и люди стали относиться к нему крайне враждебно. Такое их поведение было обусловлено неспособностью понять используемый им план, а не реальностью их представлений. Но они были твердо уверены, что их предположения о нем и его работе представляют истину, реальны по своей природе. В свою очередь, он смог учить их дальше, составив комментарий, который удовлетворил их и заставил почитать его как великого мистика. Но поступив так, они оказались отрезанными от выгод действительного использования этого материала внутри себя, поскольку не пришли к этому пониманию путем внутреннего и личного восприятия. Они были удовлетворены только интеллектуально и эмоционально. Их восприятие Ибн Араби было ограничено вновь обретенной уверенностью, что его идеи не противоречат их собственным укоренившимся убеждениям.

Именно этот склад ума, фактически являющийся поверхностным оцениванием, – причина бедности

потенциального понимания в тех людях, которые ищут только объяснений, а не восприятий.

Рассказы о чудесном

В: Являются ли 'чудесные' рассказы о деяниях суфиев верными буквально, или они придуманы для иллюстрации структур, эквивалентных тому, что может случиться в жизни, или предназначены делать людей доверчивыми, или чтобы научить 'мыслить по-новому'?

О: Ответ – такой же, как и ответ на вопрос типа: «Является ли морковь желтой, или она предназначена для того, чтобы давать питание, или чтобы размножаться, или чтобы сочинять о ней рассказы?» Дело в том, что при правильных условиях все эти факторы могут быть верными, в соответствии с тем, как их используют.

Вы можете использовать сказки дервишей, чтобы поражать людей, если они хотят быть пораженными, или если получаете что-либо от этого обмана, и многие люди действительно так и делают.

Кроме того, слушатели могут неправильно их использовать, если упорствуют в том, чтобы они их впечатляли, или в циничном к ним отношении. К тому же они почти всегда содержат в себе структуры и непосредственные значения, которые могут быть аналогиями; и они могут снова и снова повторяться в действительных событиях, и, когда они циклически повторяются, это делает их верными буквально.

В: Нельзя ли привести пример рассказа, который вы можете вспомнить не только как традиционный и представляющий образец, но и как действительно происшедший?

КОРОЛЬ И ДРОВОСЕК

О: Вот один, хорошо известный среди афганцев и приписываемый в наши дни Ахмаду Шаху, первому королю современного Афганистана:

Ахмад Шах был королем, получившим венец из рук некоего всеми уважаемого дервиша. С того времени он часто надевал мантию дервиша и странствовал среди своих подданных, стремясь улучшить свое правление.

Однажды, переодетый, он посетил дровосека, жившего в лесной хижине. «Что бы ты делал, если бы не смог продавать свои дрова?» – спросил он. «Уважаемый дервиш, – сказал дровосек. – Я уповал бы на Бога и что-нибудь нашел бы».

На следующий день король объявил, что ни один дровосек не будет допущен в город, и спустя день или два снова посетил, переодетый, этого человека.

«Как ты живешь теперь, когда король стал так странно относиться к дровосекам?» – спросил он.

«Что ж, теперь я делаю кожаные ремни и продаю их в лавки. Уповаю на Бога, и на еду мне хватает».

Король покинул его и спустя некоторое время издал указ, запрещающий продавать в лавках изделия из кожи.

Когда Ахмад Шах снова посетил своего бедного дровосека-изготовителя кожаных ремней, он сказал: «Как идут твои дела теперь, когда Судьба, кажется, преследует тебя и оборвала твою новую карьеру?»

«Господин, – сказал тот. – Уповаю на Бога и работаю носильщиком на базаре. Все хорошо, и на еду мне хватает».

Тогда, по приказу Ахмада Шаха, все базарные носильщики были призваны в Дворцовую Гвардию, без какой-либо платы и даже без места для ночлега.

Той же ночью король в дервишском плаще пошел навестить своего друга и обнаружил его в хижине, что-то кушающего и стругающего дерево.

«Что ты делаешь?» – спросил король. «Меня забрали в королевскую гвардию, но без пиши и ночлега, – сказал человек, – поэтому я заложил меч, который мне вручили, купил еды, и вот делаю поддельный меч, пока мое будущее не прояснится».

Король вернулся во дворец.

На следующее утро командир гвардии вызвал дровосека и приказал ему обезглавить узника. Они вместе отправились к месту казни, где, согласно обычаю, ожидал король. Дровосек не узнал короля в его короне и королевской мантии, но сказав: «Уповаю на Бога», вытащил свой деревянный меч в ожидании приказа ударить. Узник произнес: «Во имя Бога, пусть этот меч откажется рубить – ибо я невиновен'» Дровосек уронил свой меч на землю. После расследования обвиняемый был, в конце концов, признан невиновным. Ахмад Шах был так изумлен, что сделал этого человека великим

визирем. С того времени Афганские короли всегда употребляли перед своим именем Al Mutawakkil ala Allah' – тот, кто уповает на Бога.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЖАЖДАНИЕ

Люди, которые интересуются чудесным, либо будут 'поглощать' чудесные сказки из-за эмоциональной жажды, либо смогут позволить им действовать как альтернативным способам мышления, чтобы развить ту часть ума, которая говорит: «стереотипные реакции сковывают».

Эмоциональные реакции, точно так же, как и автоматические, являются частью вторичного 'я' и не представляют восприятия истины.

Сирри аль-Сакати, умерший в 867 году христианской эры, сказал:

«Истинная мудрость – это непривязанность к себе и преданность Истине».

Эффективная деятельность в противовес непрерывной

НЕПРЕРЫВНАЯ деятельность, ярлыки, обусловленное чувство важности или прогресса, достижение на поверхностном плане менее значительных целей – все это имеет тенденцию быть плотью и кровью многих человеческих систем, члены которых ожидают от них гораздо больше того, что они могут дать.

Поскольку они удовлетворяют социальные нужды, удерживают людей занятыми и снимают напряжения, считается, что они являются не именно этим, а чем-то более высокого порядка.

С другой стороны, метод обучения и учеба, которая прерывна, не пользуются методом кнута и пряника, работают с теми, с кем могут, когда и где могут, что и есть суфийский путь, кажутся детям автоматизма чем-то менее обещающим, менее интересным, менее притягательным.

Он был бы менее важным и, пожалуй, менее интересным, если бы существовала альтернатива. Иначе говоря, если бы была возможность достичь проницательности, знания себя, реализации, просветления, высшего сознания и т. п. через механические организации. В таком случае не было бы нужды в суфийской системе: она была бы неуместной и неэффективной.

Но они не являются альтернативой. И только когда это понято, люди могут приблизиться к суфийской учебе и получить от нее пользу. До этого они всегда жаждут следующего:

- системы, которая будет открыта им, если только они выдержат неразбериху суфиев;
- самим быть способными выжать порядок из того, что, как они неосознанно считают, является хаотическим состоянием суфийского плана;
- или чего-нибудь, к чему они могут перейти, и что может напоминать им суфийскую учебу, но предлагает того рода стимулы, которые они жаждут.

Это не новая проблема. Но формулировать ее надо постоянно. Если она учтена, может начаться реальное учение, свободное от смирительной рубашки и шор поверхностной деятельности.

Но как это делается, откуда мы начинаем?

Это делается посредством закрепления этой идеи в уме с той же, по меньшей мере, прочностью, что и фантазии, которые противостоят ей и выдают себя за действительность; мы начинаем, убедившись, что впитали это утверждение, а не просто жадно его проглотили и просим следующую порцию привлекательных новинок.

ЛЮДИ КАК **ДЕМОНЫ**

Вспоминайте, что сказал Руми, и вы увидите, как люди сковывают себя своими желаниями, которые не есть то же самое, что их потенциальные возможности:

Люди – демоны, и страсти – их цепь,
Тащит она их в цеха и поля.
Тревоги и страхи ее составляют.
Не считайте свободными создания:
Тянет она их в борьбу и погоню
Тянет их в море и недра земли.

Способность приходит прежде мнения

В: Некоторые люди говорят, что они могут учиться по книгам, другие – что в книгах нет ничего стоящего, третьи – что они еще не нашли нужных книг. Что вы скажете по этому поводу?

О: Лучшее, что я могу сделать, это повторить старую историю, рассказанную одним суфием. Он описал, как одно время искал книги и не находил, затем он их нашел и думал, что в них есть все; потом он решил, что в них нет ничего. В конце концов, но только после прохождения через все эти стадии – а они именно стадии – он понял, какие же книги были полезны ему и в чем в действительности была их польза.

Ошибкой была его позиция принимать или отвергать книги до того, как он обрел способность изучать материал должным образом. Он составлял мнения, не продвинувшись сначала в развитии обычных способностей, и просил то, из чего был не в состоянии извлекать пользу.

Ему следовало бы иметь вначале больше здравого смысла.

Руми говорит о людях, которые полагаются на письменное слово, что иногда они не более чем ослы, груженные книгами. Почему люди всегда интересуются – являются ли книги чем-либо хорошим, не интересуясь – в состоянии ли сами они извлечь пользу из этих книг?

Когда меня впервые учили этому, мне дали следующее высказывание, так что, вызывая его в памяти, я мог снова почувствовать поверхностность дискуссий о книгах, которые ведутся в столь многих кругах:

«Преждевременная самостоятельность – дочь самонадеянности».

Если вы запишете вопрос и посмотрите на него, вы, я думаю (и надеюсь), тотчас увидите, что это вопрос не об учении суфиев, а о книгах. Этот человек концентрируется на идее о книгах, а не на идеях, что в книгах.

Освященная жадность

СУФИЙСКАЯ учеба с одной стороны труднее, а с другой легче, чем иные формы учебы, предполагающие саморазвитие человека.

Она труднее, например, потому что многие из подходов и образцов поведения, необходимые для суфийской учебы, не привились в обычной культуре; они не были нужны обществу для формирования и поддержания себя на некотором уровне.

С другой стороны, ко многим суфийским образцам приблизиться легче, потому что мы уже имеем аналоги образцов мышления и правил поведения, пройденные культурой для установления и поддержания себя: основа уже есть.

Но иногда между этими двумя сторонами имеется конфликт – или кажется, что имеется. К примеру, недифференцированное желание внимания и частое потребление стимулов в общем ритме известны каждому. В большинстве человеческих культур, особенно в их более грубых формах, это стимулопотребление было поставлено на службу самих культур. Его не анализировали и не подразделяли как, например, в случае пищи, когда аппетит отделили бы от потребности в питательных веществах и, кроме того, от вкуса, аромата, привычки и жадности.

Итак, возьмем наш пример, люди освятили жадность – постольку, поскольку такого вида жадность поощряется обществом. Жадность любого другого вида помечается ярлыком 'плохая', а допустимая жадность помечается ярлыком 'хорошее побуждение', правда слишком часто. Это отвлечение жадности на национальные, родовые и тому подобные цели только укрепляет пагубное поведение. Люди развивают, скажем, чувство внимания; общество говорит: «Да, вы можете иметь это, и единственно, что вам надо, – это благотворительными, героическими делами стремиться к нашему одобрению», – что бы при этом общество ни думало о том, что оно хочет или что ему нужно. Такие одобренные дела нередко вызывают несправедливое отношение к другим делам.

Из-за того, что жертва ищет и получает стимулы, она обычно полностью занята этим и не в состоянии увидеть, что ею манипулируют или что ее принуждают. Спектр ее восприятия (в данном случае) стяжательства никогда не развивался. Это как если бы она имела чувство осязания, но не могла отличить тонкое от грубого, или горячее от холодного. Соответственно, она находится в невыгодном положении по отношению к людям, которые имеют более тонкие чувства, а также по отношению к возможной многогранности, ее и общества, включая решение проблем.

Так как ей никогда не говорили, что существует высокочувствительное осязание, то (продолжая аналогию) она не может соответствующим образом воспринимать. Поскольку она получает одобрение на использование грубого осязания, то находится во власти людей и институтов, которые устанавливают правила. Не задумываясь о возможности чего-то более утонченного, она не имеет шансов найти его. Потому что его не существует, конечно, в рамках ее условностей, в ее племени. Или она может представить себе возможность этого, но ошибаться в выборе методов развития.

Это, конечно, пред-разумное, пред-научное, пред-организованное состояние. О нем суфии говорят как о ситуации «В супе должна быть гуща» (из истории о деревенщине, который не мог принять суп без гущи, так как такой суп он никогда прежде не встречал и потому отказался его есть).

Итак, жертва не только неразвита, она – наркоманка. Как же ее вылечить?

Излечить ее может жизненный опыт. Но сначала она должна принять такую возможность. Затем она должна испытать его воздействие, но только после того, как она обретет 'дополнительную способность', время и займет позицию, все это позволит ей сфокусироваться на данной проблеме. Она никогда не сможет сделать этого до тех пор, пока те альтернативы, которые ей предложены, являются просто другими формами наркомании.

Жертва должна привыкнуть к идее, что она действует как автомат, даже когда заглатывает панацею, называемую «Я не собираюсь быть автоматом!»

Ей, возможно, придется повторять свои попытки снова и снова. Саади, в Boston ('Фруктовый сад'), говорит: «Не каждая устрица содержит жемчужину / Не каждый раз стрелок попадает в цель».

Духовно убогие

В: Существует ли какой-нибудь быстрый, практический способ определить, серьезен ли человек и способен ли учиться на суфийском Пути?

О: Если и есть, то такой: серьезные люди готовы начать с начала и двигаться шаг за шагом, «начать путешествие в тысячу миль с одного-единственного шага»; несерьезные люди ищут чудес, стимулов и 'продвинутой работы'.

В: Что порождает и что поддерживает эту непригодность?

О: Тщеславие, вот почему большинство систем требуют смирения.

В: Раз большинство систем требуют его, почему же оно не работает?

О: Потому что большинство систем кончают превращением воображаемого смирения в форму тщеславия, так что они кончают точно так же тщеславием.

Можно ощутить стремление человека, если оно является искренним, по изменению в эманациях от такого человека.

БЕСПОЛЕЗНАЯ МОЛИТВА

Омар Хайям сказал:

Они ушли, и не вернулся ни один
Тебе поведать, что на стороне на той
Ты не достигнешь ничего автоматической молитвой
Молитва бесполезна без искренности
и истинного устремленья.

Второй вопрос, о непригодности, интересует меня несколько больше, чем первый, – о 'быстрых, практических методах'. Задавался ли спрашивающий когда-либо вопросом, что он мог бы делать с таким методом?

В: Но, несомненно, молитва, должным образом совершаемая, может подготовить к правильному обучению?

О: 'Должным образом обученный' – ключевое выражение. Люди, которые молятся и которые не уделяют внимание, как основе молитвы, необходимому изменению в себе, отличаются от тех, кто действительно молится. Люди, которые молятся, непременно изменяются посредством молитвы, и это изменение частично проявляется в их поведении и нраве.

Многие суфийские учителя настаивали на том, чтобы ученики прошли через психологическое и социальное развитие даже до того, как им будет позволено молиться, или, по крайней мере, до подтверждения, что они способны эффективно молиться. Ходжа Муинуддин Гариб Наваз Чишти фактически приравнивает молитву к правильной мысли и правильному действию на обычном человеческом уровне:

«Молитва, – сказал он, – заключается в том, чтобы выслушивать жалобы обиженных и помогать им; помогать нуждающимся и угнетаемым; кормить людей и освобождать узников из плена. Все это, – подчеркивает Гариб-Наваз, – имеет огромную важность»[1].

[1] Dr.Z-H.Sharib, Khwaja Ghiarib Nawaz, Lahore: Ashraf 1961, p. 114.

Когда критика может прекратиться

В: Когда прекращается критика того, что делают другие?

О: Сообщают, что когда Джалалуддин Руми начал излагать свои двустишия мудрости, прошло довольно мало времени, чтобы составить о нем какое-то мнение.

Одни заинтересовались, другие нет. Некоторые, следуя неизбежной схеме человеческого поведения, возмущались им. Они говорили: «Мы надеемся, что вы не считаете себя вторым Эзопом или кем-нибудь вроде него».

ЗАПАДНЫЙ МУДРЕЦ

Согласно одному западному мудрецу, критике следует пройти такие стадии:

1. Это невозможно.
2. Это возможно, но бесполезно.
3. Это полезно, но я всегда знал об этом. Затем критика может прекратиться.

БОЛЬНОЙ. КОТОРЫЙ РУГАЛСЯ

Творить людям добро – это иногда и выдерживать критику от них. В Boston Саади можно прочитать историю о больном человеке, которому помогал великий суфий Мааруф из Карха. Больной ругался на него, и жена Мааруфа спросила, почему он продолжает служить столь неблагодарному человеку.

Мааруф ответил, что терпение было частью помощи больному: он заметил, что больной не может успокоиться до тех пор, пока ему не позволят излить свой гнев.

Сам я не слишком заинтересован в прекращении критики. Как насчет заинтересованности в улучшении качества критики: чтобы она стала более полезной? Многое в ней настолько плохо, что даже критика нежелательных явлений неэффективна, особенно, когда критик демонстрирует свое раздражение или предубеждение вместо того, чтобы быть конструктивным.

Шейх Абдуллах Ансари из Герата, великий суфийский учитель, справедливо сказал:

Несчастье другого предотвратить можно:
От своего – нет спасения...

Информация и опыт

В; Почему вы подчеркиваете важность не только опыта, но и информации?

О; Есть высказывание, что в соответствии с ментальностыо индивидуума даже лик ангела может казаться ему лицом дьявола. Полезно также заметить, что поскольку лик ангела может казаться лицом дьявола, и лицо дьявола – ликом ангела, то есть и другие формы этого недуга.

ИНФОРМАЦИЯ ПРЕЖДЕ МНЕНИЯ

Люди склонны формировать мнения о людях, вещах и идеях лишь на основании информации и предубеждения, уже имеющихся у них. Если вы покажете ребенку или первобытному человеку, скажем, фотоаппарат, он может подумать, что это чудовище.

Информация людям нужна и намного чаше, чем они это осознают. По этой причине поколения суфиев трудятся над тем, чтобы расширить базис информации и опыта, доступных человеку. Обладая информацией и опытом, человек может вернее судить о людях, идеях и вещах. Чем меньше он имеет информации, тем меньше вероятность того, что он в состоянии понимать. Попытки учить любого, кто находится в условиях недостатка информации, бесполезны, никогда не предпринимаются настоящими учителями и являются тратой времени и энергии обеими сторонами.

ИНСТИТУТ БЕЗ ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТИ

«Залы и классы, ученые беседы, портики и арки, – говорит Хафиз, – что проку от них, когда нет мудрого сердца и видящего ока?» Чтобы реально ощутить опыт, информация также должна быть.

Учение – это вопрос поведения

В: Могут ли люди следовать суфийской форме учебы без того, чтобы их тренировали и постоянно стимулировали, как это делается во всех системах, которые я исследовал?

О: Следующее знаменитое высказывание нашей традиции заслуживает самого пристального внимания: «Учение – это вопрос поведения».

Действуя определенным образом, человек может быть способен создать впечатление, что он просвещен, усерден, достоин, ценен, или делать много чего другого впечатляющего. Все учения, на своих низших ступенях, стремятся научить людей усваивать подходящие манеры и поведение.

ПОВЕДЕНИЕ, В ДАННОЙ СИТУАЦИИ, НЕ ОЗНАЧАЕТ КОНФОРМИЗМА

Из-за этого акцента на поведение, очень легко возникает неправильное понимание. Люди начинают воображать, что если они выглядят подчиняющимися, то они подходят или прогрессируют.

В действительности, конечно, конформизм является частью воспитания людей. Если люди подчиняются правилам окружающей их культуры, то это позволяет легче общаться большему числу людей. Разногласия обычно ослабевают. Общение между людьми становится возможным, когда, например, все говорят не одновременно.

Бывает необходимо следовать определенным типам ожидаемого поведения для того, чтобы учиться чему-то. Но когда этот конформизм становится единственной или главной характерной чертой людей, учение перестает воздействовать. Вместо обучения мы имеем практику: практику конформизма.

Вред от конформизма может быть двояким: (1) люди примут конформизм за 'высшее' поведение; (2) люди будут верить, что все, что им следует делать – это выглядеть подчиняющимися и, вследствие этого, они обретут 'место на Небесах'.

Мы все знакомы с человеческими системами, в которых один или оба этих порока очевидны. Они, действительно, столь живучи, что конформизм может быть принят как внешний признак организации. Но это не только необязательно: конформизм может быть безусловно опасен для потенциальной функции группы. Тогда почему же мы говорим «Учение – это вопрос поведения»?

ЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ ВЗАИМОСВЯЗАНЫ

Во-первых, потому, что когда форма поведения заложена в Учении, будь то выполнение задания, учеба или упражнение, существует особая связь между ментальной 'установкой' и физическим действием. Она помогает упражнению или учебе воздействовать правильно.

Во-вторых, потому что, когда человеку дают выполнять что-то в качестве порученной или предполагаемой деятельности, – то, как он выполняет ее, выполняет ли вообще, степень компетентности или активности без постоянного побуждения: все это характеризует человека. Можно сказать, и индивидуум должен быть способен сказать сам при помощи самоизучения, прогрессирует ли он или ведет себя автоматически. Если он обнаруживает, что нуждается в постоянном стимулирующем воздействии угрозы или обещания, то он не настраивает себя правильным образом. Если он желает вести себя определенным образом только при условии, что получит определенное количество внимания, то он ставит требование внимания выше учебы.

Имеются две основные причины того, что Учение на протяжении поколений принимало множество различных внешних форм.

Первая: то, что в соответствии с временем и культурой, Учение должно быть спроецировано заново.

Вторая и более подходящая сейчас к нашей теме: 'новые' формы принимаются отчасти для того, чтобы не допустить автоматического конформизма.

В реальной обучающей ситуации индивидуум проверяется, и может проверить себя сам по степени активности, которую он способен поддерживать без внушения, повторения, постоянных призывов, и которая ведет к личной воле.

Чтобы показать, что их не «тренируют и постоянно стимулируют», как вы называете это, и чтобы показать, что поведение имеет как внешнее, так и внутреннее значение, суфии используют метод поведения Маламати (заслуживающий порицания). Суфий может преднамеренно навлекать на себя поношение не из мазохизма или для возбуждения внимания, но чтобы показать другим, как охотно они отзываются на внешние сигналы, которые, возможно, вовсе не имеют смысла.

Подобно этому, некоторые люди, работающие на дервишском пути, были названы Бешара (без закона),' потому что на протяжении веков они избирали практику тайной подготовки и предпочитали избегать общественных стимулов, указывая, что внешность может означать только поверхностность.

РАССКАЗ О МУХЕ

Саади описывает один довольно характерный пример поведения-обучения из жизни Хатима аль-Асамма – 'Diyxoco'. Некоторые дидактики, рассказывает он, считают, что Хатим из Балха был глухим: не верьте этому. Однажды он увидел муху, попавшую в паутину, и обратился к ней в назидание присутствующим, сказав, что она была обманута чем-то привлекательным и соблазнительным, но сумела лишь попасться.

Однако эта аналогия с состоянием человека приобрела особую остроту, когда аудитория осознала, что внимание Хатима привлекло жужжание мухи, которое другие люди едва могли услышать: и все же именно его считали глухим.

Хатим объяснил, что он вовсе не глух. Он делал вид, что не может слышать, потому что, в таком случае, от него не ждут, что он будет выслушивать похвалу или порицание, предназначенные повлиять на него. Посчитав его глухим, окружающие могли бы высказать, что они о нем думают на самом деле.

Интересное различие между суфиями и остальными состоит в том, что подобно социологам и другим ученым, проводящим испытания, суфии могут притворяться – обманывать, как всегда утверждают некоторые, – хотя принято, что человеку никогда не следует притворяться тем, кем он не является, в данном случае, конечно, глухим. Но суфии всегда подчеркивает, что в то время, как он может притворяться с целью указать на некоторый акт, обычный человек притворяется потому, что хочет признания и уважения людей. Поэтому его притворство гораздо хуже, гораздо менее продуктивно, и ничего не дает кроме обмана и самообмана.

Курс занятий, составленный в суфизме учителем для своего ученика, может выродиться в конформизм и автоматизм в различных подражательных сообществах и мнимых 'школах', но их легко распознать. Метод учебы у суфия – это руководство, осуществляемое учителем, какую бы форму оно ни принимало и как бы ни противоречило предположениям других людей о том, чем оно является или чем ему следует быть.

Роль учителя в том, чтобы сделать себя лишним для ученика, помогая ему избегать тенет низших идей и поверхностного ума. Но пока не наступит этот момент, за учителем, как за проводником на пути, невидимом для учащегося, следуют с абсолютным доверием.

Великий суфий Абдул-Кадир из Гилана подчеркивает в семнадцатом обращении в Futuh al-Ghaib, что это подобно роли кормилицы, которой надо прекратить кормить грудью ребенка, когда тот сможет есть твердую пищу. Когда вторичные и низшие привязанности исчезают, искатель устанавливает связь с объективной Реальностью. Вот тогда, продолжает шейх, нет больше необходимости в ученичестве.

Познание собственной искренности

В: Как человек может узнать, искренен он или нет?

О: Быть лицемером – это, возможно, худшее, что бывает. Но мне думается, что есть нечто более губительное; воображать, что не притворяешься в 'благих намерениях'. Не воображайте, что вы притворяетесь, и не занимайтесь самобичеванием, ибо и то и другое может быть формой самопотакания.

Имейте мужество признать, что, вне зависимости от того, на скольких людей производят впечатление кажущиеся смиренность и самопорицание набожных людей, реальное усилие – в познании самого себя, так чтобы с этим можно было что-то сделать. Стоит только поддаться и встать на сравнительно легкий путь принятия на себя личной вины, и вы можете стать виновным в саморазвлечении, упоении своей никчемностью.

Если вы так поступаете, то люди могут восхищаться вами, они могут ставить вас в пример, традиционная литература может поддерживать вас в мыслях и действиях, общество может верить, что оно получает пользу от вашего существования – но для вас это путь в никуда.

Люди реального знания существуют, можно сказать, для указания по-настоящему серьезным искателям, что человек в действительности обманывается, когда чувствует себя праведным. Они существуют не для того, чтобы заклеивать щели обоями, соглашаясь, что определенная тренировка мышления или последовательность действий, либо и то и другое вместе, являются неизменными признаками подлинной веры и практики.

Один великий суфий сказал: «Святой до тех пор святой, пока не знает, что он святой».

Суфий во все времена вызывали уважение и понимание у большинства религиозных людей тем, что настойчиво утверждали, что искренность никогда никому не может быть просто приписана. Люди узнают об искренности в себе и в других, наблюдая действия и изучая мысли, и сверяя слова с поступками.

Неглубоко верующие люди устраивают 'проверки' на искренность, которые лишь продлевают невежество и неправильное понимание.

БЕДУИН-УЧИТЕЛЬ

Руми приводит прекрасную аналогию этого, показывая, как люди, которые судят о вещах, не зная фактов, приходят к ложным заключениям.

В этой истории бедуин слушал, как молился один человек. Тот начал произносить отрывок из Корана, где в Суре IX ('Покаяние') стих 97 говорится:

«Арабы из пустыни – более всех погрязли в неверии и лицемерии ...»

Разгневавшись, араб дал ему затрещину. Молящийся, продолжая чтение, перешел к отрывку:

«...Но некоторые арабы из пустыни верят в Бога и Судный день...»

«Вот это уже лучше! – сказал бедуин. – Теперь я научил тебя, как себя вести...»

Здесь бедуин представляет собой поверхностную и склонную к предположениям часть ума буквально мыслящих религиозных людей, чья 'вера', очевидно, основана на поведении и чьи суждения о вере других людей основаны на их собственном воображении о том, что представляют собой верования этих людей.

Бедуин у Руми – и наш спрашивающий об искренности – могли бы проделать такой тест, знай они о нем, если поразмыслят над афоризмом:

«Кто думает, что не самообольщается, пусть проверит, хорошего ли он о себе мнения».

Те, кто претендует, и те, кому следовало бы

МЕЖДУ теми, кто претендует стать последователями Традиции и теми, кому следовало бы ими стать, может иметься существенная разница.

И у тех, и у других могут быть необходимые способности.

Те, кому следовало бы, вполне возможно, никогда не слышали о метафизике. Они, возможно, даже ненавидят идею эзотеризма. В наши дни все еще очень много людей, не имеющих представления о религии, мистицизме, 'духовных ценностях' – и не интересующихся ими – хотя число их с каждым днем уменьшается.

Претендующие – это те, кто был привлечен в то или иное время отблеском истинной внутренней деятельности. Они, быть может, встретились с кем-то, занимающимся такого рода деятельностью, прочитали какую-то литературу. Они претендующие, потому что верят, что, поскольку слышали о чем-то, даже, может быть, пытались практиковать это, то по этой причине имеют на это право.

Вообще, тесный контакт с претендующим показывает, что его интерес сравнительно неглубок. Его вина, как заявил бы психолог, в желании системы, которая согласуется с его предубеждениями, в стремлении достичь не более чем какого-либо вида личного равновесия.

Возможно, он имеет способности. Чаще всего у него нет необходимого отношения. Он склонен, конечно, верить, что у него правильное отношение. Он обвиняет других в его отсутствии.

> И тем, и другим необходимо обучение суфийской эволюционной философии, вначале путем ознакомления с ее некоторыми положениями и материалами. Это трудно, так как существует немного изложений общего характера для этого материала, вопреки распространенной вере, что «он должен быть в книгах» или «не надо беспокоиться о книгах, лучше получить его от кого-нибудь во плоти». Но именно поэтому существуют, и всегда существовали, суфийские школы. Это одна причина, почему школы принимают, для грубого наблюдателя, озадачивающе разнообразные внешние формы.

Как говорит Ахлак-и-Мухсини:

У птицы, не знающей пресной воды,
В соленой воде всегда клюв.

НЕ В СОЛЕНОЙ ЛИ ВОДЕ ВАШ КЛЮВ?

Соленая вода, по разумению суфия, есть то, что иначе называют 'этим миром'. Обычный человек воображает, что то, что он воспринимает более быстро, вроде материальных объектов и очевидных (для него) мыслей, по логике должно быть тем, что более реально. Но суфий говорит, что так называемые конкретные вещи не узнаны на опыте, а выведены путем умозаключений.

Вы умозрительно выводите огонь из дыма, и дым может казаться реальным, но лежащая в его основе реальность – огонь. Когда уходит привычка полагать, что непосредственно воспринимаемые вещи важнее, чем более тонкие, последние становятся воспринимаемыми. Суфийская учеба посвящена этой задаче.

Именно по этой причине великий шейх Абдул-Карим Джили говорит:

Истина, реальность [*al-Haqq*] ощущается, воспринимается:
Этот мир выводится путем умозаключений [*ma'qulun*].

До тех пор, пока человек считает первичным то, что на самом деле вторично (включая его вторичное, обусловленное 'я'), более тонкий, но более реальный первичный элемент – Реальность и Сущность индивидуума – восприниматься не будет.

ВСТРЕЧА С ТРЕМЯ ДЕРВИШАМИ

Я встретил трех дервишей на Среднем Востоке, и спросил их, не сталкивались ли они когда-нибудь с искателями с Запада. «Часто», – был их ответ. Я спросил, обучали они их чему-либо. «Бывает вот что, – сказал один из них, – они приходят к нам и говорят "Учите нас", и мы пытаемся, сидя вместе с ними, или, оставив их и удалившись, чтобы сообщаться путем прямого восприятия». Я поинтересовался, что случалось дальше. «Всегда одно и то же. Через два-три дня они опять отправляются в путь, жалуясь, что мы не делаем того, что обещали».

Цель ритуала и удовлетворение от него

В: Повсюду в мире мы видим людей, испытывающих удовлетворение от ритуала. Как можно выйти за рамки ритуала?

О: Посвящение и торжественные ритуалы, совершаемые в религиях, обществах и других объединениях, могут иметь различные – весьма несхожие – источники, цели и функции.

Мы могли бы уподобить все эти цели, источники и функции, скажем, различным процессам, которые известны и существуют в любой науке. В химии, дистилляция это не то же, что ферментация; применение спиртов иное, чем применение кислот. Существуют как промышленная, так и исследовательская химия.

В случае науки о человеке различия такие же.

КОГДА НАЧИНАЕТСЯ РИТУАЛИЗМ

Когда знание об этих различиях исчезает, берет верх ритуализм или же ограниченное применение таких процессов. Когда применение и возможность ограничены, эффект незначителен: он может быть даже вредным. Как говорит Саади: «Огнепоклонник может сотню лет заботиться о своем пламени, но если свалится в него, то погибнет».

Возьмите молитву. Когда молитвы совершаются среди людей с определенной подготовкой, и когда уделяется должное внимание таким вещам как правильный настрой, тогда будет один эффект от молитвы. Если людей побуждают молиться без этих или других элементов, то их молитва может стать психотерапевтическим инструментом: весьма ценным, но, тем не менее, более низкого уровня по сравнению с его оптимальной функцией.

ЭМОЦИИ, ПРИНИМАЕМЫЕ ЗА ВЫСШИЕ ЧУВСТВА

В таком случае эмоциональное принимается за духовное. Единственное возражение против такой деятельности то, что человек или община, в которых запущен механизм связывания молитвы с эмоцией, будут почти неспособны к дальнейшему развитию, потому что обусловливание, постоянно вызываемое посредством вида, звуков молитвы или участия в ней, будет эмоциональным.

Общества и индивидуумы, взращенные на эмоциональном и обусловленном использовании ритуалов и других процедур, должны подвергнуться переориентации прежде, чем они смогут воспринять в таких ритуалах более высокое содержание.

Это трудно, потому что такие люди обычно ищут углубления своего привычного опыта, а не усовершенствования его.

Саади в *Boston* говорит: «Не жди, дитя мое, награды от Омара, если работаешь в доме Зайда».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУФИЯ

Чтобы учиться, люди должны отказаться от многого, в том числе и от ритуала, как того, на чем, как они воображают, они могли бы учиться. Чтобы подчеркнуть это, Абу-Якуб аль-Суси, цитируемый в *Taaruf* Калабадхи, утверждает, что суфий – это «тот, кто не беспокоится, когда у него что-то берут, но не прекращает искать то, чего у него нет».

Реальное и мнимое самосовершенствование

В: Работают ли в суфийской школе над автоматизмом человека?

О: Люди по видимости и насколько они понимают, возможно, пытаются себя совершенствовать.

Фактически (что может быть установлено изучением того, что они действительно делают и на самом деле подразумевают под тем, что говорят), люди зачастую автоматизируют или развлекают себя.

Так происходит лишь потому, что они действуют поверхностно, используя ум, область, которая сравнительно легко становится обусловленной.

Забавно, что многие, слышавшие об этом процессе и видящие его в других, думают, что сами они защищены от него именно тем, что постоянно повторяют, что «человек становится почти мертвым, обусловленным». Но само такое повторение будет автоматизировать, обусловливать человека. Освобождение оказывается от таких теоретиков дальше, чем от 'непосвященных', никогда не слышавших этого аргумента.

От автоматизма можно улизнуть, используя технические приемы, разработанные с целью перехитрить его. Но во-первых, мы должны отметить на достаточно глубоком уровне, а не просто замечать часто или возбужденно, что такой процесс необходим. Во-вторых, мы должны определить, имеет ли данный человек способность быть избавленным от автоматизма. В-третьих, мы должны предписать лечение именно для него. В-четвертых, мы должны оценить, будет ли он следовать этому лечению.

Все это входит в круг причин для существования технических приемов и особых курсов в настоящей суфийской школе.

Некоторые люди, пытающиеся получить пользу от работы суфийской школы, в то же время, внутренне настроены сохранять свой автоматизм. На мой взгляд, это реальная проблема. «В оковах забот о бороде и тюрбане, – говорится в сборнике Шамс-и-Табризи, – как же припадешь к великой чаше?»

По словам Дхун'Нуна, автоматизм человека преодолевается посредством стремления «быть таким, как был, где был до того, как был».

Роли учителя и ученика

В: Как суфийский учитель преодолевает сложившиеся, но неосознаваемые предубеждения ученика?

О: Давайте посмотрим на относительное положение учителя и ученика. Ученик рассматривает учителя как человека, который имеет что-то в большом количестве и даст ему какую-то часть. Или он может считать, что тот знает метод как достичь чего-то.

Для учителя ученик – это тот, кто пригоден для получения порции чего-то. В другом смысле, он считает его тем, кто может чего-то достичь.

Каждый – на своем пути, между их положениями существует связь.

Проблема учителя значительнее проблемы ученика. Одна из причин – в том, что ученик стремится учиться, но редко осознает, что он может учиться ТОЛЬКО ПРИ ТЕХ УСЛОВИЯХ, КОТОРЫЕ ДЕЛАЮТ УЧЕНИЕ ВОЗМОЖНЫМ.

Он не может продвигаться вперед, пока не будет подготовлен к учению. Когда подготовка завершена, ученик может продвигаться медленно, быстро или мгновенно, проходя через ряд этапов, на которых он понимает, что же он называл смыслом жизни или знанием себя.

Поэтому, самое важное – настроить ученика таким образом, чтобы его прогресс мог быть эффективным и непрерывным.

Это может направлять только тот, кто знает картину в целом и знает, что в отношении индивидуума или данной группы людей возможно, а что – нет.

Поскольку ученик, вероятно, находится в плену сформировавших его отношений, он будет склонен обращаться к учителю и к учению всевозможными неэффективными и второстепенными способами. Он попросит 'спокойствия ума’, успеха в мирской жизни, денег, знания, просветления, гарантий – всего того, что может быть важно в том или ином отношении, но не обязательно относится к его ситуации. Другими словами, он попросит, чтобы его научили или чтобы ему дали знание и вещи, каковые ЕМУ ОКАЗАЛИСЬ ЖЕЛАТЕЛЬНЫМИ ПО ТОЙ ЕДИНСТВЕННОЙ ПРИЧИНЕ, ЧТО ОН РЕШИЛ, ЧТО ОНИ НЕОБХОДИМЫ ИЛИ НАСУЩНЫ.

С некоторой точки зрения, это так же нелепо, как если бы школьник сказал: «Что ж, учите меня французскому, но только в 4 часа дня», или: «Я хочу учиться математике, но только не в этом классе», или еще: «Я хотел бы изучить основы биологии, но сначала мне нужно узнать что-нибудь о головастиках, так как, по моему мнению, это самое важное».

В действительности, вы можете учиться только тому, чему вас можно обучить. Если вы навязываете или выставляете условия, основывающиеся на теоретических размышлениях, эмоциях, воображении, интеллекте и тому подобном, то вам все еще нужно учиться тому как учиться. То есть узнать, как собирать знание шаг за шагом, правильным образом, без вышеупомянутых ограничений.

Человек, не знающий, кто он на самом деле, не знающий откуда он и куда может идти, вряд ли в состоянии даже предполагать, в какой форме ему следует получать указания, или что прежде, чем он что-нибудь сделает, надо облегчить его боль или подправить его дела, возможно способом, который он, оказывается, потребовал из каприза или даже из приверженности чему-то.

Первая обязанность учителя – сделать это ясным и не идти на компромисс с поверхностными чувствами, которые многие люди считают основой.

Руми говорит:

«Свой опыт любишь ты, а не меня
Ко мне приходишь ты, чтоб чувствовать эмоции свои».

Если вы посмотрите на ваш способ подхода к вещам, включая желание учиться и его выражение в действии, и если отметите, какие сделали ошибки, а также то, что говорят суфии о ролях учителя и ученика, вы осознаете, что ученик со сложившимися, но неосознаваемыми предубеждениями, о которых вы говорите, нуждается в ком-то стороннем, кто снабдил бы его стимулами, которые позволят ему (или ей) выбраться из ловушки привычного шаблонного мышления.

УЧЕНИКИ, КОТОРЫЕ НЕ УЧАТСЯ

Шейх Абдаллах Ансари из Герата, признанный одним из величайших мудрецов Школы, а также одним из ярчайших ее представителей, перечисляет вещи, которые люди делают и думают – и которые препятствуют их прогрессу.

Они приводят к разочарованности, печали и путанице. Люди, не следующие предписаниям своего учителя, или остаются в одном из этих состояний, или же прибегают к некоторой – часто

неосознаваемой – психологической уловке, ведущей к лицемерию, фанатизму, или воображаемому пониманию.

Вот вещи, которые ученик не может измерить в себе и о которых заботится учитель:

Хотеть прежде, чем полагается
Желать большего, чем полагается
Хотеть того, что принадлежит другим.

Конечно, некоторые люди столь упрямы, что даже если вы скажете им, что не собираетесь идти на компромисс со сложившимися предубеждениями, они будут продолжать бороться. В таких случаях учитель не оправдает их ожиданий, сделав вид, что не подходит ученику, заимствуя для этого технику *Маламати.* Даже тогда провинившийся ученик может быть не в состоянии понять, что происходит, и будет давать всевозможные фантастические объяснения. У Саади, в *Гулистане,* есть история об этом.

ИСТОРИЯ О МУЭДЗИНЕ

Жил когда-то муэдзин, призывавший верующих к молитве таким отвратительным голосом, что попечитель мечети, добрый человек, предложил ему десять динаров, чтобы он ушел в другой город. Впоследствии тот встретил попечителя и сказал: «Вы предложили мне всего десять динаров, чтобы я ушел в другой город, а там мне сейчас предлагают двадцать, но я все же отказываюсь уйти».

Попечитель рассмеялся и сказал: «Подождите и вы увидите, что они дойдут даже до пятидесяти».

5
Действие и смысл

Настоящая и относительная щедрость

НЕЩЕДРЫЕ ЛЮДИ

Один человек, находясь в кругу друзей, услышал о затруднительном положении некоего человека. Тут же, под действием чувств, он передал некоторую сумму денег для вручения бедствующему.

Другой человек, не слышавший о каком-либо особом случае, когда у него появились деньги, пошел и нашел нуждающегося человека. Он расспросил о его надобностях и удовлетворил их.

Кто из них был действительно щедрым?

Ответ – никто.

Оба были щедры в общепринятых рамках. Они делали то, чему были научены.

Эти формы щедрости являются достаточными только на самых начальных стадиях щедрости.

За ними есть стадия, для которой эти формы считаются подготовительными.

Эти поверхностные формы щедрости принимаются за верх щедрости, поскольку люди редко поднимаются выше подготовительных стадий.

Настоящая щедрость – это когда люди делают что-то щедрое и никто не знает об этом; или, если другие люди знают что-то, человек отказывается принимать какое-либо уважение за **свою** щедрость как от получающего, так и от кого бы то ни было.

Настоящая щедрость безымянна до такой степени, что человеку следует быть готовым скорее считаться даже нещедрым, чем что-либо объяснять.

Такого рода щедрость в вещах, в работе и в мышлении намеренно культивируется среди Избранных, без всяких исключений, и практикуется теми, кто желает войти в их ряды и в этом упражнении нет никакого послабления.

Щедрость также отмечена тем, что когда человек скажет, что сделает что-то, он это сделает. Саади учит: «Когда щедрые обещают, они выполняют».

Парадоксально, но не быть жадным это высшая форма заботы о своих истинных интересах.

Жадность вам вредит, щедрость помогает. Вот почему сказано: «Жадность – мать неспособности».

Почему суфии превосходят

В: Что препятствует людям делать успехи, особенно в создании великих писаний или обучающих материалов?

О: Один видный востоковед писал, что ему трудно понять, как классический суфийский автор Саади из Шираза мог написать два великих классических произведения на персидском языке за три-четыре года.

Для схоласта это возможно проблема, но характеризующая его умственные способности, а не Саади.

Суфию такое недоумение показывает, что данная ситуация не отличается от ситуации простака, когда тот говорит: «Не понимаю, как этот человек с громыхающей палкой смог сбить такую большую металлическую птицу».

Такой 'скрытый в человеке дикарь' присутствует, конечно, не только в ограниченных ученых. Именно этот дикарь препятствует людям делать успехи в любой области.

Правильное обучение выявляет превосходные качества человека.

Обучение должно, конечно, работать с лучшей частью индивидуума, должно быть обращено к его реальным способностям.

В первой главе *Гулистана* («Розовый сад») Саади провозглашает:

Как можно выковать хороший меч, плохое взяв железо?
Не станет непригодный от обучения полезным.
Дождь, чья природа неизменна,
Взрастит цветы в саду, колючки – на болоте.

Люди с ложными целями подобны бесплодной почве. Цветы же произрастают на почве, состоящей из правильных целей.

Люди, о которых вы упоминаете, как о не делающих успехи, работают, имея непригодную основу. «Если вы настаиваете на покупке плохих продуктов, то вы должны быть готовы к тому, что еда, приготовленная из них, вам не понравится».

Замешательство как личная проблема

В: Что мне делать с моим замешательством и моей никчемностью?

О; Людям, которые просят устранить их замешательство, следует сначала принять во внимание три следующих момента:

1. Им следует убедиться, что я (или другие) предлагаю устранить замешательство и т. д. Суфии не предлагают. Следовательно, эти люди должны установить источник предложения (если таковое имеется) по устранению замешательства и обратиться к тому, кто предлагает. Если же, на самом деле, 'предложение' возникло в голове претендента, ему следует распознать это.

2. Им следует заметить, что замешательство и т.д. часто может быть защитой. Возможно, вам не нравится туман, но если он скрывает вас от тигра-людоеда, лучше, чтобы он был. Весьма часто людям следует быть благодарными своему замешательству, которое является щитом, а не устранять его до того, как они будут в состоянии встретиться лицом к лицу с тем, что за ним находится.

3. Множество людей, и это, конечно, сегодня общеизвестно, сами создают и поддерживают свое замешательство, даже когда воображают, что стараются избавиться от него.

Следовательно, ответ на «что мне делать с моим замешательством?» таков: «Выясните причину замешательства и причину его причины. Затем решайте, хотите ли вы что-нибудь с ним делать».

Замешательство происходит от отсутствия внимания к тому, на что его следует обратить в первую очередь. Следовательно, проблема находящихся в замешательстве заключается в том, что им следует осознать это, применяя свои умственные способности сначала для наблюдения за собой, и меньше думать о замешательстве. Вспомните пословицу: «Бдительному достаточно знака, беспечному и тысячи советов мало».

Что касается чувства никчемности, то есть свои пределы как для него, так и для противоположного чувства. Саади предназначил стихотворение, которое я перевожу с персидского для вас, чтобы люди видели, что эта проблема является одной из ведущих далеко:

Капля, упавшая из тучи
Была взволнована огромностью моря:
«Кто я в просторах океана?
Если *есть* ОН, меня, в действительности, *нет!»*
Пока она смотрела на себя оком презрения,
Раковина вскормила ее в своем лоне.
Небеса столь благоприятствовали обстоятельствам,
Что стала она прославленной, королевской Жемчужиной:
Превращаясь в высокую из низкой
Она стучалась в дверь ничтожности:
Пока Сущее не свершилось.

В персидской поэзии принято считать, что жемчужина – это преображенная капля дождя.

Ваше замешательство происходит оттого, что вы не получаете того, что хотите; а ваше чувство никчемности – это что-то, что, как вы чувствуете, вы имеете, но не хотите. Один суфий заметил по поводу этой двойной проблемы: «Вы должны стараться терпеливо относиться и к тому, что вы хотите, и к тому, Чего вы не хотите: ибо и то, и другое испытывает вас. Практикуйте оба вида терпения и заслужите имя человека».

ОЩУЩЕНИЕ ВАШЕЙ НИЧТОЖНОСТИ

Суфийский святой Аттар записал высказывание великого старца Баязида[1]: «Вы должны ощущать вашу ничтожность».

Воспринимать свою ничтожность – важно. Эмоционально потакать себе, пугая себя ею – это поверхностное саморазвлечение, – тем более привлекательное для многих людей, что они могут притворяться перед собой, что это искренность или благочестие. Нужно выйти из этого детского состояния.

[1] В *Tadhkirat al-auliyya* Аттара. Баязид умер в 875 году Христианской эры.

Быть ‘гуру’

В: Я нахожу, что люди склонны полагаться на меня, и что когда я уделяю им внимание, или при других обстоятельствах, они 'садятся мне на шею'; они считают меня гуру, если я пытаюсь учить их. Я не хочу быть окруженным иждивенцами, поэтому не хочу их учить.

О: Когда люди начинают полагаться на вас в такой нежелательной манере, прогонять их предстоит вам, удерживая только тех, кто действительно может учиться и кто не использует вас как источник иждивения. Непонятно, кто вам сказал, что есть только две возможности – учить и быть окруженным иждивенцами, или 'закрыть лавочку'. Уверяю вас, что это слишком большое упрощение. Избегайте людей, проявляющих эти признаки, и вы будете в состоянии учить с пользой.

Конечно, если вам нечему учить, то убедить их в этом – ваше дело.

УЧЕНИКИ ДЕРВИША

Один дервиш однажды пришел к суфию и сказал: «Люди принимают меня за своего учителя, а я хочу разубедить их в этом». Суфий сказал: «Все, что вам нужно, – это вести себя как сумасшедший, и вскоре они оставят вас».

«Но будет потеряна моя репутация!» – воскликнул расстроенный дервиш.

«Понятно, – сказал суфий, – вопрос касался обучения, но таится за ним самоуважение!»

Итак, хотите вы, чтобы вас окружали иждивенцы, или нет?

Интересно, осознаете ли вы, что суфии не называют себя суфиями, чтобы не быть высокомерными? При мне суфия спросили: «Почему вы не говорите, что вы суфий?» Он ответил: «Это было бы самоутверждением и вызвало бы нападки». «Тогда, – сказал спрашивающий, – почему вы не отрицаете этого?» Он сказал: «Это было бы неправдой и, кроме того, могло бы лишить стоящих людей средств учения».

Задавший вопрос воспринимает все через свое вторичное 'я’. Этими двумя историями я обращаю внимание на работу этого 'я', которое не может ни учить, ни учиться.

Системы

В: Я убежден, что те суфийские материалы, которые я прочитал и о которых слышал, основаны на знании реальной истины гораздо больше, чем что-либо из того, с чем я встретился. Почему, однако, суфии ожидают, что их методам последуют?

Нет ли другого пути? Как насчет других систем? Я хочу развивать смирение.

О: Суфий отстаивает некоторый путь, тот или иной из большого числа методов, поскольку именно эти методы приводили к результатам, которыми вы столь откровенно восхищаетесь. Итак, в сущности, все суфии говорят: «Вам нравится этот результат? Очень хорошо, вот метод, посредством которого он был достигнут. Вы хотите какого-то другого результата? Хорошо, вы должны обратиться к тем, кто ответственен за другой результат, и искать их методы».

НА И О СУФИЙСКОМ ПУТИ

Я помню, как этот вопрос задали одному суфию. Его ответ был таким:

«Если вы хотите *учиться суфизму,* вы должны следовать суфийскому пути. Если вы желаете иметь *информацию о* том, почему вам надо следовать суфийскому пути, вы должны обратиться к кому-то, кто не учит, но излагает ученые мнения об относительных достоинствах различных путей».

Что касается смирения, мы можем связать его с обучением, обратив внимание на утверждение Калабадхи из его *Taaruf:*

«Смирение – это принятие истины об истине от истины». Ответ на этот вопрос мог быть дан и самим спрашивающим, если бы он сначала уделил внимание вопросу о различии между *изучением* суфийского Пути и *учением на* суфийском Пути.

Вы очень часто видите эту тенденцию там, где нечто, вполне приемлемое при некоторых обстоятельствах, превращается в 'вечную истину'.

Например, кто-то меня только что спрашивал относительно 'продажи знания'. Человек чувствовал, что люди не должны назначать плату за мудрость, и ожидал от меня осуждения тех, кто так поступает.

Видите как это действует? Сначала игнорируется тот факт, что знание и мудрость являются результатом определенных процессов, и их неосознанно начинают воспринимать почти как товар. Только в этом случае может идти речь об 'их продаже'. Так вот, я могу продать вам информацию или мешки с углем, но ни я, ни кто-либо другой не может продать вам знание.

ИИСУС И ЯБЛОКИ

Я прочитал недавно высказывание, приписываемое Иисусу в одном из тех Евангелий, которые по той или иной причине были осуждены различными церквами. Послушайте, что там сказано о продаже:

«Иисус сказал: "Вот два человека вышли продавать яблоки. Один решил продавать кожуру от яблок на вес золота, нисколько не интересуясь самими яблоками. Другой пожелал отдать яблоки, получив взамен лишь немного хлеба для своего путешествия. Но люди покупали кожуру от яблок на вес золота, нисколько не интересуясь тем, кто был готов отдать им яблоки, более того, даже презирая его"».

Задумайтесь над этой историей и узнайте нечто о средстве и цели, природе человеческого мышления и поведения, о проблемах учебного процесса и об используемых в его рамках материалах.

Средство и цель

В: Каково ваше отношение к структуре учебного процесса и к материалам в рамках этой структуры?

О: Путать средство и цель, или инструмент и замысел – характерная болезнь человеческого мышления.

Эта тенденция просматривается во всех человеческих сообществах от так называемых 'передовых' до самых 'отсталых'. Она сильна как в цивилизованных, так и в варварских обществах, различны лишь ее проявления.

Принцип таков:

То, что было функциональным, становится самоценным: упражнение ли это, становящееся ритуалом, деятель ли, становящийся объектом поклонения, или инструмент, становящийся тотемом.

Всякий, кто поощряет эту тенденцию, всегда найдет сторонников, потому что такое искажение уже присутствует в человеческой среде, и его производные покажутся 'правильными'.

С другой стороны, понятие средства и инструмента, неразличение за деревьями леса, и другие проявления этой возможной путаницы, столь хорошо установлены, что всегда найдутся люди, которые поймут важность размышления непосредственно о сосуде и содержимом, и о других проявлениях, включая процесс личинка-куколка-бабочка.

Средство и цель – не одно и то же. Занятия, курсы, технические приемы существуют для определения, восприятия и извлечения пользы из знания 'средства' и 'цели'.

Вспомните высказывание Омара Хайяма: Храмы и Кааба в Мекке – дома поклонения / удар колокола – звук богослужения / пояс и церковь, и четки и крест / все это – знаки поклонения.

Превращение инструмента в тотем особенно заметно, как тенденция когда люди хотят вывести общие теории, законы и правила из ситуаций, которые требуют большей гибкости, чем только одна или две возможности.

Озабоченность и кампания

В: Если что-то ощущается очень сильно, разве не правильно передать это другим, 'озаботить' их, и сформировать группы людей со сходными интересами?

О: Это может быть и правильно, и неправильно, и всецело зависит от того, о чем идет речь, и кто эти вовлекаемые люди. Я бы подумал о существе вопроса. Вам лишь следует посмотреть вокруг, и вы увидите замешательство и несчастье, вызываемые людьми, потворствующими себе в стремлении беспокоить других людей и делать их обеспокоенными – и, следовательно, неэффективными – когда вовлечение и пропаганда не заменяют знание и действие. Тем не менее, одно из больших преимуществ столь широкого распространения такого поведения 'мокрой курицы' состоит в том, что оно обеспечивает почти ежедневную иллюстрацию собственного уродства и зачастую разрушительной роли, давая нам возможность избегать его, когда оно так проявляется.

Достаточно интересно, что не всегда считалось, что агитация и вербовка являются решением проблем, или даже что нет пользы вынашивать проблемы, если ими не делиться.

Мы можем также поразмышлять над отрывком *Anwar-i-Suhaili* («Лучи – Канопуса»):

Соловей, если ты не выносишь шипов,
Лучше никогда не говори о розе.

Более того, думаю, что существует как принуждение поверить в правильность чего-то и убедить в этом других, так и необходимость понять, а правильно ли это. Второе-то как раз является важным, но первое – это возможно то, с чем более знакомо большинство людей.

'Озабоченные' люди, возможно, правы, но возможно, они лишь удовлетворяют свои желания. Может быть и допустимо приучать других людей разделять эти желания: но, я думаю, только тогда, когда они осознаются как желания и не выдаются за необходимость. В последнем случае, если желания на самом деле не являются истинными, имеет место как обман, так и самообман. Хорошо ли это?

СОЛОМЕННОЕ ЧУЧЕЛО

Саади в *The Bostan* рассказывает о «благоразумном юноше из приличной страны, который примкнул к общине людей в Дарбанде».

Он был человеком «превосходным, умным и проницательным», и люди приняли его хорошо.

Однажды религиозный руководитель сказал ему: «Пойди, очисти мечеть от сора!»

Юноша вышел и исчез. Увидев его на следующий день, люди обвинили его в эгоизме и неуважении к служению за невыполнение уборки:

«Разве ты не знаешь, о эгоистичное дитя, что человек достигает цели через служение?»

Эти люди полагали, что он видел то, что видели они – пыль в мечети. Но он не был таким поверхностным, как они:

«Он заплакал, -пылая искренностью: "Я не заметил пыли или грязи в этом здании... И я убрался, чтобы очистить мечеть от соломы"».

Этот человек считал себя загрязняющим мечеть, тогда как другие думали только о кампании по борьбе за чистоту и заботились о поверхностных вещах: даже когда в мечети не было пыли, они по-прежнему хотели, чтобы в ней была произведена уборка. Саади продолжает:

Путь дервиша только такой:
Личность свою смирить.
Ради возвышения избери смирение!
Ибо на эту крышу лестницы нет иной.

Последняя строка содержит игру слов, и она может быть прочитана на персидском так: «На то небо не взойти по-другому».

Увы, люди не очень изменились со времен Саади. Вот предложение из письма, присланного мне известным человеком, прославившимся своей духовностью: «Я был гордым и тщеславным. С тех пор как я начал заниматься восточными учениями, я стал таким смиренным, что вы вряд ли поверите этому».

Применение, неправильное применение и неприменимость форм обучения

В: Как вы объясните многочисленность форм, в которых люди пытаются обучать? Поскольку люди верят в эти формы, верят, что они верно передают действительность, **им** дана возможность постичь через них истину. Но действительно ли, как утверждают представители этих организаций, некоторые формы истинны, а некоторые нет? Если некоторые формы, в которых проводится обучение, истинны, не означает ли это, что все другие ошибочны?

О: Я, вероятно, ответил на этот вопрос – или, вернее, на вопросы из этой серии – несколько сотен раз, и устно и письменно, включая то, что написал и процитировал в книгах.

То, что такие вопросы все еще задаются, представляет собой замечательную демонстрацию того, что представляют из себя спрашивающие: по крайней мере, некоторые будут задавать вопросы даже несмотря на то, что им ответили в доступной форме десятки раз.

Но это может означать, что необходимо снова и снова отвечать на эти вопросы, пока ответы не дойдут.

Ответы, повторяю, таковы:

1. Истина не имеет формы.

2. Средства, с помощью которых люди могут воспринять

Истину, имеют формы.

3. Все формы ограничены. Некоторыми из ограничений являются время, место, культура, язык.

4. Различные формы, по вышеизложенным причинам, не обязательно антагонистичны.

5. С веками формы менялись в соответствии с внешним миром, которому они все принадлежат.

6. Когда люди верят, что форма важнее Истины, они не найдут истину, но останутся с формой.

7. Формы – это средства и инструменты, а средства и инструменты вне контекста нельзя назвать плохими или хорошими.

8. Формы изживают свою полезность, проходя через ее рост или деградацию.

9. Эти утверждения можно в изобилии встретить в писаниях суфийских учителей. Они были записаны для того, чтобы их читали и запоминали. Редко где-либо еще они так энергично утверждаются и так усиленно поддерживаются, что, возможно, объясняется тем фактом, что им не уделяют достаточно внимания люди, не изучившие суфийские материалы так, как они того заслуживают.

Внешние формы вещей мира, о которых так часто говорят суфии, включают формы обучения, которые должны быть поняты как в выполнении их инструментальной функции, так и в их внутреннем значении.

Насир-и-Хусро верно сказал:

> У вашего ловца [жемчуга] в руках лишь ил соленый -
> Ибо от вас он видит только зависть.
> От Внешнего идя, как человек, ищите смысл:
> Не будьте, как осел, довольный шумом.

КОТ С УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СТЕПЕНЬЮ

В феврале 1975, на выборах Президента Студенческого Общества в Саррейском Университете кандидатом был выставлен превосходный рыжий кот по кличке Орландо. То, что он был добросовестным студентом, было очевидно из наличия у него степени бакалавра. Без всякого сомнения он дойдет до степеней высоких. В давние времена такая история вполне могла быть придумана суфием, как комментарий на тему обучения и эпохи...

Потенциальная возможность и функция

В: Какова ценность духовных упражнений?

О: Вот история для вас:

ИГРА В ШАХМАТЫ

Одного крестьянина учили игре в шахматы. Он был в некотором замешательстве, поскольку фигуру, известную как ладья, называли то башней, то ладьей, то турой и т. п.

В конце концов он разобрался с именами, и игра началась.

Всего через несколько ходов его учитель взял одну из его ладей. В ярости подняв ее, крестьянин швырнул ее под ноги, сказав: «У тебя столько имен и такой выбор ходов, но в сражении, как видно, ты ни на что не годишься!»

Какова ценность чего-либо?

Ценность духовных упражнений – быть ценными для того, для кого они могут быть ценными. Хорошо бы, чтобы интерес человека обеспечивал правильную основу для упражнения, а не поиск упражнения самого по себе. Есть упражнение и есть потребность. Каково же положение индивидуума?

Саади в *Rose Garden* говорит:

Убежище впереди, тать позади,

Если идешь – достигнешь, если спишь – погибнешь.

Если вы выполняете духовные упражнения, в то время как еще не способны отличать их от эмоциональной активности, вы лишь усилите вашу эмоциональную жизнь. Вот почему в подлинных школах их всегда предписывают, в отличие от круговой системы в имитационных культах, где каждого заставляют делать их.

Возможно, один из наилучших способов запомнить вышесказанное – провести аналогию с историей о толстяке, поедавшим непомерное количество пищи. Кто-то сказал ему: «Разве вы не на диете?» Тот ответил: «Да, но мою сегодняшнюю диету я уже съел, а это мой обед».

Обусловленность может быть столь всеобъемлющей, что вступает во владение системами, которые изначально были гибкими и специфическими, обобщая их до полной неузнаваемости, хотя не лишая их, к сожалению, популярности.

Это породило довольно грустную шутку, которая, тем не менее, имеет определенные угрожающие черты:

ЗНАЕТЕ КТО Я?

Бродячий дервиш сел на обочине вблизи взъерошенного субъекта, который проговорил:

«Я не могу молиться, я не в силах понять суфийских классиков, мне не нравятся эзотерические упражнения...»

«Так бросьте все это», – посоветовал дервиш.

«Но как я могу? Я же известный в этих краях 'суфийский учитель'...»

Обусловленность и образование

В: Вы, кажется, говорите, что многие обычные институты воспитывают людей способом, который называется 'прополаскивание мозгов' или обусловливание. Но если психологи открыли, что человек воспитывается таким образом, то что можно поделать с этим и что в этом неправильного?

О: Нет сомнения, что люди обусловлены и что те мнения и верования, которые они называют своими, зачастую не их собственные, а насаждены другими людьми или институтами. Суфий Аль-Газали, среди прочих, указал на это почти тысячу лет назад.

Но предполагать, что все воспитание, образование и развитие человека должно осуществляться такими методами так же необязательно, как и воображать, скажем, что, раз помидор может быть выращен ускоренно-принудительно, то нет другого способа его вырастить.

Обусловливание необходимо, но оно будет работать только для определенных целей.

Другие цели требуют других подходов.

В *Anwar-i-Suhaili* сказано:

Мир – это холм, наши действия – крик;
К нам возвращается эхо от крика,
Хоть и длинна тень от стены,
Все же к стене возвращается тень.

Суфийское учение приходит, так сказать, через питание, в том смысле как ответил Тустари на вопрос «Что такое пища?» Он сказал: «'Пища' – это созерцание Живущего».

По мнению Ибн Араби и других сообщество самореализованных – 'органическое', если не учитывать то, что эта организация значительно более тонкая и эффективная, чем та, что вызвала у нас данную аналогию.

Вторичное 'я' препятствует учебе, оно останется обусловленным пока не будет 'очищено' – другой технический термин, уподобляющий его зеркалу, на котором пыль. Это подчеркивается классическими и современными представителями суфизма, а также Ибн Араби (в его *Fusus).*

Поиск честного человека

ВСЕГДА приходит время, когда материалы-инструкции, которые изначально применялись, чтобы направить внимание определенных людей на определенные цели, принимаются в качестве ‘Евангелия' или упрощаются до потери полезности и толкуются поверхностно.

Возможным примером последнего является распространенная идея о смысле Диогеновского поиска, с горящей лампой среди бела дня, честного человека.

Люди думают, что он делал так, чтобы показать, как редки честные люди. На самом деле, эта процедура может рассматриваться как очевидный пример привлечения внимания к проблеме в целом: не только к тому, что честные люди редки, но и к вопросу, можно ли их найти, как и где. Двусмысленность толкования появляется только тогда, когда ученик не придает равного значения обоим толкованиям.

Диоген, умерший в 323 году до н. э., известен как основатель школы Киников. Их целью было учить, что привязанность 'вещам этого мира' является рабством. Сегодня, по иронии, киники (циники) привязаны к цинизму, являются его рабами.

С другой стороны, честность, как архетип, должна иметь образец вне фактической нечестности человечества. Саади дает такую молитву:

Поступай со мной так, как достойно Тебя,
А не так, как достойно меня.

Действие учений весьма отличается от их описания. Следовательно, учения всегда должны оставаться свежими и гибкими, и нам не нужно общаться на языке той 'тайной травы', которую я упоминал в Женеве[1].

Честность, конечно, нелегка: так как без затруднений настоящая честность практикуется тогда, когда она – проявление внутренней реальности, а не обязанность или затруднение. Но для иллюстрации деятельности честного человека определенные принципы могут быть использованы.

РАССКАЗ О ХАТИМЕ

Когда Хатим аль-Асамм из Балха (сейчас в Афганистане) пришел в Багдад, люди окружили его, говоря:

«Ты не араб и говоришь запинаясь, но заставляешь умолкнуть любого».

Он ответил: «Три правила позволяют мне превзойти моего оппонента. Я счастлив, когда он прав, печалюсь, когда он неправ, и я стараюсь не вести себя глупо по отношению к нему».

Ибн Ханбал спросил Хатима, как сохранить человечность в этом мире. Тот сказал:

«Вот четыре правила. Прими невежество других и избавь их от своего, удели им из того, что имеешь, и не жди ничего от них».

Как знает каждый, поза честности – не то же самое, что сама честность. Но многие ли люди могут сказать, честны они или ведут себя так, как будто они честны?

Для того, чтобы выразить этот важный вопрос, был придуман один рассказ. Для иллюстрации, он был вложен в уста двух помешанных, что, в действительности, не должно заставить нас думать, что подобное не может случиться с нами, удивительно нормальными людьми:

Первый (помешанный религиозный фанатик): «Господь говорил со мной!»

Второй (такой же): «Я этого не делал!»

[1] *The Elefant in The Dark* (Geneva University Lectures), London; Octagon, 1974, p. 69, содержит эту историю.

Как может быть один метод так же хорош, как и другой?

В: Меня заинтересовали ваши слова о том, что один и тот же человек или группа людей может применять совершенно различные техники для достижения одной и той же цели. Но как может один метод быть так же хорош, как и другой?

О: Если дом в огне, то к одному окну могут быть приставлены две лестницы. Обе ведут на землю. То, что они разного цвета, может затемнить тот факт, что они – лестницы.

В: Но как мы узнаем, что *это* лестницы?

О: Вы узнаете, научившись распознавать лестницу, когда вы ее видите.

В: Как это сделать?

О; Знакомясь с лестницами.

В: И взбираясь по ним?

О: В то время, как вы учитесь распознавать» вы взбираетесь по ним, что есть часть учебы.

В: Но некоторые люди настаивают на том, что есть только одна лестница – их собственная.

О: Они правы, если говорят так только для того, чтобы сфокусировать внимание на спасительной лестнице, как на средстве. Если это работает, то это эквивалентно тому, что она единственная правильная. Для практических целей это так.

В: Правы ли они в каких-то других случаях?

О: Редко, потому, что, если бы они действительно были правы, они учили бы не тому, что «Есть только эта лестница», а «Посмотрите на все эти лестницы; они могут – или могли – действовать. Наша, однако, подходит для вас и для меня». Неумение сделать это выдает невежество.

Замечание: Но у них мало времени.

Комментарий: Так же, как и у всех.

В: Не слишком ли коротки некоторые лестницы?

О: Лестницы бывают всякие: новые, старые, прогнившие, короткие, длинные, синие, зеленые, непрочные, крепкие, используемые где-то в других местах, а также все остальные возможные варианты.

В: Что со всем этим следует делать?

О: Постарайтесь осознать, что дом в огне. Если вы можете сделать это, не становясь одержимым или неразумным от этого, в особенности, не становясь внушаемым из-за сосредоточенности на этой идее, вы можете выбраться. Но пока вы полны надежды или страха, сентиментальности или желания социальной активности, личной известности или даже признания, вы не будете способны использовать лестницу, вы, возможно, не сумеете узнать ее, и, конечно, вам придется растрачивать свои силы в многочисленных кругах, которые присутствуют здесь для поощрения указанных тенденций.

Люди учатся методами, соответствующими качеству и цели их стремления: это неизменный суфийский постулат.

В *Anwar-i-Suhaili* сказано:

Никто не сыщет наверх пути
Пока ему стремления ступени не найти.
Никто дождя не пьет из кудука –
Ищи помост, чтобы к Луне взойти.

Равным образом, есть, конечно, много людей, которые не могут учиться чему-то в данное время, поскольку имеют какие-то другие ожидания, какую-то озабоченность, возможно эмоционального характера. Поразмышляйте над следующим сообщением:

«В субботу вечером более 3000 прихожан почти в панике выбежали из знаменитой церкви Четок Девы Марии в Помпеях при взрыве бутылки кока-колы»[1]

---

[1] Daily Telegraph (London) Monday, 9 May 1977, p. 6, col.8.

6
Двадцать три пункта для изучения

Двадцать три пункта для изучения

В: Нельзя ли дать какие-либо афоризмы или утверждения, которые я мог бы записать и изучать, что помогло бы продвижению по суфийскому пути?

О: Если вы не жизнеспособны в обычном мире, вы не станете таковым нигде. Если вы плохо умеете контактировать с людьми, мы не можем предложить вам взамен сообщество, где '*мы* понимаем друг друга'. Это относится к игре-в-жизнь и, конечно, некоторые люди называют ее реальной жизнью.

* * *

Если вы привыкли, что в повседневном мире вас поддерживают и подталкивают социальные, психологические и другие давления, то в некотором смысле вы реально вообще не существуете. Те люди, которые падают духом и раскисают в часто не оказывающей давление дервишеской среде, становятся утомительными для других или стараются привлечь или добиться внимания: они распадутся на части, и никто не сможет им помочь.

* * *

Старайтесь помнить, а если не можете помнить, попытайтесь хорошо ознакомиться со следующей мыслью.

Многие люди, которые воображают, что они с нами, потому что физически присутствуют, или потому, что согласно обычным критериям (чувство преданности, проникнутости идеями) якобы присутствуют, многие из этих людей, в действительности, вовсе не здесь. Если вы один из них, мы ничего не можем для вас сделать. Если вы подобны обычному человеку, то есть, если у вас есть склонность 'быть здесь' только для ограниченного и примитивного развлечения, но это только склонность, а не способ жизни, тогда мы, может быть, сможем достичь некоторого успеха.

* * *

Помните, что человек настолько стандартизован, что внешнему наблюдателю, замечающему его реакции на различные стимулы, нет нужды предполагать наличие у каждого человека индивидуального управляющего ума. Вероятнее, что он сделает вывод о существовании отдельного внешнего ума, а о людях, как о простых выразителях его воли.

* * *

Зафиксируйте следующее:

Фактически, все известные вам организации в большой степени работают на вашей жадности. Они притягивают вас, поскольку то, что они говорят или делают, взывает к вашей жадности. Это скрыто только их фасадом. Если вы перестанете слушать их слова и посмотрите на результат, вы вскоре увидите это.

* * *

Помните, что жадность включает в себя жадность не быть жадным. Так, если кто-либо говорит: «Не будь жадным, будь щедрым», вы, возможно, внутренне истолкуете это таким образом, что будете развивать жадность к щедрости. Тем не менее, это остается жадностью.

* * *

Есть вещи, которые нужно делать для себя. Сюда входит ознакомление с данными вам учебными материалами. Реально вы можете делать это – и таким образом приобрести реальные качества – только если прекратите на время потакать желанию немедленного удовлетворения.

* * *

Все члены современных обществ, за немногим исключением, нуждаются в переходе от примитивной морали к более высокой. Примитивная мораль – это та, которая говорит вам, словно ребенку, что честность сделает вас счастливым, принесет удачу, приведет вас к более высоким вещам. Честность, сейчас вас можно проинформировать, существенна как инструмент, а не как почитаемый, редко-достижимый эмоционально-отягощенный идеал.

* * *

У суфиев есть их собственные методы отталкивания неподходящих людей. Вы, возможно, знаете только один или два способа. Обратите внимание на приемы, которые, например, заставляя людей делать вывод об их никчемности, отталкивают их.

* * *

То, что вы можете счесть притягательным, или что даже распространяется нами, чтобы быть притягательным для вас, возможно вовсе и не предназначено для этого. То, что притягивает вас или других к нам, может быть тем, что составлено нами как инструмент, который дает возможность считать вас (или других) неподходящими.

* * *

Можно давать или отказывать способом, гораздо более действенным, утонченным, полезным, который совершенно незаметен для людей, думающих, что давание или отказ делается посредством внешней оценки. Если вы ищете какой-либо знак одобрения или 'продвижения', знайте, что вы не готовы для этого. Прогресс приходит через способность учиться, и он неостановим. Никто не может стать между вами и знанием, если вы достойны его.

* * *

Кто угодно или что угодно может стать между вами и знанием, если вы недостойны его.

* * *

Вы можете научиться большему за полчаса прямого контакта с источником знания (не имеет значения видимая причина контакта или предметная сторона дела), чем за годы формальных усилий.

* * *

Вы можете учиться и снабжать себя скрытым знанием, развитие которого происходит на более поздней стадии. Только те, кто настаивает на немедленном внимании к себе, хотят чего-то еще.

* * *

Роль учителя в том, чтобы пробуждать способности в ученике, обеспечивать тем, что имеется тогда, когда это будет полезно, направлять его к развитию, а не в том, чтобы поражать, создавать впечатление добродетели, силы, важности, общей информированности, знания или чего-то еще.

* * *

Систематические занятия или режим ценны тогда, когда они полезны. Когда это не так, они могут быть отравляющими.

* * *

Те, кто ищет последовательность как главный фактор в людях или в учебных материалах, ищут систему на стадии, на которой она не обозначена. Так делают дети и дикари, когда они требуют информацию, которая объяснит или сделает возможным все. Последовательность же, предлагается теми людьми, чье дело – предлагать комфорт и утешение как цель.

* * *

Если вы ищете озарения или понимания, тогда как то, в чем вы действительно нуждаетесь, это информация или отдых от внешних давлений, вы ничего этого не получите. Если вы знаете, чего хотите, вам следует пойти и получить это.

* * *

Если вы привносите привычку судить о вещах в те области, где она неприменима, вы будете судить способом, который не соответствует вашим потребностям.

* * *

Вы не можете работать на более высоком уровне, применяя целиком понятия, язык и опыт более низкого уровня. Работа на более высоком уровне заключается в сочетании поведения и отношений.

* * *

Высшая степень нелепости, лишающая вас способности к реальному учению за пределами достигнутой вами стадии, это воображать, что одно является другим. Если вы думаете, что книга – это бутерброд, вы можете пытаться есть ее и не будете способны учиться тому, чему книга может научить. Если вы к тому же воображаете, что 'открыты', или 'работаете', или страстно стремитесь учиться в то время, как лишь играете в социальную игру, вы ничему не научитесь. К тому же люди, которые отказываются играть в эту игру с вами, непременно, рано или поздно, будут вас раздражать.

* * *

Объединения людей могут принимать две формы: образования, основанные для того, чтобы выражать или реализовывать стремления своих членов; и другие, которые существуют для того, чтобы приобретать то или снабжать тем, что необходимо. Желания и потребности не одно и то же. Различие в информации. Если люди знают, что им нужно, им не приходится путать желания с потребностями.

* * *

Если вы еще не знаете различия между мнением и фактом, вы можете изучать его по ежедневным и еженедельным газетам.

7

Всеобъемлющая учеба

Учение и не-учение

В: Многие люди столько читают, и все же это их не меняет, в чем дело? Можно ли не впитывать суфийскую информацию через написанное слово?

О: Чтобы учиться чему-то, вам, вероятно, надо многократно к нему обращаться, возможно, просматривать под разными углами зрения, и надо также уделить ему определенного рода внимание, что даст вам возможность учиться.

По нашему опыту, люди терпят неудачу в учении по суфийским материалам по той же причине, что и в учении другим вещам – они читают избирательно.

То, что затрагивает их эмоционально или нравится им, или бросает в дрожь, они будут помнить или искать в большем количестве и более сильного воздействия.

Поскольку такие вещи часто являются последним из того, в чем люди, может быть, нуждаются, и поскольку такое несбалансированное отношение к любой вещи делает человека нуждающимся в уравновешивании его подхода, мы имеем ту ситуацию, которую вы описываете.

Мы можем сразу же признать невероятным то, что культуры, которые стремятся выдвигать на первый план необработанные вещи, вещи, которые мгновенно привлекают, и проектировать их в притягательных формах, поддерживать и подкреплять их, дадут в целом людей со склонностями к чему-то иному, нежели к еще большему количеству таких же вещей. Более того, это поведение просто увековечит такой тип личности и позиции, что создали его в самом начале.

Если у вас есть шоколадный торт, украшенный шестнадцатью вишенками, и вы сразу поедаете вишни, потому что они вам нравятся, и затем хотите знать, почему вы не съели торт – что это даст вам? И если я расскажу, понравлюсь ли я вам?

Вот тот барьер, который надо преодолеть. Через него проходят, наблюдая его в действии, решая преодолеть его и предпринимая действия, чтобы всесторонне изучить его, а не притворяться учеником и потом удивляться, почему не научился.

ВИДЕТЬ В ГЛУБИНЕ ГОРЫ РУДУ

Чтение не меняет людей, пока они не готовы измениться. Руми сказал: «Вы видели гору, вы не видели в глубине горы руду».

Просто наличие полезной книги, даже одной из величайших книг, не означает, что можно или, возможно, следует пытаться в любой данный момент времени учиться по ней правильно. Суфий Садреддин сказал в своем *Testament:* «Отныне не позволяйте каждому пытаться учиться на писаниях шейха Ибн Араби или моих, ибо эти ворота закрыты для большей части человечества».[1].

Так потому, что учителя, возможно, не нуждаются в содержимом книг, но могут использовать их для учеников, в то время как ученики, возможно, не знают, что вряд ли извлекут пользу, изучая книги произвольно, как обычно они это делают.

Даже самотитулованные 'специалисты', среди них есть и филологи, не переводят правильно различные уровни и подтексты суфийских материалов. В. действительности, есть признаки, что многие из них вообще не видят дополнительных измерений и альтернативных прочтений классической литературы. Некоторые даже признают, что не способны это сделать.[2] Отчасти характерно, что они почему-то не прекращают переводить или не обогащают свое восприятие этих материалов.

Суфийское употребление работ Хафиза совершенно иное, чем у обычных переводчиков или читателей.[3] Я уже отмечал в другом месте[4], что, едва ли найдется правильное толкование самого первого куплета основной классической суфийской работы Руми *The Masnavi,* хотя его много раз переводили и тысячи раз цитировали.

Мы могли бы дать сотни примеров. Действительно, давайте просто откроем *Gulistan* (Розовый сад) Саади, возьмем один отрывок и посмотрим, что получится. Вот отрывок, как он звучит на персидском:

Kasani ki yazdan-parasti kunand
Bi-awazi dulab masti kunand.

Один английский перевод дает, достаточно дословно, следующее:

---

[1] Katib Chelebi, *The Balance of Truth*, tr. G.L.Lewis, London Allen & Unwin 1957.

[2] Cf. L. Rushbrook Willians Sufi Studios East & West? London Octagon and New York; E. P. Dutton Inc., 1973 and 1974.

[3] См. *Окрасьте винам ваш молитвенный коврик* в этой книге.

[4] В моих The Sufis, London and New York:Doubleday & Co/ Inc., and Octagon.

Those who are God-worshippers
Become drunken (even) at the sound of a water-wheel.

(Те, кто поклоняется Богу,
Опьяняются (даже) от звука водяного колеса.)

Так вот, слово *dulab* (водяное колесо) означает также, метафорически, на персидском 'обман'. Следовательно, Саади говорит:

1. Люди, поклоняющиеся божественному *(yazdan),* приходят в состояние опьянения даже при звуке водяного колеса. В таком контексте это может означать либо то, что они могут быть столь обусловленными [конечно, в случае поверхностных людей], что любая вещь ввергнет их в то, что они считают религиозным состоянием, либо еще то, что любая вещь могла бы напомнить [правильно настроенным мистикам] о Божественном.

2. Любой человек, принадлежащий к упомянутым выше типам, может быть введен в соответствующее состояние (воображаемое или реальное) обманом.

Итак, вместо не вызывающего возражений, но фрагментарного перевода «Все, что угодно, ввергнет верующего в экстаз», мы находим целый смысловой спектр, открывающийся по мере того, как мы рассматриваем слова в их альтернативных значениях, он включает:

1. Фиксация на Божественном может привести к опьянению им посредством звука, производимого неживым объектом, не предназначенным вызывать такой эффект.

2. Люди, сосредоточенные на Божественном, могут вновь возвращаться к опьянению [которое может быть, а может и не быть, неподдельным мистическим переживанием] при помощи ритмического звука.

3. Истинные мистические переживания в преданном могут быть вызваны ритмическими методами.

4. Переживания, о которых предполагают, что они мистические, могут быть обманом вызваны в людях, занимающихся [искренне или нет] служением богу.

Персидская поэзия изобилует многозначностями такого рода. Суфию надо быть в состоянии удерживать в уме все взаимоисключающие возможности осмысления, чтобы видеть весь диапазон возможных значений человеческого опыта, который обычные люди втискивают в гораздо меньший диапазон понимания.

Некоторые характерные черты суфийской литературы

В: В вашей книге *Суфии*[1] мы находим некоторый пояснительный материал по суфийской литературе. Не могли бы вы сказать что-нибудь еще по этому предмету, чтобы помочь в его изучении?

О; Ничто так не выдает поверхностного или неинформированного ученика, когда он приступает к изучению и представлению текстов, имевших хождение ранее, как его способ использования литературы.

Для полной определенности, мы должны указать, что те, кто является прежде всего литератором и академическим ученым, изучают и оценивают литературу способом, соответствующим только внешней оболочке суфийской литературы.

Люди неохотно допускают такую возможность отчасти потому, что многое из суфийской литературы является частью классического литературного наследия: они считают, что она должна быть доступна для изучения только из-за своих источников, разнообразия, изящности, лексики и т. д.

Говорить, что весь этот великолепный материал содержит что-то, не воспринимаемое его самыми рьяными самозваными приверженцами, – значит вызывать их оскорбительное осуждение. Но поскольку это так, мы обязаны сказать об этом. Нравится им это или нет, суфийская литература была написана не для закоренелых педантов, востоковедов, и часто даже не для нынешнего поколения. Есть оболочка, которая видна всем. Зерно может быть собрано теми, кто знает, во-первых, что является шелухой, а также – как добыть зерно.

С точки зрения 'инструментального' использования литературы, деятельность по заучиванию отрывков, отбор привлекающих частей, сравнение изданий и рукописей, поиск эмоциональных или интеллектуальных стимулов – все это область, отличная от внутренней функциональной области, представленной в этой литературе.

Никто не отрицает, что такие мастера, как Руми, открыто говорили об этом. Но на это не обращают никакого внимания – и продолжают изучать Руми. Результат таков: они поглощают обучающий материал вместе с нейтрализующим противоядием, или защитным материалом, которым он окутан. Единственный эффект – культурный, в антропологическом смысле слова.

С суфийской точки зрения, такие люди, конечно, имеют полное право на свой уровень понимания. Серьезность ситуации становится очевидной, когда они учат других людей, способных на большее понимание, обращаться с этими материалами таким же относительно поверхностным способом, как делают это они сами.

И вот тут-то мы вынуждены кое-что сказать и многое сделать.

Мы обнаруживаем, что сфера бытия таким образом подготовленных людей бедна, а восприятия (в суфийском смысле) – карликовые. Иногда они оказываются под влиянием определенных стимулов и развивают то, что является тревожными тенденциями доктринерской или академической природы.

Вот несколько особенностей суфийской литературы:

1. Некоторые книги, некоторые отрывки предназначены для чтения в определенном порядке.
2. Некоторые книги и отрывки следует читать при особых внешних условиях.
3. Некоторые следует читать вслух, некоторые молча, некоторые в одиночестве, некоторые в группе.
4. Некоторые являются лишь средствами для иллюстраций или передачи другого содержания, обычно рассматриваемого как чуждое или вторичное по отношению к тексту.
5. Некоторые имеют ограниченное использование или временное назначение, будучи адресованными сообществам в определенных местах, на определенных стадиях развития или на ограниченное время.
6. Некоторые формы имеют скрытые значения, которые дают согласованные, но уводящие в сторону смыслы, защитные средства, чтобы отваживать тех, кто может напортить.
7. Некоторые нашпигованы материалами, умышленно составленными для того, чтобы ввести в заблуждение или увести в сторону, для их же собственной безопасности, тех, кто не обучен правильно.
8. Некоторые книги содержат совершенно иной потенциал, и они являются передаточным механизмом, использующим средства, отличные от содержащихся в них писаний. Исходно, они составлялись вообще не для чтения.
9. Суфийская литература – это часть тщательно разработанного плана. Ее неправильное использование не ведет к чему-то, имеющему постоянную ценность.

---

[1] Idries Shah, The Sufis? London 1964.

Суфийские доктрины, а временами и ключи к ним, иногда вставлены в совершенно другой материал, вообще не распознаваемый непосвященными как суфийский. Многие из этих доктрин в действительности являются темами для медитаций. У них глубокая функция, почти неизвестная скучным формалистам, фанатикам, имитаторам или оккультистам.

Многие люди знакомятся с классикой или любой суфийской литературой, которую могут достать, думая, что извлекут из этого пользу. Многие, опять-таки, думают, что уже извлекли пользу. Но поскольку, такие люди не могут постичь повторяемость или образец, на котором основан план учебы, они не извлекают питательного и развивающего содержимого из этих материалов.

Даже просто знакомство с суфийскими материалами, с целью будущего развития, должно в некоторый момент происходить в соответствии со Школьным образцом, который сам основан на 'великом замысле', раскрывающем богатства этой необычайной сокровищницы.

Никакая форма отбора, никакой способ изучения от А до Я, никакое просто погружение в 'суфийское мышление', никакое участие в суфийских упражнениях или ритуалах, если те проводятся произвольно (а под этим мы понимаем отсутствие руководства со стороны тех, кто знает образец) – ничто из этого не может открыть доступ к глубокому суфийскому содержанию.

Люди могут думать, что получили нечто. Но это характеризует последователей каждой и любой школы, системы, религии и т. д. То, что они получили, гораздо более поверхностно, чем они воображают.

В этом, в частности, причина для того, чтобы специальная и специализированная школа руководила введением суфийских материалов.

Суфийские материалы, по необходимости, разработаны так, чтобы восприниматься в истинном значении людьми, которые находятся на такой стадии или в таком состоянии, чтобы извлечь из них пользу. Если же люди не находятся на определенной стадии или в определенном состоянии, они принимают поверхностные, эмоциональные или вводящие в заблуждение 'значения' из суфийских материалов.

Эта тенденция прослеживается в поведении животных и людей, находящихся на разных стадиях понимания и в различных состояниях ума. Вы можете ежедневно находить такие примеры, показывающие неспособность правильно использовать ум в равнозначных ситуациях обычной жизни. Многие суфийские шутки воспроизводят такие ситуации, но и газеты полны ими. Подумайте вот над чем:

ПАМЯТНИК, ПОДЛЕЖАЩИЙ ОХРАНЕ

«Члены городского совета Райда, остров Уайт, прошлым вечером разразились хохотом при сообщении Уайтхолла [правительственного департамента] о том, что морской пирс официально внесен в список памятников, представляющих исторический или архитектурный интерес. Этот пирс был разрушен в 1952 г»[1].

Отсутствие точной информации и лежащая в основе этого неспособность отыскать ее, вместе с предположением, что вещи таковы, как воображает кто-то, составивший этот список, обеспечили охрану несуществующему пирсу. Еще в большей степени, чем со зданиями, тот же тип мышления активизируется, когда многие люди имеют дело с идеями, литературой и людьми. Механизм мышления подобного рода применяется к любой другой вещи точно таким же образом.

Не нужно даже быть человеком, чтобы делать предположения относительно чего-то, что в результате бесполезно и вредно для вас. Взгляните на следующее сообщение:

ОБЕЗЬЯНА И ГОЛОВА

«Одного человека в Куала Лумпуре, Малайзия, пришлось госпитализировать из-за растяжения связок шеи, полученного им, когда обезьяна, наученная срывать кокосы с высоких деревьев, прыгнула к нему на плечи и принялась откручивать ему голову»[2].

Без сомнения, эта обезьяна, если ее подучить, включила бы несуществующее сооружение в список как 'представляющее интерес'.

В процессе передачи надо принимать в расчет того, кому нужно что-то передать. Обдумайте это и сравните с ситуацией, когда кто-то покупает книгу и читает ее в соответствии со своими собственными понятиями о том, что пытаются сообщить:

---

[1] *Daily Express* (London) 6 October 1971, p. 1.
[2] *Daily Express* (London) *29* November 1969, p, 1, cols. 5-6.

СОБАКА И ОБЕД

Швейцарская пара поведала газете Blick, что они взяли своего любимого пуделя в Гонконгский ресторан и показали официанту, что хотят его накормить, знаками изображая процесс еды. Пуделя увели. Когда официант вернулся с блюдом, накрытым серебряной крышкой, они обнаружили, в нем свою собаку, зажаренную и украшенную приправой из перцев и бамбуковых ростков[1].

Сообщают, что эта пара была травмирована и пережила эмоциональный шок. Многие суфийские учителя, как например Руми, отразивший в *Fihi Ma Fihi* и *Masnavi* обращение людей с духовными материалами, окружены почти такой же атмосферой травматизма.

[1] *The Times* (London) 21 August 1971, p. 1, col.8 (via/ Reuter).

Беспристрастность как точка зрения

В: Как достичь беспристрастности?

О: Беспристрастность большинства людей вовсе не является таковой, но лишь ширмой для пристрастной точки зрения.

Если у вас есть пристрастие к беспристрастности, вашей целью должен быть контроль этого пристрастия, а не борьба за беспристрастность, потому что вы никогда не достигнете беспристрастности через пристрастность.

Люди, верящие, что они беспристрастны, редко, однако, являются таковыми.

Найти беспристрастных людей обычно легко только тем, кто в них не нуждается.

Как сказано в *Anwar-i-Suhailli:* «Если бы практика была проверкой, мы могли бы распознавать лгунов по их лицам».

Как пример беспристрастности, вспомним поступок Бишра ал-Хафи, упоминаемый Газали в его *Book of Knowledge,* когда тот похоронил множество книг, сказав: «Я чувствую побуждение подробно излагать Традиции. Но не буду делать этого, пока желание не успокоится».

Недостаток опыта и информации является причиной отсутствия беспристрастности, но это не удерживает людей от веры в то, что, на самом деле, они объективны. Они верят в это, потому что у них есть сильное желание быть или казаться беспристрастными. Отсюда указание Бишра на препятствующую роль эмоций желания.

Мы можем проиллюстрировать, что делают люди, когда у них весьма мало информации и весьма много желания, бесспорно 'объективным' случаем, взятым из антропологических исследований Новой Гвинеи:

ПОКУПКА ПРЕЗИДЕНТА

В апреле 1966 г. некоторые островитяне отказались платить налоги, потому что они копили средства для покупки Президента Соединенных Штатов. Они уже отказались голосовать, поскольку в избирательных бюллетенях не было имени Президента[1].

Чтобы достичь беспристрастной точки зрения, вам надо быть способным смотреть на ситуации, отделяясь от их непосредственных 'сообщений', с тем, чтобы, в конце концов, вы могли видеть вещи 'со всех сторон'.

Если бы меня попросили проиллюстрировать это примером с Запада, я выбрал бы следующую историю:

ДВОЕ В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

Психиатрам, посетившим один сумасшедший дом, сопровождающий описывал два случая.

«В этом боксе, – сказал он, – находится человек, который сошел с ума, когда другой женился на девушке, которую он любил».

«А в следующем?» – спросил один посетитель.

«Там человек, который женился на той девушке».

---

[1] *The Times* (London) 14 April 1966, quoting Reuter, April 13.

Характерные черты и цели суфийской группы

В: Не могли бы вы назвать некоторые характерные черты и цели действующей суфийской группы?

О: *Внешний вид:* Может принимать любую форму, сообразную с культурой, в которой она работает, руководящий принцип в том, что определенным людям необходимо быть связанными в своего рода жизнеспособный организм.

Цель: Формировать и поддерживать, под соответствующим руководством, особые условия, в которых может действовать Учение.

Намерение: Предоставить возможность столь многим людям, сколь это возможно, в надлежащем порядке достичь того понимания, которое будет способствовать тому, что более высокие (так же, как и более низкие) воздействия Учения дадут максимальную развивающую помощь.

Программа: Поддерживать групповую работу как канал для все более тонких импульсов из Источника, и настраивать членов группы так, чтобы они могли воспринимать эти импульсы.

Характерные черты: Достаточно серьезные, но не догматичные люди; позиции, подобающие для того, чтобы передача действовала; подходящая ориентация для принятия и работы с материалами, данными или указанными Представителем Учения в данное время.

Modus Operandi: Встречи, чтение, 'прослушивание', представления, практики, теоретические и практические занятия, организация окружающей обстановки.

Вырождение: Становится явным по следующим признакам: принятие упрощений, сокращение активной деятельности, мессианское или панацеанское мышление, считающиеся священными иерархические образцы поведения, буквальное принятие аллегорий и наоборот, агиография, обеспечение социальными и психологическими стимулами и/или утешениями, предложение сферы для проявления личности, утоление желаний внимания, переориентация на занятия политических, организационных, религиозных, психологических, социальных, академических, семейных и других кругов.

Сопоставьте это с тем типом группы, которую составляют такой 'человек учения' и его окружение, о ком Аль-Заури говорит: «Будьте уверены, что он – самозванец и мошенник: потому что, если бы он сказал им правду, они возненавидели бы его».

Предварительные условия для ученика в суфизме

В: Не могли бы вы изложить мне предварительное условие, существенное для ученика в суфизме? Я думаю, что это понимают неправильно.

О: Существенным является то, что учащемуся не следует пытаться навязывать свои собственные условия обучения или критерии прогресса.

Что касается понимания, учащемуся не следует думать, что он может понимать просто потому, что он этого хочет.

ТЫСЯЧА ЛЮДЕЙ НАЗОВЕТ ВАС НЕВЕРУЮЩИМ

О том как понимают, великий Джунайд из Багдада сказал вот что:

«Никто не достигнет ступени Истины, пока тысяча искренних людей не объявит его неверующим».

Но искренность, о которой он здесь говорит, – это не настоящая искренность, не абсолютная объективность. Это искренность людей, воображающих себя искренними, потому что они верят определенным вещам, знают они их или нет.

Искренний поступок, отражающий настоящую искренность, определен Абу-Якубом аль-Суси (в *Taaruf* Калабадхи):

«Настоящий искренний поступок – это поступок, который известен не от ангела, учитывающего добрые дела и грехи, не от демона, для уязвления которого он совершен, и не от самого совершившего его, чтобы им гордиться».

Это означает, что людям нужно стать осведомленными об их сущности, о той реальной их части, которая говорит тогда, когда другие составляющие молчат.

НАСЕКОМОЕ

В *Fihi ma Fihi* Руми говорит о крошечном полевом насекомом, которое поначалу и не увидишь. Но как только оно издает звук, люди настораживаются и видят его. Подобным образом, люди потеряны в поле этого мира, в том, что их окружает и заботит. Сущность внутри человека скрыта всем этим беспокойством.

ОНИ ВСЕ ВЫГЛЯДЯТ ОДИНАКОВО

Управляющего китайского ресторана попросили в лондонском суде опознать человека, который подозревался в краже цыплят из китайского ресторана. Он сказал: «Для меня все белые люди выглядят одинаково»[1].

Увиденное не всегда постигается в его качествах, что возможно связано с конкретным восприятием, как в этом случае с китайцем и белым человеком. Китаец, в терминах Руми, 'потерян' в поле собственного мира. Внешность белого человека, как ожидалось в суде, была инструментом: то есть, опознание по внешнему виду привело бы к определенным фактам. Описание, хотя и необходимое, было вторичным.

Учащемуся также следует рассматривать такие вещи, как лекции, в качестве инструмента, а не как описание, помня о том, что, как сообщает Фарис, ответил Абу-Абдуллах Шиктхал на вопрос, почему он не читает лекции:

«Существование не реально, и будет неправильно говорить о том, что не реально. Словами нельзя описать Реальность, так зачем мне тогда говорить?»

Учащийся должен быть подготовлен для переживаний и вдохновений, которые не воздействуют на обычное сознание, где слова и эмоции выполняют свои функции.

Хотя 'этот мир' не реален, но поскольку то, что мы в нем воспринимаем, зависит от наших чувствовосприятий, которые могут быть ложными, приученными или измененными, и, следовательно, ни в коем виде не является абсолютом, инструментальная функция подразумевает, что его можно использовать для целей обучения. Вот почему 'предварительным условием', о котором вы спрашиваете, несомненно является то, что этот принцип должен быть запечатлен в вашем уме. Суфий Гариб-Наваз так излагает его:

«Каждая пылинка – это чаша, в которой можно увидеть весь мир»,

Одни вещи в этом мире способствуют пониманию, а другие приводят к большей вовлеченности в этот мир и последующему отсутствию восприятия и ложному пониманию.

---

[1] *Daily Telegraph* (London) 25 January 1969, p. 23.

ПРИТЧА О ДЕРЕВЕ

Шейх Абдул-Кадир из Гилана в его двадцать седьмом обращении *Futuh al-Ghaib* приглашает слушателей думать о добре и зле как о двух плодах с одного дерева. «Приблизьтесь к дереву и станьте его стражем и заботливым служителем, и овладейте знанием об этих двух ветвях и двух плодах и о тех, что их окружают, и оставайтесь у той ветви, что приносит сладкий плод, – и будет он тогда вашей пищей и источником силы, и остерегайтесь приближаться к другой ветви и есть плод с нее, коего горечь убьет вас... когда же эти плоды принесены вам, и вы не можете отличить сладкий от горького и начинаете есть их... вы можете положить в рот горький».

В ногу – это не в ногу

В; Не могли бы вы что-нибудь рассказать о техническом применении термина 'сумасшедший' у суфиев?

О: Есть персидская пословица: «Сумасшедшему достаточно крикнуть ХУ!» *(Diwana-ra HOOI bas ast.)* Повторение слога ХУ – часть суфийских ритуалов. В результате, эта пословица означает для интеллектуала, что вы просто выкрикиваете это слово, и уравновешенный ученик начинает валять дурака и, как подумает непосвященный, валять дурака ни с того ни с сего. Но суфий гордится быть 'сумасшедшим' в глазах несведущего, и поэтому сам использует фразу, чтобы указать, что на определенной стадии посвящения, одного слога, раз повторенного, достаточно для придания ему сил и приведения его в состояние, которого он желает.

Это сразу приводит нас к трудностям практики, которая непонятна для одной группы людей, однако полностью ОБЖИТА другой.

Книги, написанные суфиями, неполны; их надо читать в определенное время, возможно в сочетании с определенными движениями или определенными созвучиями, иначе их смысл лишь фрагментарен подобно многим другим вводным материалам, ценимым 'внешними' наблюдателями по их внешнему виду. Это похоже на то, как если бы человек облизал яблоко и объявил, что оно приятно для обоняния, но, по-видимому, лишено питательных свойств.

Некоторые люди, возможно, скажут, что они не будут искать просветления или духовных истин, если поиск будет включать требование валять дурака. Это подобно высказыванию, что вы поведете свою машину, при условии, что никому не будет позволено заливать в бак горючее. Некоторые говорят, что хотят чего-то, что они могут понять до того, как 'займутся этим'. Это можно уподобить высказыванию, что вы либо сами поведете поезд, либо не поедете на нем вовсе.

Именно это 'внешнее' отношение к вводным системам взращивает ложные культы, претендующие на то, что дадут вам 'тайны', которые вы можете понять. В действительности же, они не дают вам таких вещей вовсе.

Если вы чувствуете, что можете понять стихотворение, при условии, что вам дадут время или оставят в покое, чтобы впитать его, и не будете рассматривать его в противном случае, вы может быть отрезаете себя от стихотворения, которое, возможно, написано специально для чтения или декламации только при определенных обстоятельствах, которые сами могут включать отрицание тех условий, которые вы хотите навязать. Например – обычай, который вы создали или скопировали у кого-то. Недостаточно заявить, что эти правила священны. Они не священны, не могут быть священными – и не может оказаться, что они священны.

Известная фраза: *"C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre"* – типичный пример того, чего не должно быть, согласно суфийским убеждениям. Действительно, этого НЕ МОЖЕТ быть.

Есть интересная пословица, охватывающая применение технического термина 'сумасшедший' вместо 'суфий':

«Глупцу ничего не стоит уронить камень в колодец, но сотня ученых, возможно, не сможет достать его оттуда. Здесь может понадобиться суфий».

Эта пословица относится к затруднению, которое некоторые интеллектуалы (ученые) испытывают, имея дело с навязчивыми идеями или психологическими проблемами (глупец).

То, что кажется сумасшествием для некоторых, может быть здравомыслием для других: и, конечно, наоборот. В этой связи вспомните слова Шейха Абдуллаха Ансари из Герата:

И на подкову и на полированное зеркало для короля

Искусный ремесленник берет одно и то же железо.

«Тридцать тысяч американцев ежегодно умирают в результате приема лекарств, которые прописывают им врачи. Вдесятеро больше нуждается в госпитализации из-за вредного воздействия лекарств»[1].

То, что, возможно, хорошо для одних, конечно, не обязательно хорошо для других. Произвольное применение суфийских и других процедур, взятых из книг или переданных поверхностными имитаторами – это безумие, а не взвешенное и понятое применение действенных средств при правильно определенных обстоятельствах.

---

[1] *Daily Telegraph* (London)) 29 January 1976, p. 19. col. 1

Окрасьте вином ваш молитвенный коврик

ВЕЛИКИЙ поэт Хафиз в одной из своих самых известных поэм говорит, что вам следует окрасить ваш молитвенный коврик вином, если так велит ваш учитель.

Этим советом, хотя, может быть, и приводящим в смятение ограниченный ум буквоеда, часто восхищаются суфии – и не только за его поэтическую красоту в персидском оригинале.

Суфии восхищаются этим наставлением потому, что это классический пример многозначности, где точная формула развития представлена в нескольких измерениях. Давайте рассмотрим отдельно некоторые составляющие, которые вместе дают ту инструкцию и то содержание, что только и может быть названо живым упражнением:

1. *Шок:* «Окрасьте ваш коврик вином» предназначено шокировать любого, чья вера основана на обусловленности, например, на том, что «Вино может означать только некое зло».

2. *Аллегория:* вино обозначает внутреннее переживание, подобное 'мистическому экстазу' в других системах.

3. *Повиновение:* приказания учителя – абсолютны.

4. *Благоприятный момент:* учитель приказывает вам сделать что-то, когда это показано для вашего развития. Он не говорит:

«Окрашивай свой коврик постоянно», или «До тех пор, пока не окрасишь свой коврик, ты не можешь быть суфием». Он говорит: «Когда я велю тебе окрасить твой коврик – окрась его».

5. *Аналогия:* Точно так же, как молитвенный коврик не есть молитва, а, скорее, внешняя вещь, то и вино, на этом уровне, есть внешняя вещь и, следовательно, вторично. Подобным образом, повиновение учителю, хотя и означает для поверхностной личности великую жертву и высокую заслугу, представляет собой лишь грубый и поверхностный уровень во взаимоотношениях между мастером и учеником, как коврик по отношению к молитве и вино по отношению к реальному мистическому переживанию.

6. *Разнообразие упражнений:* Не сказано: «Окрашивание коврика вином – это золотой ключик». Напротив, дан более чем намек, что это только один вид деятельности, одна часть измеренной и известной деятельности, которая куда-то приведет. Это наиболее сильный отличительный знак данной системы. До той степени, до которой ученик может сознавать, что он работает внутри сложного и тонкого организма, и только до той степени, он будет способен отойти от грубого фанатизма и поверхностности. Последователи 'систем' всегда ищут – или думают, что нашли – единственную практику, или ту самую волшебную палочку, которая даст им то, что они хотят: просветление или что бы там ни было.

Значение этого наставления невозможно переоценить. Оно будет отпугивать и раздражать тех, кто не может извлечь из него пользу. Оно будет совершенно бесполезно для тех, кто хочет превратить суфийский путь просто в культ. Оно будет изобличать и выявлять тех, кто на самом деле просто подражатели или романтики, потому что они не смогут получить пользу от тех терминов, в которых мы проанализировали его.

И все это содержится в нескольких строках чего-то такого, что в воображении литературоведа является, может быть, только лиризмом и поэтическим излиянием человека, который одобряет экстатические процессы.

До тех пор пока действительный дух таких технических материалов, как этот, не оценен учеником, мы не имеем дела с реальным учеником вообще; может быть, с потребителем поэзии, может быть, с последователем, даже позером, который не осознает, что он таков. Но мы не имеем дело с кем-то, кто, при данном условии, может развиваться за пределами внешнего.

Я действительно слышал о людях, которые считали себя учителями, и которые пили вино и рекомендовали своим ученикам поступать так же, пытаясь 'следовать словам Хафиза'.

Любому комментарию на такое вдвойне абсурдное подражательное поведение не следует быть, я уверен, хоть на сколько-нибудь более высоком уровне, чем шутка:

«Какое действие произвела банановая диета на вашу жену?»

«Ну, она нисколько не худеет, но видели бы вы, как она лазает по деревьям!»

Мастер-красильщик

В: Что это за планирование, которое могут осуществлять суфии, и с которым в рамках современной культуры люди не знакомы?

О: Рассмотрим пример:

КОРОЛЬ И СУФИЙ

Жил некогда король. В своем королевстве он не нашел человека, достаточно мудрого или выдающегося, чтобы тот стал его преемником. Поэтому он провел немало лет в расспросах и изучении, пока не определил местонахождение возможного преемника по имени Ариф эль-Арифин. Озадаченный теперь тем, как ввести этого мудрого человека при неминуемых косности, ревности и предвкушениях, процветавшим без постоянного присутствия и признания мудрых людей, король попросил Арифа самому разработать план.

«Кто в вашем королевстве наиболее славится своей завистливостью и негибкостью?» – спросил Ариф.

«Красильщики шерсти и тканей, – сказал король. – Каждый из них думает, что он мастер, и что его методы и познания наилучшие. Эти люди очень редко кооперируются друг с другом, и, как правило, только для того, чтобы противостоять случайному пришельцу или младшему красильщику, пытающемуся продвинуться в этой профессии».

«Хорошо, – сказал Ариф. – Прикажите оповестить красильщиков о том, что величайший в мире мастер в их ремесле собирается обосноваться в вашей столице».

Когда молва об этом, распространившаяся по всему городу, дошла до красильщиков, и им показали образцы великолепной работы Арифа, Мастера красильного ремесла, они сильно разгневались. Их ненависть к неизвестному сопернику была столь велика, что вскоре почти всем стало очевидно, что лишь сильные эмоции, а не справедливость или преданность ремеслу, лежат в основе отвратительных, злобных и часто абсурдных обвинений в адрес пришельца.

Итак, теперь жители этой страны, которых, в общем-то, красильщики не научили отличать хорошие краски и хороших красильщиков от плохих, слышали нападки, видели гнев, наблюдали безумие. В самом деле, почти невозможно было остаться в стороне от этого. И главным эффектом, которого красильщики сумели достичь, хотя они, конечно, добивались не этого, стало то, что имя Арифа Демона было у всех на устах.

Когда, наконец, Ариф поселился в городе, все население стекалось толпами посмотреть на него. Среди людей он жил тихо и с достоинством. Люди не находили вероломства, невежества и пороков, о которых их предупреждали, поэтому они начали приходить к выводу, что обманулись насчет характера Арифа. Соответственно быстро прониклись они расположением к нему и равно преисполнились презрением к красильщикам. Люди не только стали отдавать все в покраску Арифу, но, как во всех лучших сказках, он унаследовал королевство.

Много пустых слов сказано о том, что не следует завидовать другим, и многие люди верят, что они не ревнивы и что они не противопоставляют себя другим. На деле же все наоборот, многое в обычной жизни построено на зависти. Вы возможно вспомните высказывание, что есть три вещи, которые каждый человек приписывает только другим: (1) отсутствие чувства юмора, (2) плохое вождение автомобиля, (3) завистливость.

Планирование, которое осуществляют суфии и которое неизвестно в современных культурах теоретически и, уж подавно, фактически, содержится в высказывании Дхун'нуна Египтянина, приведенном Ходжой Гарибом Навазом:

«Суфии – это те, кто стер в себе человеческую склонность к зависти и вражде».

Все же я не могу удержаться, чтобы не сказать, что есть много вещей, выраженных в рамках современной культуры, очень важных для тех, кто хочет понять суфийский путь. Некоторые из них могут быть показаны людям до того, как они смогут выйти за пределы их нынешнего окружения, что вы, кажется, и хотите сделать. Большинство людей, желающих 'эзотерического знания', не заботится об элементарном экзотерическом разумении, которое приходит первым. В нижеследующей истории, первые два совета мог бы дать возбужденному 'искателю' любой человек, необязательно суфии:

ОШИБОЧНОЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ

Некий 'искатель Истины' ворвался в дом, на который ему было указано как на дом восточного мудреца. Он припал к руке сидевшего на молитвенном коврике и попросил совета.

«Я скажу тебе три вещи, – сказал тот. – Во-первых, ты слишком возбужден, чтобы что-либо понять. Во-вторых, ты стоишь на моей ноге. В-третьих, я – слуга, а мудрец живет в соседнем доме!»

Метод, система и обусловливание

ЕСТЬ четыре фактора, которые, будучи приложенными к людям, 'программируют' их, как машин. Это те факторы, которые используются при внушении и обусловливании. Используя их, намеренно или нет, применительно к себе или к другим, ум человека становится более механистичным и более склонным мыслить по шаблонам.

Бесчисленные эксперименты, современные и древние, полностью подтвердили наличие и действие этих факторов. Они суть: напряжение, чередующееся с расслаблением, использование лозунгов и повторение.

Поскольку большинство людей приучено принимать эти факторы за часть их 'учебного' процесса, то почти все, что предоставляется человеку для изучения, он обычно превращает в материал, который применяет этими способами.

Критерий обучающей системы и ее успеха в следующем:

(1) применяется ли она, намеренно или нет, этими способами;

(2) развивается ли она в систему, применяющую эти способы.

На протяжении последних нескольких лет я был в контакте с различными группами людей, занимающихся обучением такого рода, среди которых фактически никто не избежал этого элемента или этих факторов. В результате один набор лозунгов заменялся другим: и фразы типа 'человек спит', слова типа 'сущность', некоторые литературные материалы, а также определенные упражнения и приемы изучались столь пристально и усердно, что люди преуспели, главным образом, лишь во внушенности. Их инструментальная функция утрачена.

Главным образом, по этой причине в традиции неоднократно повторяется, что формулировка должна изменяться в соответствии с людьми, местом и Работой.

Чрезвычайно легко отличить индивидуумов, которые развили в себе (хотя и не по своей вине) эту ('условно-рефлекторную') реакцию на рабочие термины и другие обучающие стимулы. Такие люди всегда реагируют типичным образом на воздействия на них и в этом отношении не отличаются от людей, которые втянуты в любую статичную линейную систему: политическую, патриотическую, экономическую, религиозную, философскую, где высшее измерение понимания слабо или отсутствует.

Однако, спасение есть. Оно заключается в том, что если мы вернемся в точку, сразу за которой обучение и учение 'укореняются' в умах индивидуумов как обусловливание, мы можем вернуть гибкость, которую требует работа. Используемые для этого методы, однако, не те, что известны большинству людей.

Вам надо быть способным понимать, прежде чем вы сможете проверять.

Люди обычно не проникают внутрь себя достаточно глубоко, чтобы узнать как учиться тому, что суфии называют Реальностью. Они делают преждевременные предположения о том, как учиться, и о том, что притягательное для них должно быть хорошим и тому подобное, – что, в конце концов, срывает их мнимые намерения.

ХРОМАЯ ЛИСА

В *Bostan* Саади есть рассказ о человеке, который однажды увидел хромую лису и удивился, как она ухитряется быть столь упитанной. Решив проследить за ней, он обнаружил, что она пристроилась там, куда приносил свою добычу лев. После трапезы лев уходил, и лиса поедала остатки. И человек решил дать возможность судьбе послужить ему таким же образом. Он сидел на улице и ждал, но лишь слабел от голода, ибо никто и ничто не проявляло к нему интереса.

Наконец раздался голос: «Почему ты ведешь себя как хромая лиса? Почему бы тебе не быть львом, чтобы другие могли использовать то, что остается после тебя?»

Сама эта история – интересный тест. Иногда считают, что она поощряет людей с желанием учить, считать себя учителями, и дает возможность другим, более скромным, привести в порядок их мысли, так чтобы они могли учиться, несмотря на все их представления относительно способности учить и приносить пользу другим до того, как обретут правильный фокус.

Все, что нужно человеку, есть в мире. Как он использует это? Подумайте над восточной пословицей: «Продукты от Бога, повара – от людей».

Западная культура

В: Почему вы критикуете западную культуру?

О: Дело просто в том, что, на самом деле, я не 'критикую' ее в том смысле, который, полагаю, вы имеете в виду. Когда вы задаете подобный вопрос, то должны держать в уме три вещи или рискуете, что никто и не подумает отвечать на него.

1. Следует иметь какие-то, конкретные или общие, факты либо для подкрепления вопроса, либо для получения продуктивного ответа.

2. Следует понять, что современный мир, в котором мы живем, столь охвачен 'западной культурой', что почти невозможно не задеть ее, когда критикуешь хоть что-нибудь. Это сродни высказыванию: «Зачем вы губите миллионы невинных существ – бактерий – всякий раз, когда вдыхаете?» Одно может быть присуще другому.

3. Этот вопрос задан, и на него отвечают в западной стране, части западной культуры, где бесконечные мучительные самооценки, критицизм и упреки стали из-за этой культуры стандартным поведением на значительный период времени и без которых – если слушать и читать то, что окружает, – жизнь тотчас остановилась бы.

Если и есть стоящая причина для критики 'западной культуры', то такая: следовало бы порицать ее неудачу в подпитывании и поддерживании, но не критицизма, которым она постоянно гордится, а того ясного мышления, которым обладали греки – предположительно западные – и которое следовало бы передать вам, чтобы вы сами могли ответить на данный вопрос, сохраняя тем самым время и силы и используя способность к мышлению для чего-то чуть более продвинутого.

Западные люди, какой бы ни была их идеология, тратят много времени на разработку верования, убеждения, обязательства – они постоянно меняют имя, но процесс от этого не меняется. Я называю его не критическим, а описательным, чтобы выделить это и предложить лекарство – оно в высказывании: «Когда сильно убежден, будь осмотрителен в своей уверенности».

Западная культура, подобно любой другой, вполне могла бы отнести к себе такое древнее восточное высказывание: «Каким бы полезным ни было одеяние, оно не для еды».

Западная традиция

В: Нельзя ли получить истории и иллюстрации из *западной* традиции, которые пояснили бы или сделали доступным то особое знание, на которое так часто ссылаются на Востоке?

О: Вы, конечно, можете *получить* подобные примеры, но проблема заключается в том, что на Западе понимание такого примера сводится, как правило, к тривиальному: 'дурная кличка накрепко пристает'. В литературе Запада и его фольклоре есть множество шуток и историй, которые могут быть использованы для развития мудрости. Однако было принято либо восхвалять их как короткие рассказы, либо смеяться над их 'забавной стороной'. В результате, у людей вырабатывается иммунитет к тому воздействию, которое могли бы оказать эти материалы на пробуждение более глубокого понимания.

В: Почему этого не случилось с восточной литературой?

О: Потому что идея «жемчужины, скрытой внутри (обычной) раковины» постоянно повторяется и поддерживается живой. Довольно занятно, что на этой идее в западных переводах и воспроизведениях восточных историй довольно часто ставилось ударение, чтобы настоять на сохранении этого элемента как гипотетической возможности. Настойчивое утверждение, что раковина с устрицей может содержать жемчужину вместо, так сказать, молчаливой продажи устриц, открывает западному читателю возможность поиска подобного содержания в историях с восточным колоритом, тогда как в западном рассказе он не допускает наличия такого содержания.

В: Есть ли готовый пример?

МУЖ-ГЕРОЙ

О: Вот история об одной женщине, которая отказалась выйти замуж за некоего человека, потому что «тот не добился успеха в жизни». Она сказала, что хочет выйти замуж за героя. Человек отправился в Африку и вскоре стал исследователем с мировым именем. Когда он вернулся, чтобы вновь просить ее руки, женщина сказала, что за это время вышла замуж. Он захотел узнать, кто тот воплощенный идеал, покоривший ее сердце, чтобы выказать почтение такому человеку. Она призналась: «Он всего лишь профессиональный игрок в гольф клубе, что дальше по дороге».

В искаженном виде эта история была изложена в романе одним западным писателем. Глубина, мудрость и вся сила подобных материалов затемняется присущей Западу привычкой выискивать только развязку, юмор ради юмора, описания характеров, сюжет, моменты кульминации и разрядки, и т. д.

При таком прочтении теряются другие значения истории. Однако, если бы она была представлена в восточном контексте, то даже западная публика могла бы увидеть в ней что-то имеющее большую учебную ценность. И есть десятки примеров такого рода.

Большая часть прежде находившихся в обращении на Западе словесных материалов, хотя и не вся, была, таким образом, присвоена пустословами или оккультистами. Однако кое-что осталось, а восстановить можно гораздо большее.

РАССКАЗ ОБ УХЕ

На Западе довольно часто подобный материал можно обнаружить в неожиданных ситуациях, шутках и историях, в событиях. Однако, там нет умения использовать эти материалы, хотя оно может быть развито.

Одна из основных задач суфия – давать людям возможность видеть самих себя такими, какие они есть в действительности, и рассеивать их иллюзии о том, кем они являются, или о том, чем, как они думают, они занимаются. Вот западный анекдот, который достаточно хорош для суфийской истории-демонстрации:

Один человек пришел на выставку Ван Гога в Нью-Йорке. На выставке собралось столько людей, что он не мог подойти к картинам. Он ушел оттуда, отрезал ухо от засоленной бычьей туши, вставил его в рамку, затем вернулся на выставку и повесил это на стену под названием «Ухо Ван Гога».

Люди столпились около этого предмета, что позволило истинному любителю искусства увидеть картины и показало людям, что сами они здесь только ради сенсации.

В суфийском контексте эта история была бы использована как для указания на различие между эстетическим чувством и эмоцией, так и для того, чтобы участники событий увидели самих себя – кем же они являются в действительности.

На Западе, однако, подобные истории обычно подаются только в качестве шуток, позволяя слушателю развлечься и, вероятно, почувствовать облегчение от того, что его там не было, или же превосходство над другими людьми, которых так ловко 'провели'.

Интересно отметить вот что: западный человек желает знать, есть ли какие-либо традиции в его истории, которые помогли бы ему; тогда как восточный человек склонен выяснять, поможет ли ему данный материал, откуда бы он ни происходил.

Мне вспомнилась старинная поговорка: Ребенок замечает: «Этот ястреб белый», тогда как взрослый спрашивает: «Насколько остры его когти?»

И, я надеюсь, что мы не забываем, поскольку уж говорим об этом, что наиболее ценные традиции на Западе ведут свое происхождение, и мы говорим об этом не без гордости, со Среднего Востока, и, в особенности, с восточного Средиземноморья...

Как учат суфии?

В: Вы часто говорите, что суфии не учат посредством 'стереотипов'. Как учат суфии?

О: Задача суфийского учителя – связать свое послание с действительностью. Он вынужден уменьшать, а не увеличивать, воздействие своей личности, в пользу содержания.
Для проверки пригодности ученика надо выяснить, может ли он отбросить привязанность к приемам, человеку или школе – и открыть себя для восприятия всестороннего учения.
Миссия суфийского учителя – служить тем, кто может учиться. Он здесь не для того, чтобы делать кому-то приятное или неприятное. В его функции не входит соответствовать предвзятым мнениям других относительно внешних признаков, хотя это и не повредит его социальной жизнеспособности, как напоминает нам Ибн Араби.
Он работает в соответствии с перспективами своих учеников и возможностью поддержания жизненности суфийской общины.
Он не предлагает формул и не настаивает на выполнении механических процедур. Напротив, его знание позволяет ему предписывать соответствующие занятия подходящим людям, в указанное время, в должном месте.
Большинство людей, каковы бы ни были их мнения и торжественные заявления, не хотят учиться. Вопреки очевидному, они склонны заниматься деятельностью, которую используют как замену учения. Эту деятельность они называют 'занятия'.
Иногда эта склонность – это то, что было воспитано в них через книги или контакты с людьми, как раз, благонамеренными имитаторами. Это приводит к тому, что предполагается, что определенные поверхностные переживания представляют духовность или трансцендентное или имеют какое-то другое значение, фактически отсутствующее.
Если вы действительно хотите учиться, не удивляйтесь, что кто-то пытается вас учить. И не отвергайте легкомысленно метод. Конечно, люди, не знающие реальных основ учения, вероятно, будут удивлены, когда им откроют его методы.
Это откровение – то, что известно суфиям как знание сердцем.

Дхун'нун говорит:

То, что видят глаза – это знание.
То, что знает сердце – Несомненный Факт.

Ложная уверенность – это одержимость, внушенная или возникшая иначе.
В наше время большинство людей обучено при помощи механического мышления и внутри весьма ограниченных рамок, которые, в свою очередь, позволяют им прикоснуться только к определенным видам опыта. Это образование превосходно, но только для своих собственных целей. Люди, подвергшиеся такой подготовке, используют его обедненные и ограниченные принципы, чтобы 'оценивать' такие вещи, как суфийское обучение. Не удивительно, что результаты столь причудливы!
Руми рассказывает такую историю о суфии и грамматисте, занимавшихся вместе. Грамматист заявил: «Слово должно быть чем-то одним из трех», ссылаясь на грамматическую оценку. Суфии немедленно в бешенстве воскликнул: «Двадцать лет я боролся в надежде, что к слову относится больше этого, и теперь вы лишаете меня надежды!»
Так суфии пытался указать грамматисту, что язык исследования у того слишком узок и, конечно, не может поддерживаться без преамбулы, что «в грамматике это считается истиной»...
В обучении и учении есть другой фактор, представленный в следующем рассказе.

В БИБЛИОТЕКЕ

В библиотеке встретились три дервиша.
Первый сказал: «Я собираюсь прочитать все книги, содержащие суфийскую мудрость. Затем я обдумаю их смысл и посмотрю, как это относится ко мне».
Второй сказал: «Я перепишу эти книги своей собственной рукой, чтобы их уроки могли проникнуть в меня. Потом я рассмотрю их в их внутреннем и внешнем значении».
Третий сказал: «Я заработаю столько, чтобы купить все эти книги, и затем прочту их. Потом я опрошу вас обоих, чтобы извлечь пользу из тех частей книг, которые, как покажут ваши слова и поступки, вы не поняли».

«А я, – сказал четвертый дервиш, проходивший мимо и остановившийся послушать их, – изучу третьего, чтобы увидеть, позволила ли ему его самонадеянность увидеть то, что следует увидеть в книгах и в том, что они дали».
Суфий может быть не в состоянии учить напрямую, как это обычно понимается, даже если люди и требуют такого обучения.
Шейх Фаридуддин Аттар[1] рассказывает, что однажды великого Самнуна Мухибба, по возвращении из паломничества, попросили дать наставление.

НАСТАВЛЕНИЕ

Когда суфий говорил, людей это совершенно не трогало.

Тогда шейх обратился к светильникам в мечети – и именно они сами собой закачались и вспыхнули. Так, проведя параллель со своими слушателями, суфий ушел.

[1] Tadhkirat al-Awiyya

Идиотская мудрость

В: Не могли бы вы сказать что-нибудь о вашей книге *Мудрость идиотов,* как работают эти истории и цитаты?

О: Великое братство суфиев провозглашает:

> Суфийское обучение ведет в сферу более высокого просвещения человека.
> Как бы ни менялись его внешние формы, суфизм не относится к определенному времени. Можно сказать, что он существовал всегда. Цель суфийского обучения – вызывать переживания, ведущие к более высокому знанию, а не просто снабжать информацией или торговать эмоциональными стимулами.

Суфизм усовершенствовал, среди других приемов, характерный метод обучения, почти неизвестный вне круга посвященных Пути. Этот метод, называемый Схематически Впечатляющие Истории, состоит в особом использовании суфиями устного творчества и литературы.

Хотя на поверхности может казаться, что суфийские истории поставляют моральные принципы или предназначены для развлечения, они не являются литературными формами, как их обычно понимают. Прежде всего, это – учебные материалы, а литературой они являются по случаю. Очень многие классические поэты и писатели Персии – общепризнанные суфии, и их труды содержат такие же внутренние измерения как и те работы, на которые я ссылаюсь.

Таким образом, суфийская сказка и определенные суфийские цитаты иного рода равно предназначены для того, чтобы быть оцененными культурными людьми, передавать информацию, инструктировать и снабжать ум ученика тем, что называется «структурой для получения просветления».

Эта книга спланирована с намерением сохранить на английском[1] языке не только форму, но также и суфийское назначение истории.

Специфической чертой суфийской истории является то, что ее построение позволяет представить уму замысел или серии взаимосвязей. Когда ум читателя знаком с этой структурой, он может понять идеи и переживания, имеющие подобную структуру, но действующие на более высоком уровне восприятия. Это можно было бы назвать связью между чертежом аппарата и готовым изделием.

Согласно суфийскому учению, этот метод может дать озарение человеку в соответствии с его способностью понимать. Он может также составлять существенную часть подготовительных упражнений ученика.

Процесс включает в себя проникновение за внешнюю сторону истории без подавления способности ученика понимать и наслаждаться ее юмором или другими внешними характеристиками.

В суфийских кругах для учеников является обычным погружаться в истории, предлагаемые для изучения, чтобы им стали доступны многие смыслы этих историй тогда, когда это будет полезно для их развития. На этой последней указанной стадии время от времени может требоваться помощь обучающего мастера, чтобы определить время и место такого развития.

Именно по этим причинам говорят языком старого стиля, что в суфийских историях 'заключен бесценный секрет', который 'освобождается силой обучающего мастера'.

Анализ этих специальных историй лишает их инструментальной ценности: так же, как молоток, разобранный на части – это уже не молоток. С незапамятных времен истории использовались как носители знания и инструменты понимания. Но их следует правильно переживать. Вот одна из немногих, которая поможет в этом переживании, и более ничего не может быть об этом сказано:

ПУТЕШЕСТВИЕ

Один человек путешествовал с суфийским учителем. Как-то раз, когда уже спустилась ночь, и оба устали и были голодны, мастер попросил еды в одном скромном доме, и его хозяин, бедный человек, отдал им все, что у него было.

Утром суфий сказал: «Благословение тебе и твоему дому», – и путешественники тронулись в путь.

Когда они отошли на несколько шагов, ученик сказал:

«Мы наверно не отблагодарили этого человека за его щедрость. Не могли бы вы дать ему больше, чем просто благословение?»

«Он получил достаточно. Больше не будет лучше», – ответил мастер.

---

[1] Настоящий перевод на русский язык осуществлялся без прямого участия суфийского мастера. *(Прим. перев.)*

Но мягкосердечный ученик наклонил голову и с величайшей вежливостью, на которую он был способен, настаивал на том, что «все обязаны делать все, что могут, для других...»

«Хорошо, – сказал суфий. – Я покажу тебе, что произойдет».

Он вернулся назад, позвал хозяина и сказал ему:

«В твоем саду под той яблоней зарыто сокровище. Вырой его и процветай».

Путешественники снова отправились в путь, и странствовали целый год. Случилось так, что они проходили опять той же дорогой, голодные и усталые, и увидели, что того дома больше нет. На его месте стоял дворец. Прежний добрый хозяин стал теперь богатым господином, и все вокруг страдали от его тирании.

«Теперь что ты скажешь?» – спросил учитель.

«Я понимаю, что произошло, – ответил ученик. – Но если вы знали, что это произойдет, почему вы сделали так, как я просил: фактически явившись причиной того, что этот человек стал угнетателем?»

Мастер взмахнул рукой, и ученик увидел, что они вернулись на год назад. Тиран бесследно исчез, они смотрели на улыбающееся лицо скромного крестьянина, машущего им вслед. В тот же момент ученик осознал, что суфийский учитель исчез. С тех пор он его не встречал; а было это много лет назад.

Борясь с огнем

В: В статье одного литературного журнала говорилось, что нападки на ученых-филологов – ваш конек. Правда ли это, и если нет, то что вы делаете?

О: Вас интересует не только то, что делаю я, но и то, что делают другие люди (в одном или двух литературных журналах). Я не знаток этих людей, но после того, как некто при случае попытался разнести меня в пух и прах, известный ученый-филолог, весьма страдающий от такого циркачества, прислал мне вот эту 'молитву ничтожества':

О Господи, пошли мне такую удачу,

чтоб подвергаться нападкам!
А если нельзя, оставь меня таким неудачливым,
чтобы по-прежнему наслаждаться, нападая на других!

Если вы видите пожарного, бросившегося тушить огонь, и кричите: «Глядите на этого парня! Он опять на своем коньке – бьется с огнем!» – то это, к счастью, ни его не остановит, ни другим людям не помешает понять, что, возможно, это с вами что-то неладно. Вы могли бы заметить, если бы захотели, что в самом ученом мире мою деятельность, оказывается, хорошо знают и понимают. Следует смотреть не только на того, кто подвергся нападкам, но и на нападающую сторону и формировать собственное мнение наилучшим для вас способом. Ученых, как среди передовых так и среди уважаемых, понимающих и поддерживающих наш традиционный метод 'нападок' как полезный и оправданный, сейчас предостаточно, хотя на это и потребовалось полтора десятилетия. Можно ли сказать то же самое о тех немногих, кого вы цитируете?

Я критиковал только недостойных и поверхностных ученых. То, что некоторые академические ученые, видимо, думают, что я имею в виду лично их, должно интерпретироваться психологом, а не мной.

Если вы посмотрите на вещь, взятую отдельно, то конечно получите искаженную картину. Ученые наслаждаются, нападая друг на друга; и вернейший способ утвердиться в определенной области – это подвергнуться нападкам как 'не ученому', что является жаргонным словом, употребляемым учеными по отношению друг к другу.

Настоящие ученые обладают чувством юмора, которое отсутствует у их поверхностных коллег. Я никогда не забуду случай, когда видный литературный деятель был представлен собранию словами: «Я с удовольствием представляю вам доктора Блоггса, на которого почти двадцать лет нападали едва ли не в каждом серьезном периодическом журнале в его области!»

Раздались оглушительные аплодисменты.

Руми, как и многие другие суфийские писатели, часто указывал, что быть экспертом – не обязательно наилучший способ получения пользы от чего-либо.

СТРАДАЮЩИЙ СИЛАЧ

В истории, рассказанной Саади *(The Orchard: На приеме),* врач посетил корчившегося от боли силача. Заключение его было таковым: так как этот человек наелся виноградных листьев, то будет удивительно, если он протянет до утра. «Но, – продолжает Саади, – в ту ночь умер сам врач, и хотя прошло сорок лет, атлет до сих пор жив!»

Проблема ученых и специалистов в том, что на их мышление может влиять субъективность. Подобно врачу, они сами могут страдать от отсутствия знания: ибо кажется невероятным, что, будучи столь уверенным в смерти пациента, лекарь подозревал о том, что его собственная смерть так близка.

Сообщают, что пророк Мухаммад сказал, что чернила ученого более святы, чем кровь мученика. Несмотря на это, суфии в течение многих столетий не уклонялись от нападок на поверхностных ученых и тех, кто в действительности является псевдоученым, где бы они не встречались. Если поступать так означает быть на своем коньке, то я удостоен считаться тем, кто следует столь благородному примеру.

Однако, в любом случае, вы несколько отстали от времени. Сражение бушует, не затрагивая меня. Одни ученые напали на меня, затем другие меня защищали. Первая группа назвала вторую поверхностной, и теперь они разрешают спор между собой. Я не принимаю участия в этом споре, так как он происходит между третьими сторонами.

Мост и его использование

КАЖЕТСЯ неправдоподобным, но не будет преувеличением сказать, что люди игнорируют, ничего не знают или даже насмехаются над материалами, которые могли бы быть их единственной надеждой на освобождение от замкнутого мышления.

Я научился большему у людей, материалов и идей, которых многие считали не относящимися к делу, незначительными или даже нестоящими, чем у значительно шире разрекламированных и кричаще представленных материалов.

Люди, которые не могут или не будут иметь дело с этими источниками знания, смогут принять их, если материалы будут поданы им тем способом, к которому они подготовлены. Это указывает на серьезное ограничение в учении, наложенное распространенным среди людей отказом смотреть на то, что кажется им неподходящим, что в свою очередь, основывается на внешней оценке.

Но это лишь первая часть процесса. Материалы можно 'популяризировать' или делать приятными, однако в некоторой точке внимание должно быть направлено на исходный предмет.

Если нам приходится действовать в качестве моста, мы должны выполнять функцию моста, которая заключается в соединении одной стороны чего-то с его другой стороной.

РАЗМЕРЫ НОГИ

Я вспоминаю случай, когда один человек был в состоянии это понять и поэтому стал чувствительным к существованию и деятельности одной суфийской школы, не воспринимаемой другими, благодаря тому, что усвоил такое утверждение Руми, из *Fihi ma Fihi:*

«Я – башмачник, кожи много у меня, но крою и вырезаю точно по ноге».

Вырождение учебы

В: Как вырождается учеба?

О: Люди ищут новые учения или раскрытия скрытых древних учений, тогда как, на самом деле, их проблема вероятно в том, что они не могут видеть присутствие учения в древних и современных материалах, доступных им в изобилии.

Они не могут видеть эти учения, потому что предпочитают быть слепыми по отношению к идее обучения-приему. Они 'лишили глубины' полученные в наследство материалы. Вот один пример:

Многих людей поражает то, что если они смотрят на предмет в течение полминуты, они обнаруживают, что их внимание блуждает. Вместо того, чтобы принять это, как факт, законченный сам по себе, они совершают два ненужных поверхностных действия:

1. Стараются смотреть на предметы длительные промежутки времени в надежде, что смогут развить внимание. Однако, действуя таким образом, они никогда не добьются этого, потому что описание недостатка, конечно же, не содержит технических приемов.

2. Немедленно предполагают, что человек, который привлек их внимание к отсутствию у них внимания, способен дать им метод или систему, с чьей помощью они смогут исправить ситуацию. Они, кажется, редко представляют себе, что если человек говорит: «Эта дверь треснула», – то он не обязательно знает как ее починить.

Эти люди утратили многогранность мышления, которая была отличительным признаком древнего учения. Они сделали из идей 'идолов', приписывая всеведение иллюстрации. Но именно так и поступает тотемист. Однако, современный человек не признает себя тотемистом, вероятно потому, что не живет в тропических джунглях.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БЕДНЫЕ

Великий шейх Абдуллах Ансар из Герата сказал, что действительно бедные – те, кто не является независимым от бедности, те, кто действительно озабочен – беден он или нет. Подобным образом, привязанность ко вторичным концепциям является причиной вырождения учебы, – ибо когда это является правилом, сосуд принимается за содержимое. Никогда не было недостатка в людях, которые полагают, что физическое отсутствие чего-либо – это бедность, и что владение материальными предметами – это богатство. Вопрос отношения отсутствует.

Вы спрашиваете, как вырождается учеба. Одна из причин – это явное численное преобладание людей, заблуждающихся или поверхностных, которые требуют 'серьезной учебы' или 'духовного знания'. Они создают ситуацию спроса-и-предложения, которая может вызвать столь много имитаций учения и обучения, что именно имитация будет приниматься за настоящее.

НЕ ДЛЯ ИНДИЙЦЕВ

В Индии в ходу такая история: в Соединенных Штатах один студент из Индии прослышал, что его соотечественник обучает индусской духовности людей с Запада и хорошо зарекомендовал себя там, хотя большую часть года живет недалеко от Дели. Когда студент приехал домой на каникулы, он разыскал великого гуру и почтительно обратился с просьбой принять его в ученики.

«Извините, – ответил главный помощник гуру в ашраме, – но здесь мы не принимаем индийцев – только европейцев или американцев».

Молодой индус был ошеломлен. «Я думал, что дни колониальной дискриминации давно прошли! – произнес он, задыхаясь. – Вы хотите сказать, что не примите меня в ученики здесь, в моей стране?»

«Милый юноша, – сказал сам великий гуру, подойдя к воротам ашрама, – на самом деле все наоборот: вы когда-нибудь *видели* кого-либо из этих ужасных людей, которые хотят испить индийской духовности? Я стараюсь оградить от них моих соотечественников».

Община и развитие человека

В: Как происходит развитие человека в общине, и каковы опасности работы в случайно собранной группе?

О: Возьмите некоторые виды организации и те убеждения относительно них, которых обычно придерживаются. Затем, чтобы чему-то научиться, рассмотрите другую позицию по отношению к ним.

Одно общество называется 'вольные каменщики' (масоны). Оно ритуалистическое, названо по профессии, считается, что оно имеет 'тайны'. Люди полагают, что масонство возникло на основе товарищеских отношений каменщиков и их желания монополизировать определенное строительное знание и даже регулировать поставку рабочей силы.

Теперь взгляните на обучение ремеслу в Европе, Африке и Азии, применяемое в целом ряде ремесленных цехов. Там также есть посвящение и прочие церемонии. Между мастером и учеником существует определенная связь, включающая некоторое соглашение.

Теперь воскресите в памяти особый ритуализм и родство, содержащиеся в институте монархии, а также слухи и верования относительно особых событий или связующей силы между членами семей, кланов и других собраний людей.

Общее во всем этом – убеждение, что определенные сверхъестественные восприятия могут быть развиты средствами определенного вида объединения людей (назовите его алхимиком с помощниками, братством изготовителей ковров или как-то еще), независимо от того, осознается или нет сначала этот особый элемент индивидуумом, вступающим в объединение. Иными словами, словесная форма обучения, даже введения в высшее (или внутреннее) учение – это единственный возможный подход.

Однако наличия собрания людей, стремящихся работать в согласии или достичь какой-то цели, недостаточно, хотя без этого предприятие абсурдно.

Стремления и желания недостаточно, и руководители должны понимать это.

МУЛЛА И ЗАСУХА

Эта идея поясняется такой Насреддиновской историей:

Однажды мулла Насреддин увидел, как школьный учитель ведет группу учеников к мечети.

Мулла спросил:

«Какова цель этого действия, о ученейший?»

«Стоит засуха, – сказал учитель, – и мы надеемся, что мольбы невинных растрогают Небеса».

«Без знания, – сказал Насреддин, – мольбы – невинных или виноватых – такого результата не дадут».

«Как вы обоснуете столь опасное утверждение?» – запинаясь, спросил оскорбленный педагог.

«Просто, – сказал Насреддин, – ибо если бы достаточно было мольбы, пожеланий, вызванных кажущейся необходимостью, – на земле не осталось бы школьных учителей. Дети жаждут их исчезновения».

«Итак, даже если бы чаяния детских душ могли вызвать ваше изгнание, молитвы только людей знания, понимающих вашу функцию, по-прежнему удерживали бы вас среди нас».

Помимо наличия предприятия, необходим правильный отбор конкретной группы. Этот отбор должен быть произведен учителем. Но, как только эти условия выполнены, более не требуется ни единого слова из словарей метафизики или философии, эзотеризма, какими мы их знаем.

Именно по этим причинам духовные учителя традиционно занимаются мирской деятельностью, являются управляющими или мастерами во многих ремеслах: они обучают с помощью множества методов. Однако, лишь те их наставления, которые выражены в словах, упражнениях или молитвах, распознаются внешними мыслителями как учение высшего порядка. В результате, большая часть из того, что делается ими, не записывается или считается посторонним и не имеющим отношения к делу.

Точно так же, как случайные объединения людей и напряжение, тревога, награда и наказание, и использование догм и застывших приемов порождают обусловленных людей и жесткие или механистичные институты, так – в 'органичной' области того, что мы называем эволюционной философией – община с правильными элементами (например, людьми, местом и временем) становится живой сущностью и развивается особым образом, какой и во сне не приснится высокопарному формальному мыслителю и необузданному эмоционалисту.

Вышесказанное объясняет, если на миг призадуматься, как метафизические учителя управляют системами, которые, не только не сводятся к простым приемам и доктринам, но непременно являются восхитительно всеобъемлющим замыслом.

Лишь части этого замысла упорно сохраняются в обычной передаче. Подобно обломкам кораблекрушения, их постоянно выбрасывает на берег, или их используют вновь и вновь, спустя длительное время после того, как их настоящее использование (как частей исходного корабля) прекратилось.

Таким образом, парадоксальность (хотя только потому, что люди подходят к вещам с неизменно наивной точки зрения) становится явной – многие существенные части высшего знания никогда не распознаются как таковые теми, кто склонен считать себя учащимся метафизике.

«Моложавый, мешковатый, молчаливый мастер-медник, методично мастерящий медную масленку» точно так же может оказаться духовным учителем, как и святой с нимбом, нарисованным некоторыми набожными, но духовно не обновленными, индивидуумами.

Несомненно, что, скорее, именно он имеет нечто достойное для передачи, чем метафизик, который считает его всего лишь медником, потому что тот не знаком с терминологией того или иного ритуала.

Пока этот урок, тем или иным способом – а у него много форм – не выучен, то и учеба и практика, формальные или иные, несостоятельны, кроме как для цели удержания людей занятыми, что бы там они ни думали, что бы ни говорилось о том, что они делают.

Интересно отметить, как традиционные предупреждения против случайных группирований оказываются подтвержденными, если за этим понаблюдать. Саади в известном отрывке сказал, что одна собака может осквернить целый бассейн с розовой водой. Но самое точное, что можно сказать про то, что происходит в случайно собранных учебных группах, – это то, что различия в требованиях участников и самой группы препятствуют ее членам – индивидуально и коллективно – в понимании и концентрации на важных и весьма тонких идеях, что требует много внимания и мало отвлечений.

Хусри, цитируемый Худжвири, говорит: «Существование суфия лишено не-существования, и его не-существование не имеет существования». Такая идея требует концентрации. Даже одному человеку трудно удержать ее в голове, главным образом потому, что сам он переполнен мыслями и идеями. С группой это еще трудней.

ОСОБАЯ ГАРМОНИЯ

Группа должна быть способной развить восприятие смысла следующего состояния, опять из Худжвири: «Следует, чтобы состояние смертности суфия было в неопределенности, и исчезли его ощущения, и прекратилась его связь со всем, чтобы тайна его существования могла проявиться и его отдельные части стали единым с его сущностью, его реальным Я, чтобы он пребывал в бытии».

На практике, не говоря о теории, группы людей обычно не заинтересованы в достижении таких состояний, хотя они могут даже воображать себя мистиками или эзотеристами.

Вокруг много людей – сегодня их легко найти – которые пытаются жить в случайно собранных группах и терпят неудачу. Затем они ищут другие группы или пытаются продолжать духовное или психологическое развитие некоторым другим путем.

Однако, легко видеть, почему они терпят неудачу: они *не подготовлены готовиться* к такому опыту. Они либо чувствовали, что готовы к опыту, либо, что членство в такой группе даст им то, что нужно.

Такая позиция вполне понятна и присутствует всякий раз, когда не хватает информации, каким бы сильным ни было рвение. Возможно, забывается вторая строка пословицы:

Лишь когда печь горяча, сажай в нее тесто:
Но убедись сперва, что это действительно тесто.

Ценность занятий в форме вопросов и ответов

В: Что вы скажете об особой потребности во 'времени, месте и людях', а также о ценности и ограничениях занятий в форме вопросов-и-ответов?

О: Если вы возлагаете большие надежды на технику групповых собраний с периодическим использованием вопросов-и-ответов, то продвинуться вы сможете, но в определенной точке прогресс прекратится.

Так происходит потому, что любое обучение, которое не использует в *должной пропорции* все виды занятий (упражнения, учебные задания, теорию и практику и т. д.) неизбежно достигнет точки, где некоторые люди уже получили от каждого вида занятий кто сколько может, в соответствии со своей способностью, и с этого момента, в отношении своего развития, 'покатятся вниз'.

Вопрос о *должной пропорции* не может быть понят людьми (ни учителями, ни учениками), не находящимися на более высоком стабильном уровне сознания. Если только нет специальной настройки, то ни интуиция, ни апелляция к авторитету, ни усердное исследование, ни старшинство возраста, ни другие факторы не смогут заменить знания о том, какой вид занятий применить, с кем, каким способом.

Ведение дела с пренебрежением к этому факту порождает группирование на социальной или имитационно-академической основе. Эти группы могут называть себя как им вздумается:

прогрессировать они будут разве что в социальном плане.

То же самое справедливо для групп людей, остановившихся на исполнении ритуала, мемориальных действиях или стереотипной фразеологии, даже и освященных традицией.

Существование столь многих организаций для обучения, во стольких культурах и эпохах, с таким разнообразием внешних форм – это проявление подлинных групп, которые были приспособлены к обществу в данном месте, в данное время, с данным учителем.

Из всех видов человеческой деятельности тот, который включает обучение по ту сторону обычных восприятий, должен, прежде всего, быть спроектирован в согласии с местом, временем и людьми: последнее включает направление усилия, что хорошо проиллюстрировано следующей историей:

ЕСЛИ У ВАС ЗАНЯТЫ РУКИ

Однажды темной ночью, мулла Насреддин, ужасно испуганный, путешествовал с мечом в одной руке и кинжалом в другой. Он слышал, что это надежные средства защиты.

В пути ему встретился разбойник, который забрал осла и седельные сумки, полные ценных книг.

На следующий день, когда Насреддин оплакивал свою судьбу в чайхане, кто-то спросил:

«Но что ж вы дали ему уйти с вашим имуществом, мулла? Разве у вас не было средств отпугнуть его?»

«ЕСЛИ БЫ руки у меня не были заняты, – ответил мулла, – это была бы другая история».

История, конечно, используется чтобы указать, что у людей может быть некая переданная формула («оружие – это защита»), но не быть способности понять как ее применять.

Подобно Насреддину, они просто таскают инструменты...

Необыкновенное упорство в повторении только формы, а не действенного содержания, наблюдаемое в религиозной передаче, является свидетельством установки, свойственной человеку.

Как социальные образцы, древние Китайская, Вавилонская и Египетская цивилизации, например, просуществовали в течение тысячелетий не потому, что они были особенно хорошими, правильными и необходимыми: но потому, что они распространялись и поддерживались людьми установки и, к тому же, в них была некоторая инерция, предохранявшая от похвальных изменений. Они не развились далее определенной стадии.

Люди ценят форму и дорожат формой, и, следовательно, не оценивают поначалу реальность суфиев, хотя думают, что оценивают, ошибочно принимая некоторые внешние формы за реальность суфиев. Именно по этой причине великий старейшина среди суфиев, Сахл сын Абдуллаха из Тустара, говорил:

«Сначала вы можете не оценить суфизм, но как только оцените, будете ценить его до конца ваших дней».

БЕССИЛИЕ ОЖИДАНИЙ

Форма как раз может включать ожидание, так как во всем мире люди всех типов склонны высоко оценивать переживание ожидания и, особенно, желание награды. Форма подразумевает принятие автоматических или обусловленных ожиданий, и поэтому суфии своими условиями обучения

пренебрегают этим. Вот что по этому поводу сказал более тысячи лет назад Яхья сын Мааза из Балха: «Аскеты отрекаются от этого мира, но суфии отрекаются также от ожиданий последующего. Аскеты ищут удовольствий Рая, но суфий – чужестранец даже в Раю».

Его современник Сари ал-Сакати (умер в 867 году н.э.), подчеркивая насколько переплетены привязанность к форме и к самому себе, говорит: «Истинная мудрость есть отсутствие привязанности к себе и преданность Истине». И суфизм по традиции называется «Истиной без формы».

Что касается ограничений на занятия в форме вопросов-и-ответов, ответственность (ограничивать их до полезного содержания и продолжительности) лежит на учителе.

В своих *Застольных беседах*[1] великий мастер Джалалуддин Руми сказал:

Ночь прошла, а разговор наш не окончен:
В чем виновна ночь была?
Разговор был слишком длинен.

И не забывайте о случающемся высвечивании того, что скрывается в некоторых, по общему мнению, духовных людях и что может выскользнуть наружу в атмосфере вопросов-и-ответов. Внезапно увидев свои собственные несоответствия, фальшивые гуру могут научиться быть настоящими, в Индии этому есть довод, традиционно облеченный в шутливую форму. Вот история:

«Гуруджи, почему вы не принимаете своего сына в Учение?» «Потому что учить сынков богатеев даром – против моих принципов!»

[1] Fihi ma Fihi, издано профессором Фурузанзафаром в Тегеране, 1952.

Посвящение, служение, искренность

В: Есть ли в чувстве искренности, вызывающем сомнения, что-то от реальной искренности?

О: Понимать, что кто-то занят чем-то для собственного развлечения, но убежден при этом, что делает что-то для других, – это один из тех аспектов знания, который наиболее сильно смущает обладающего им.

Подобное знание заставляет испытывать чувство стыда за такого человека, и меня поражает ущербность культуры, которая приучает этого несчастного индивидуума воображать, что он служит кому-то или чему-то, тогда как, вместо этого, он стремится к личному удовлетворению.

Нет никакой надежды ни в настоящее время, ни, вероятно, в ближайшем будущем, что большинству таких людей можно показать, что они делают – для себя и для других.

Не менее печально и то, что пока человек гонится за самоудовлетворением, полагая, что это нечто иное, он и не получает настоящего удовлетворения и никогда ничего не делает ни для кого-либо другого, ни для дела, ни для своего истинного 'я'.

Вместо того, чтобы рассматривать эту проблему, человек предпочитает гордиться собой и по-детски восклицать: «Посмотрите, чего я достиг с тех пор, как слез с дерева».

Не лучше ли оставаться на дереве?

Это важнейшая техническая проблема. Что касается некоторых людей, ее, конечно, можно решить. Но сначала ее надо заметить. Сегодня ни одна культура не предоставляет сколько-нибудь пригодного теоретического или практического метода привлечения внимания к данной проблеме, не говоря уж о том, чтобы что-либо с ней сделать. А между тем, для развития человечества эта проблема остается одним из главных камней преткновения.

Вместо показа того, что завуалированный поиск удовлетворения является маскарадом и таким же препятствием, как и любое другое действие 'понарошку' (пока вы вовлечены в притворство, вы не можете делать ничего другого), многие культуры освящают и используют этот порок. Вместо слов: «Вы развлекаетесь, занимаясь той или иной игрой – национальной, культурной, религиозной, духовной», – говорится, возможно: «Это не игра: это серьезно. На самом деле это путь на небеса». Из-за отсутствия достаточно высокого уровня понимания властители умов действуют слишком поверхностно.

Это произошло потому, что в некий момент в прошлом, из-за нехватки специалистов, знающих, что же происходит в действительности, места большей части мудрых людей оказались занятыми значительным числом невежд.

Если давать людям задачи или позволять им самим выбирать их, то это часто либо приучает их к таким задачам, либо может побуждать получать садистское или мазохистское удовольствие от тех действий, которые влекут за собой служение, посвящение, страдание и т.д.: без углубленного проникновения.

Единственная надежда, что появится кто-то, кто время от времени будет предписывать человеку что следует и чего не следует делать, укреплять его истинные усилия, препятствовать ему становиться попугаем или машиной, или не давать ханжеству брать верх.

Говорить человеку, что кто-то может лучше, чем он сам, знать в каком направлении ему идти, непопулярно.

Да, непопулярно. Однако нельзя надеяться, что все правильное всегда будет популярным. Людям, бредящим тем, что они 'должны жертвовать', в последнюю очередь, ради них самих, может быть позволено жертвовать. Но что происходит? Каждая известная вам организация ищет именно таких людей, чтобы их пожертвованиями поддерживать свое существование.

Понимание этого мы и называем видением себя и видением других.

Вам могут помочь, давая вам дела, чтобы вовлечь вас в то, что не льстит вам и не эксплуатирует вас. Но, знаете, вам также придется сделать шаг навстречу. И это не означает стать принимающим, отрицающим или оставаться сомневающимся.

Ваше дело – изучать эту теорию и наблюдать ее на практике, и быть открытым к работе и учебе, действовать и жить, не формируя ненужный сверхупрощенный шаблон, как это делает большинство людей.

ПЕЩЕРА СОКРОВИЩ

В; Говорят, что преждевременная способность к проникновению за пределы обычного понимания, – хуже, чем ничего: поскольку ее нельзя использовать, или быть используемым ею. Говорят также, что

из-за жадности человек может все потерять и все же принести пользу другим. Что все это значит? Нельзя ли облечь это в более понятную форму?

О; Жадность – причина потери и невозможности извлекать пользу из несомненной прибыли. В метафизике это так же верно, как и в обычной жизни. Однако жадность одного может принести пользу другим, хотя результат к нему не относится и ничего ему не дает.

Древняя история, актуальная и сегодня, облекает все это в более запоминающуюся форму:

ИСТОРИЯ ОБ ОДНОМ КРЕСТЬЯНИНЕ

Жил-был Храбрый крестьянин, не преодолевший свои привязанности к несущественному. Однажды он проезжал на своем осле мимо волшебной пещеры как раз в тот момент, когда она в очередной раз явила себя человечеству. Крестьянин бесстрашно вошел в пещеру и обнаружил там груды сокровищ. Он стал выносить их и запихивать в седельные сумки. Когда осел был полностью нагружен, человек вспомнил, что оставил в пещере свою палку и бросился за ней. Но подошло время пещере исчезнуть. И как только он вбежал в нее, пещера исчезла вместе с ним.

Больше этого человека не видели, а его осел вернулся обратно в деревню. Люди, прождав некоторое время его возвращения, продали осла и поклажу и разбогатели...

Суфии и ученые-филологи

В: Что лежит в основе традиционного неодобрения суфиями определенных типов ученых[1], академических педантов как вы их называете?

О: Этих ученых, возможно, часто считают украшением общества и людьми полезными. Однако, в силу принципа, что всегда возникают неправильное понимание и искажения, когда не определено то, что может быть определено, следует ясно ощущать их декоративную и полезную стороны.

Частенько они желают внимания и делают все возможное, чтобы получить его. Они не столько стремятся распространять свои идеи, сколько требуют, чтобы их считали учеными. Ко мне постоянно обращаются видные ученые, которые просят цитировать их труды, потому что цитирование означает значительность. Эта деятельность – часть их желания быть замеченными, выставление себя напоказ. К тому же, некоторые из них ревниво относятся к особой одежде и другим принадлежностям и всевозможным ритуалам, вносящим свой вклад в их респектабельность. Эта характерная черта наблюдается также в других человеческих группах, у некоторых животных и птиц и ее, саму по себе, не надо рассматривать как нежелательную, даже хотя бы только потому, что мы получаем некоторое удовольствие от таких показов.

Подобно сосудам, а также переместителям, накопителям и анализаторам разного рода, такие ученые, по большей части, способны удерживать, сохранять, даже передавать материалы, с которыми имеют дело, – но не производить какое-либо реальное изменение в них. Например, ограниченный ученый, переводящий книгу, может, подобно кувшину с водой, которая в конечном счете будет выпита другими, передавать ее содержание кому-то, кто в состоянии впитать его.

Недалекие ученые, будучи, однако, людьми, а не животными или объектами неживой природы, иногда склонны путать свои собственные желания со своим реальным воздействием и возможными функциями. И это лишь потому, что у них, возможно, есть образ себя, взлелеянный, но неизученный. Как недавно один из них сказал нам вот в этой комнате: «Мы просто ничего не можем с этим поделать!» Возможно, это не изучается, но это замечено. Ведь в Оксфорде, а не у суфиев, возникла такая шутка:

«Я – глава Баллиол колледжа, и чего не знаю я, знанием быть не может!»

Ученым нелегко изучать других ученых, так как в силу своей вовлеченности они вряд ли способны достичь достаточной объективности.

Однако, ученых могут изучать суфии. Не счесть суфиев, бывших когда-то учеными, но нет, наверное, за всю историю, ни одного известного нам суфия, который впоследствии стал ученым. Поэтому ученость можно рассматривать как стадию, после которой *можно* стать суфием.

Суфии никогда не следовали за учеными, хотя часто были равны или превосходили ученых в учености.

Для суфиев это возможно, потому что они считают ученость не конечной целью, а чем-то полезным, с преимуществами и ограничениями, соответствующими этой функции. Довольно часто ученые не проявляют признаков понимания того, что существует нечто за пределами учености, и

---

[1] В настоящей книге, если это особо не оговорено слово ‘ученый’ означает ученый-филолог (Прим. перев.)

следовательно, они неспособны – до тех пор, пока пребывают на этой стадии, – возыметь более высокую цель. Чтобы двигаться вверх, даже в своей области, всегда нужно иметь стремление к более высокому состоянию, чем то, что есть.

Такие ученые не могут выйти за границы своего понимания учености, и это вынуждает их вести себя следующим образом:

1. Они склонны уверять себя, что ученость – это нечто наивысшей природы и что ученые – это высокий и даже особый продукт со своего рода свойством интереса к истине или даже специфической, возможно уникальной, способностью к ее восприятию. Исторические свидетельства об ученых в отношении этого, не говоря уже об их личном опыте, когда события опровергают это, ученых не обескураживают.

2. Поскольку внутренне они знают, что не верна их позиция, они-то и вынуждены обращаться в соответствующей области к изучению работ их оппонентов (суфиев). Вот почему, как справедливо заметил один суфии, ученые изучают работы суфиев, но суфиям нет нужды изучать работы ученых.

Эта тенденция низшего – пытаться выполнять функции высшего, несмотря на ограничения, делающие его неспособным к этому, проявляется в поведении детей, животных и других менее развитых или слабых индивидуумов. Маленькие мальчики притворяются взрослыми или же учатся тому, что, как они воображают, делают или говорят взрослые. При этом они довольно естественно воздерживаются от возможности отметить утверждение взрослых, что мальчики – это всего лишь мальчики.

Здесь уместно подчеркнуть, что тогда как ребенок может вырасти, то мужчина не станет опять незрелым мальчиком. Для любого суфия ученый того типа, что мы описываем здесь, слишком наивен (если не в спорах, то в знании), чтобы стать таким ученым. Эту стадию суфии уже прошел, если ему было нужно ее пройти.

Если ребенок не растет должным образом, он станет либо несформированным, инфантильным человеком, либо умрет. Вот две альтернативы прогрессу. То, что человек воображает о себе, или то, что он сумел внушить о себе другим, не оказывает влияния на реальность ситуации, хотя может повлиять на мнения относительно природы реальности. Мало кто будет спорить, что есть различие между реальностью, наблюдаемым событием, и предполагаемыми событиями, которые созданы мнениями и поддерживаются постоянным повторением.

Любое внимательное изучение работы академического плана покажет, как удивительно часто не осознается, например, различие между полемическим и информационным сообщением.

Оппозиция суфиев ученым никоим образом не есть оппозиция к учености. Это оппозиция к тому, чтобы считать ученость тем, чем она не является. Если бы, например, люди верили, что хлеб и молоко – единственно правильные и ценные виды пищи, это означало бы, что те, кто ест хлеб и молоко, могут воображать, что ощутили это и имеют дело с самым лучшим питанием. С другой стороны, там, где доступны другие виды пищи, превосходящие в некоторых или же во многих отношениях те, что только считаются единственными или наилучшими, есть основания для критики.

Другое возражение, традиционно выдвигаемое суфиями, более всего в интересах ученого и его последователей. Широко известно, что ложное представление индивидуума о себе, и, в частности, фантазия, что он важнее, чем есть на самом деле, может оказать неприятное и разрушительное воздействие на него и на тех, кто, возможно, на него полагается. Игнорировать такие схоластические представления, будучи в состоянии благотворно критиковать их, равноценно тому, чтобы позволять человеку причинять вред себе и другим, происходит ли этот вред от невежества или злого умысла. Практически все общества в своих социальных требованиях одинаково запрещают оставлять без внимания подобную ситуацию, если уж она замечена.

Если нет средств удержать одних людей от этого безответственного курса (или эти средства невозможно применить), то роль суфия – сделать доступной информацию, на базе которой другие могли бы уберечься от распространения этой порчи. Или он мог бы иным образом содействовать исправлению указанного несоответствия.

Защита и руководство – это функция суфия, превосходящая любую психотерапевтическую роль. Тем не менее, легче суфию делать свое дело, чем страдающему увидеть свою собственную ситуацию, так как жертва может укреплять и сохранять свою болезнь всего лишь посредством догматической деятельности и постоянного напряжения, пропагандой и т.д. Страдающий продолжает подпитывать свое собственное патологическое состояние, потому что утратил ощущение того, что нездоровье в действительности вовсе не является частью его самого. Поэтому он боится потерять его, так как теперь воображает, что такая потеря означала бы потерю самого себя или части того, что он принимает за себя.

Когда недомогание к тому же связано с желанием поддерживать общественный или иной престиж или сохранить свой хлеб с маслом, неадекватная позиция ученого действительно трагична.

Такое состояние описано древними авторами на особом языке, когда они рассказывают о людях, одолеваемых демонами и воображающих, что демоны – это они сами.

Оппозиция суфиев и ученых, как и оппозиция буквалистов и эмпириков, в человеческом обществе во все времена имеет также и другую сторону, чрезвычайно интересную.

Много – возможно большинство – ученых, первоначально выступавших против наших книг по традиционной психологии, стали горячими сторонниками идеи высших измерений в обучении, и многих из них я считаю моими друзьями. За прошедшие десять лет появилось несколько книг и многочисленные работы, в которых ученые показали эту перемену в убеждениях. Как происходит эта перемена?

Обратите внимание на широко известный в социологии факт, что лучшими друзьями становятся совсем не те, кто с самого начала привлекал друг друга или кто пленился идеями другого. Напротив, было установлено, что человек, противостоящий вам, вероятно, станет более верным другом, чем тот, кто становится другом сразу же. Это может показаться странным, но, как я сейчас покажу, этот факт был, безусловно, известен мыслителям и эмпирикам на протяжении веков.

В отличие от поверхностного уровня, на уровне восприятия существует связь, ведущая к гармонии между номинально противостоящими людьми или позициями. Будь это не так, согласие никогда бы не последовало за несогласием. Но есть более веское указание, чем это.

Первая иллюстрация, которую мы можем использовать, чтобы представить это явление в терминах, до некоторой степени, знакомых нашей нынешней аудитории, – это высказывание Джалалуддина Руми о том, что «если явно одно противостоит другому, то, в действительности, они, возможно, работают совместно». Причина, по которой люди обычно не связывают это с присущей противоположностям гармонией, в том, что для оценки высказывания они используют только свое вторичное я, Поскольку они не воспринимают это взаимодействие противоположностей, когда оно возникает, то полагают, что ощущаемая ими оппозиция есть главный фактор.

Во-вторых, если обратиться к Новому Завету, где Иисусу приписывается высказывание «любите врагов ваших», вы увидите, что и с этой точки зрения так же можно быть в гармонии с тем, кто противостоит вам, поскольку эта оппозиция, вполне вероятно, – начало дружбы, как бы это ни выглядело внешне. Поэтому к высказыванию «любите врагов ваших» следует относиться не как к благородному чувству, которое, главным образом, сделает вас лучше, а как к предписанию, которое, на самом деле, описывает более глубокие измерения, уже присутствующие во взаимоотношениях.

С этим параллелизмом между парадоксальными поучениями и существенным фактом сталкиваешься в условиях более глубокого понимания, хотя проиллюстрировать это для тех, кто не имел соответствующего опыта, сложно. Трудно иллюстрируемый в личных отношениях, особенно там, где затронуты индивидуальные разногласия, он может быть выявлен в социальных ситуациях, где не действует внешнее 'я'. Примирение, знакомое всем нам в личных и общественных отношениях, – это не столько объединение противоположностей, сколько раскрытие сути ситуации, скрытой субъективностью.

Кажется, что суфии и ученые находятся в оппозиции. Но когда они узнают подходы и знание друг друга, эта 'оппозиция' исчезает.

МЕТКИЕ УЧЕНЫЕ

Сами ученые очень хорошо знают о главном пороке своей профессии, а именно, сверхспециализации и зашоренном догматизме. Вот история обо всем этом, рассказанная мне ученым, который, в отличие от многих своих коллег, признался, что знает, что похож на героев этой истории, но полагает, что ничего не может с этим поделать:

Случилось так, что во время войны небольшая группа ученых была призвана в пехоту. После обучения все они оказались великолепными стрелками, попадающими в 'яблочко' гораздо чаще других новобранцев.

И вот пришло время участвовать в сражении. Враг наступал, и был отдан приказ стрелять. Никто не пошевелился. «Бога ради! – вскричал офицер – почему вы не стреляете?»

«Не можем, болван! – заорал в ответ один из ученых. – Ведь нас не учили стрелять в *людей!*»

Предприятие оценивается по замыслу, а не по внешней форме

В: Прокомментируйте, пожалуйста, утверждение: «Успех предприятия оценивается по замыслу, а не по его внешней форме»?

О: Это утверждение проще, чем кажется, хотя скрывает определенные недоразумения, имевшие место в прошлом.

Допустим, кто-то пытается выкопать яму, и его цель – выкопать яму. Успех копания ямы определится тем, будет она выкопана или нет. Но внешне это может выглядеть так, будто человек пытается найти золото. Если наблюдатель подумает, что цель в том, чтобы найти золото, он назовет яму 'неудачей'.

Аналогично и с учениями, институтами, теориями и т.д. Многие были успешными, хотя казались неудачными. Многие неудачные казались успешными, потому что цели, стоявшие перед ними, не были широко известны.

Такая ситуация таит в себе двоякую опасность:

1. Самозваные наблюдатели могут превратно понимать цели.

2. Люди, намеревавшиеся первоначально добиться успеха в одной области, могут поддаться искушению сделать то, что легко может быть названо 'успехом' в некоторой другой области.

Существует психологический механизм, посредством которого индивидуум может убедить себя в том, что он пытался сделать нечто иное, чем на самом деле задумывал, и, таким образом, может пожать плоды 'успеха'; в равной степени это верно и для общества.

Прогресс человека замедляется или прекращается, когда нацеливаются на очевидный успех (то, что людям легко описать как успех) и теряют импульс, необходимый для достижения цели.

Пример. 'Ложный успех':

Мулла Насреддин, упав с осла, говорит осмеявшим его школьникам: «А я и собирался упасть».

Пример. 'Истинный успех':

Группа врачей успешно провела вакцинацию всего населения от эндемического заболевания, тогда как местные жители могли подумать, что они выполняли некий магический ритуал.

Пример. 'Возможные, но несущественные составляющие успеха':

Некоторые, или даже все, из привитых людей узнают о цели прививки и о том, что лежит в ее основе.

Суфийские организации

В: Не могли бы вы что-нибудь сказать о суфийских организациях, в прошлом и настоящем?

О: Суфийские организации возникают время от времени. В их цели входит привлечение, концентрация и передача определенных восприятий.

Эти организации могут иметь, а могут и не иметь то, что в обычном обществе обыкновенно принимают по виду за духовное или 'эзотерическое'.

Этот поверхностный аспект не так важен.

Основная цель суфийской деятельности иногда выражается как способствование процессу трансформации человека.

Этот процесс может иметь место лишь в том случае, если организация, видимая, распознаваемая или нет, адекватно настроена на человека.

Сама эта настроенность может придавать организации 'невероятную' внешнюю форму.

Все подобные образования являются временными формами. Когда их эффективная жизнь завершается, на их место приходят другие.

Внешняя форма, или оболочка, может, тем не менее, продолжать существовать и ухитряться выполнять социальные и иные сравнительно менее значимые функции. Те, кто унаследовал эти формы, редко, если вообще когда-либо, понимают, что само образование 'органически мертво'.

Вот почему в самую последнюю очередь искать продолжение той передачи, что обсуждается здесь, следует в очевидно хорошо утвердившихся традиционалистских организациях. Последние более эффективно можно описать как археологические реликты, легко распознаваемые как таковые теми, кто знает их первоначальные пределы, цели и жизненность.

Они развивают некий вид квази-приспособляемости или, наоборот, жесткости – или же их комбинацию, что заставляет их либо прибегать к новым формулировкам, либо пытаться бороться с ними. Тем не менее, им всегда не хватает настоящей приспособляемости, согласующейся с современными нуждами.

Эта особенность появляется, когда имеется озабоченность сохранением архаичных, анахроничных форм. В противоположность этому, эффективное высшее учение всегда стремится использовать любую форму, в рамках которой оно может исполнить свою миссию.

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

Для понимания суфийских организаций необходимо познание того, что лежит за внешним. Как говорит Руми в *Fihi ma Fihi,* 'В ней то, что в Ней':

> Если движется рукав, то движет им рука. Но если движется рука, рукаву двигаться необязательно. Так, если вы смотрите на следствие и не знаете причины, вы вообразите, что 'рукав' – это нечто со своей собственной жизнью!

Даже короли не обладают иммунитетом против привычки делать поспешные поверхностные выводы. Вот какому случаю стала причиной техника на научно-ориентированном Западе:

> Английский король Эдуард VII увидел пыхтящий трясущийся предмет, направляющийся к нему. «Что за черт?» – воскликнул он, и затем едва вымолвил:
> «Боже милостивый! Это же Дьявол!»
> Но это был автомобиль...[1]

[1] J. W. Day, *Kings and Sandringham Thought the Ages.* Ipswich, 1977.

Собираться вместе

В: Что такое гармонизация общины методом, который называется 'Собираться вместе'?

О: Ядром видимого аспекта, называемого 'суфизмом', является группа людей: все ее участники собираются вместе для занятий, предписанных им их учителем.

Это необходимо для реализации, приходящей от бытия суфия. Эта группа может называться общиной, объединением, собранием. Неважно как она называется, важно увидеть, как каждая форма человеческих исканий, которая впоследствии становится системой, 'религией', или предприятием какого-либо рода, исходно основывается на этом собирании вместе. Часто ее называют словом *Jam* – собираться вместе, произносится же оно как бы в рифму со словом 'гам'.

Собрания для богослужения, всевозможная совместная работа, учение в группах – все они производные от этого основного фактора и, обычно, в выхолощенном виде.

Именно суфии, настоящие суфии, – хранители исходных средств для работы в *Jam*. С течением времени, в обычных общинах, где нет специальных хранителей, действие такого собирания вместе становится все менее эффективным, все более и более формализованным или весьма общим, пока *Jam* и вовсе не исчезает. То, что приходит на его место, является либо социальной 'объединенностью', либо эмоциональным энтузиазмом, либо обусловленным рефлексом быть в коллективе.

Никакие более высокие достижения невозможны для человека до тех пор, пока обстоятельства этого собирания вместе не будут правильными: пока оно не станет объединением, включающим подходящих людей, в правильное время и в правильном месте. Нетерпение, невежество, сентиментальность, интеллектуализм заставляют людей преобразовывать истинную *'Jam'* ситуацию до тех пор, пока она не становится чем-то иным.

Это важное знание всегда существовало, и продолжает существовать, в человечестве. Однако, пока люди способны видеть лишь бесчисленные формы выродженного '*Jam*' – которые они принимают или отвергают в соответствии с тем, кажутся ли они им привлекательными, заслуживающими доверия или 'истинными', – поверхностное и, вообще, популяризированное мышление затмевает реальное действие такого собирания вместе.

Часто бывает невозможным реформировать деградировавшую общину собирающихся вместе. Только разрушив старые привычные шаблоны и заново объединив тех, кто реально может быть сгармонизирован, возможно ее возродить. Это может породить совершенно иную внешнюю форму цельного усилия, возможно, неприемлемую, для тех, кто привык к ложной ситуации. Отбор участников на основе их способностей, а не их предполагаемой важности, всегда вызывает недовольство у утративших способность к адаптации. Такая потеря гибкости, в свою очередь, является неотъемлемой характерной чертой людей и групп, действующих по автоматическим шаблонам и нуждающихся в возрождении.

Установлено, что правильные общины и организации 'стопорятся' и у них развиваются специфические черты, отличные от тех, что были в начале. Такое возможно либо из-за господства нежелательных характерных черт у участников, либо из-за существования широко распространенной среди людей и групп тенденции: пытаться стабилизироваться, используя ближайшую доступную организацию, независимо от того, дает ли такой вид стабилизации выгод больше, чем потерь.

Это главная постоянная причина для периодического проявления живущих учителей. Только они одни могут восстановить гармонию и равновесие в кругах и индивидуумах, которые пожертвовали этим в поиске непрерывности и обретения уверенности в надежде на стабилизацию.

Если бы можно было достичь цели систематизированным способом, то средства для этого были бы давным-давно сформулированы и записаны: подобно тому, как записаны и применяются в физике и прикладных науках законы обычной материальной устойчивости и взаимодействия.

Реакция публики на усилия реального учителя восстановить равновесие организации всегда предсказуема. Это будут: отчаяние, смятение, желание стимулов, страх того, что что-то может быть отобрано, непринятие, и желание принять для того, чтобы извлечь выгоду из 'новой фазы'.

КОРАБЛЬ ВО ВРЕМЯ ШТОРМА

Мулла Насреддин возразил капитану корабля, приказавшему срочно убрать паруса, сказав: «Вы что, не видите, ведь опасность на уровне моря!»

Учитель, как бы он ни сожалел об этом, не может избежать необходимости говорить, что он – тот, кто обладает техническим знанием, кто решает чему уделить внимание, корпусу или парусам.

Если он успокоит 'муллу', обвязав корпус канатом, то корабль, возможно, никогда не достигнет порта: то есть мулла может погибнуть во время шторма в состоянии полнейшего спокойствия, уверенный, что все его желания исполнены.

Есть два вида общин: к первому относятся те общины, что созданы и поддерживаются, говоря современным языком, идеологической обработкой; ко второму – те, что собраны и сгармонизированы тем, что начали работать с правильными материалами и правильным знанием.

Что касается понимания более тонких возможностей группы и более тонкой ее настройки, то имеется аналогия этой ситуации в пояснении Руми различия между разными уровнями восприятия религии. В *Fihi ma Fihi* он говорит:

Некоторые совсем еще дети на Пути, они пьют молоко Корана, его буквальный смысл. Достигшие зрелости обладают особым восприятием и другим пониманием относительно того, что является внутренним смыслом Корана.

Сокрытие недостатков

В: В английском переводе *AWARIF EL MAARIF,* суфийского учебного руководства, я встретил утверждение о том, что ученику следует скрывать недостатки его учителя. Как может человек быть учителем, если у него есть недостатки?

О: Вопрос можно было бы поставить почти наоборот: как учитель может быть человеком, если у него *нет* недостатков? Однако, отвечая на ваш вопрос, более правильно и, вероятно, полезнее будет указать на тот факт, что, если некто – ученик, то это означает, что он, возможно, считает некоторые непонятные ему действия его учителя недостатками. Это вопрос понимания.

Если ученик воображает, что что-то сказанное или сделанное его учителем – неправильно, тогда как на самом деле это не так, и публично настаивает на том, что его учитель имеет недостатки, последствия будут нежелательны для каждого.

Известно, что как-то Марк Твен рассказал, что в юности считал своего отца невеждой. Каково же было его удивление, когда повзрослев, он обнаружил, сколь многому сумел научиться старый человек всего за несколько лет. Предположим теперь, что в промежутке между этими двумя наблюдениями, он огласил бы тот 'факт', что его отец – невежда, каковы были бы последствия?

Однако, прежде всего, это утверждение является напоминанием, что первостепенна необходимость понимания.

Кроме того, вам следует знать, что суфии всегда утверждали:

что бы ни пришло в эту 'обитель распада' – наш мир – оно должно нести на себе печать его несовершенства.

Газали, один из величайших суфиев, сказал в 12-м столетии:

«Учащемуся следует знать, что из ошибок своего учителя, даже если тот делает ошибки, он получает больше, чем из своей правоты, даже если он прав». Каждому, интересующемуся суфизмом, следует серьезно поразмыслить над этим утверждением.

Святые и герои

В: Вы говорите о 'героях' и 'святых'. Как используются эти термины?

О: Герой это тот, кто готов пожертвовать всем ради ценностей, признанных его общиной жизненно важными. Они считаются жизненно важными при любых обстоятельствах, потому что за ними закрепилась определенная форма оценки, и определенная форма принятия 'утвердила' их в менталитете людей общины. Короче, они вовсе не обязательно являются истинами, но определенно – договорными принципами.

С другой стороны, святой это тот, кто старается ради того, что должно быть сделано, а не того, что, как предполагается, должно быть сделано. Его источник знания о том, что должно быть сделано, фактический (реальное знание, не предположение).

Те религиозные люди, которые жертвуют собой в силу их эмоционально обусловленной приверженности какой-то доктрине, возможно, герои, но не святые. Те герои, которые жертвуют собой в силу реального знания, хотя оно может выглядеть логическим или интеллектуальным знанием, на самом деле, святые в том смысле, как используют это слово суфии.

Люди склонны подражать 'героическим' чертам героев, а также тех, кого они признают святыми, просто потому, что публика, будучи склонной к обусловливанию и эмоциональному возбуждению, может распознать 'социальную жертву' из области героизма, но, в общем случае, – не 'сущностную жертву', относящуюся к сфере святости. Слово святость, в суфийском употреблении, обозначает объективное знание, а не чудеса или репутацию святости.

Скажем так: если человек погибает, потому что таким образом он сохранит жизни других людей, и ситуация очевидна (враг на пороге), его назовут героем, даже святым, а может и тем и другим. Но если он погибает или не погибает, принося жертву, которую не всегда понимают его собратья, так как они недостаточно внимательны для восприятия, он, возможно, святой. Они могут канонизировать его или не канонизировать, что зависит не от их восприятия его святости, а от их мнения о его святости и героизме, что совершенно иное дело.

Наш мулла Насреддин в одном из своих похождений совершенно ясно показывает, как люди стремятся действовать 'героически' и... ничему не учатся – давая, однако, разумные пояснения ситуации так, чтобы удовлетворить свое желание оставаться на высоте положения. Для непредвзятого наблюдателя результат смешон, тогда как он может оставаться 'логичным' для всякого, кто принимает предположения, якобы вызвавшие само действие.

Как-то Насреддина пригласили к одному вельможе и там предложили прокатиться на лошади.

ЛОШАДИ И УЛОВКИ

Как только лошадь подвели к Насреддину, он вставил правую ногу в левое стремя, взлетел в седло и... оказался лицом к ее хвосту.

«Может быть вам непривычна посадка джентльмена», – фыркнул аристократ.

«Отнюдь, – сказал Насреддин. – Я, со своей стороны, предпочитаю думать, что прекрасно вижу уловки людей, пытающихся подсунуть мне лошадь задом наперед».

Уровни служения

В: Я слышал о «трех уровнях состояния служения». Что это означает? Как это согласуется с мудростью, и как раскаяние согласуется с мудростью и служением?

О: 1. *Структурный уровень:* человек работает, получает деньги, его работодатель извлекает выгоду, продавая продукты его труда.

2. *Психологический уровень:* 'А' служит, служение делает его счастливым. 'В' и/или организация получают пользу от материального или эмоционального продукта служения 'А'.

3. *Более высокий уровень:* 'А' служит, добивается заслуг, избегает потреблять их в форме самоудовлетворения или требования внимания. 'В' (или организация) получает пользу от его прогресса и возвращает обратно эту прибыль в свое учение.

В: Но как человек может достичь такого баланса, чтобы получать ровно столько – и не более – самоудовлетворения от стадии служения, чтобы иметь 'накопления' от конструктивного служения, которые в будущем были бы ему полезны?

О: Есть пять необходимых условий, которые делают это возможным:

1. Человек должен быть в состоянии допустить, что вышеприведенный анализ правильный.

2. Он должен ознакомиться с этим доводом, памятуя, что в его голове уже укоренились весьма поверхностные представления об анализе ситуаций и природе служения.

3. Он должен осознать, что просто предположение, что он понимает предшествующее, является прелюдией к тому, чтобы его забыть.

4. Ему необходимо пройти через специальные упражнения, что даст ему возможность думать новым способом столь же последовательно как и тем, обычным, который сейчас привычен для него.

5. Ему придется проверять себя на предмет, не ждет ли он от своих занятий или от жизни слишком многого, в смысле немедленной отдачи, и, следовательно, не поглощает ли ценный материал переживаний в качестве эмоциональных стимулов для смягчения напряжений, вызываемых беспорядочными ожиданиями.

Что касается мудрости и раскаяния, важно заметить, что теологическое мышление предполагает, что религиозные люди раскаиваются для того, чтобы поиметь Божественную мудрость или одобрение.

Но если вы осознаете, что многочисленные суфийские авторитеты доказали вечность суфизма, то увидите, что есть стадия и помимо современных религиозных рамок. Другими словами, суфии утверждают, что еще до религии к человеку должны придти здравый смысл и понимание. Все иное будет механическим или эмоциональным с недостаточной глубиной понимания.

Имеется большое количество материалов, где это доказано, так что мы просто приведем здесь один значительный пример. Абу-Наср Сарадж, в его важной работе *Kitab al-Luma,* сказав, что суфизм происходит от эры, предшествующей современной эре, эре ислама, объясняет, что, частично, мудрость приходит из раскаяния. Раскаяние для Избранных, мистиков, – это раскаяние в том, что они забывают о Боге. Но для учеников, учащихся, через их раскаяние в недостатках приходит мудрость. До начала религиозной жизни и прихода понимания, должна быть проработана масса психологических блоков, являющихся причиной недостатков. Состояние служения, о котором вы спрашиваете, включает действия, разрушающие эти блоки, большая часть из которых касается самофиксации.

Вопрос о допустимой мере личных стимулов обсуждается в шестой книге *Bostan* Саади в незабываемом отрывке, благодаря которому это можно удерживать в уме. Однажды одному просветленному человеку королем Хотана был пожалован шелковый шарф. От удовольствия человек расцвел подобно цветку, но сказал, поцеловав руку королю: «Какое благо уважение шаха Хотана – однако, сколь лучше собственная [суфийская] мантия!»

Я нахожу этот пример интересным, ибо он показывает право на необходимую степень эмоциональных стимулов во время поддержания относительной важности другой стороны жизни. Этот принцип редко отмечается в теологической литературе, где все вещи этого мира довольно часто отвергаются безотносительно необходимости определенных стимулов со стороны окружения.

<u>Ритуалы и практика</u>

В: Мне рассказывали, что вы сказали, что не всегда стоит обсуждать со спрашивающими статус и ценность культовых ритуалов и процедур. Почему?

О: Эти вопросы имеет смысл обсуждать лишь с теми, кто обладает необходимой базовой информацией о культовом поведении и человеческих группах. Она, конечно, имеется даже в популярных изданиях социологических и психологических материалов.

Время тратится впустую, если приходится объяснять элементарные идеи людям, которые пришли за более сложными идеями.

Полезные материалы возможно передавать лишь тому, кто уже взял на себя труд ознакомиться с тем, что известно, скажем, в вопросе о социальном характере культовых объединений.

Так как людей, действительно взявших на себя этот труд, довольно много, и они желают более глубокой информации и обсуждений, было бы несправедливо за их счет решать задачу элементарного образования, которое легко получить из имеющейся в массовом обращении литературы.

Леность и никчемность – приходить за подобной информацией к людям, пытающимся делать более глубокие вещи. Для людей, пытающихся учить, абсурдное невежество воображать, что они могут обучать любого и убеждать других верить в это.

Если кандидат в ученики не выучил первые шаги, а это он мог легко сделать по имеющимся готовым материалам о формировании культов, где описываются недостатки и воображения, связанные с культами, есть ли основание предполагать, что он будет в состоянии – или согласен – учиться последующим шагам? Такие отношения не работают ни в какой другой сфере, и мне неизвестно ни одного доказательства, указывающего на то, что они работают в нашей сфере.

Люди, которые охотно изучают самостоятельно то, что они могут изучать на более низком уровне, тем самым дают доказательство своей готовности учиться большему. Если бы мы имели доказательство обратного, ну не глупцами были бы мы, пытаясь их учить?

ЦЕНА ПЕРВОГО УРОКА

Стоит вспомнить ту историю о Насреддине, где он захотел научиться играть на музыкальном инструменте. Плата была такова: за первый урок – пять серебряных монет, за второй и последующие по три. «Прекрасно, – сказал мулла. – Начнем со второго урока».

Люди говорят и думают до бесконечности о том, что ритуалы и практики дают им или чего они не дают им. Но имеют ли они квалификацию, чтобы оценивать такие предметы?

В *Fihi ma Fihi* Руми приводит нам впечатляющий отрывок, где напоминает о том, как некто готов был в темноте обнять колонну, спутав ее с предметом своей любви. Он думал, в тот момент, что это любовные переживания. Но чем это было в действительности?

Человек, продолжает он, во сне может иметь много ярких переживаний, которые приносят ему огромное горе. Когда же он просыпается и понимает, что это был сон, то тут же забывает о всех своих горестях, хотя за несколько мгновений до того, они были весьма реальны для него. Впоследствии у него опять может быть аналогичный сон с возвратом всех тягостных переживаний. В спящем состоянии он не помнит, что это был сон, поэтому, временно, сон становится для него 'реальностью'.

Присутствовать

ЕСЛИ ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, что механическая регулярность в занятиях или физическое присутствие являются основой для более высокого знания, вы путаете их с чем-то иным. И это иное есть либо отголосок школьных дней, когда вы учились посредством повторения, либо бездумное предположение, основанное на вашем личном имитаторском опыте.

Осознайте это и удовлетворяйте ваши аппетиты внимание-требования и поиска комфортного состояния отдельно от ваших занятий, либо примите все, что может предложить вам Учение.

В последнем случае вам придется следовать курсу, продиктованному его обстоятельствами и формируемому не сентиментальностью, а эффективностью.

Это является истинным отличительным знаком между развлечением и подлинным стремлением, которое, как правило, предшествует проявлению способности учиться.

Физическое присутствие не всегда является реальным присутствием.

Механическое выполнение действий и опора на мантры-лозунги и объекты тотемического характера – вот что фактически делают многие, воображая при этом, что следуют учению, – суть формы привязанности к объектам или к тому, что им равнозначно. Конечно, поддерживать подлинное стремление трудно, и причиной скатывания людей ('птиц' в классическом произведении Фаридуддина Аттара *Mantic al-Tair,* 'Совет Птиц') на обочину является их жажда привязанности.

Даже разум, как напоминает нам Атгар в этой книге, не может помочь – помогает только то, что суфии называют Любовью; но она, сама по себе, является любовью к чему-то, к чему нельзя привязаться тем же образом, что и к человеку или к привычному понятию. Многие суфийские техники, выполняемые в соответствии с правильными указаниями, направлены на устранение этой механической склонности и пробуждению способности привязываться к Реальному.

Присутствовать физически, искать систему и определенную знакомую регулярность в учебе – это происходит от автоматизированного мышления. Требовать этого, потому что к этому имеется пристрастие, вряд ли конструктивно.

В: Однако [сказал кто-то], во всех известных мне формах учебы есть регулярность и организованность, некая система, которой твердо придерживаются. И неудивительно, что люди ищут систему и, вполне естественно, если ее не находят, то прекращают интересоваться.

О: Позвольте мне, перед тем, как ответить, задать вопрос вам, что поможет мне прояснить ситуацию. Вопрос такой: «Если существует формула подхода к учебе, записанная, скажем, семьсот лет назад и обнаруживаемая в книгах, непрерывно публикуемых с тех пор и практикуемая миллионами, то посчитаете ли вы нерадивым себя, если не знаете о ней и задаете вопросы о том, как найти такую формулу, или же сочтете более ответственными за это людей, связанных с этой учебой?»

[Спросивший ответил]: Если ответ на заданный мною вопрос имеется сейчас на моем родном языке и находится в обычной книге на эту тему (ибо полагаю, что прочитал все книги из этой области), то признаю ответственным себя, а не вас или других, подобных вам.

О: [Продолжает]. Прекрасно. Итак, вы читали выполненный профессором Арберри в 1961 г. перевод книги Руми *Fihi ma Fihi,* написанной в тринадцатом столетии, с издания профессора Фурузанфара 1952 г., опубликованный в Англии? [Спрашивающий]: Да.

О; [Продолжает]. Что ж, давайте откроем эту книгу. На шестидесятой странице Руми сравнивает путешествия по морю и по суше и устанавливает разницу между ними, не так ли? Он поясняет, что тогда как ориентиры – я назову их знакомой системой – идущему по суше видимы, эквивалентные стадии путешествующему морем не видимы тем же способом, не помечены. Они известны капитану. Капитан корабля знает их, но ходокам по суше о них не рассказано, ибо они не в состоянии понимать. Можно ли в таком случае сказать, что там нет системы, или что она не проводится в жизнь? Конечно, нет. Теперь вы видите, что просите рецепт приготовления джема по методу, которым выращивают пшеницу?

[Спрашивающий]: Да, действительно. Я могу лишь сказать, что не привык думать таким образом, не привык к подобному подходу... Очевидно, мне необходимо овладеть более гибкой точкой зрения на эти материалы.

Путь в суфизм

В: Нельзя ли сделать несколько замечаний о современном характере восприимчивости человека к суфийским идеям, как это видится с точки зрения суфиев?

О: Метафизики в не меньшей степени, чем специалисты по маркетингу, отслеживают состояние и восприимчивость ума тех, с кем они пытаются общаться.

Главное отличие между деятельностью, скажем, социологов и таких же специалистов из сферы духовного состоит в том, что результаты работы последних широко не публикуются, не рекламируются и не используются в научных трудах. Их используют для обеспечения подтверждающим материалом учащихся, которые в ином случае сочли бы невозможным доверять фактам относительно человечества.

Каким фактам? Вот несколько примеров:

Вы можете иметь чему обучать и все же быть не в состоянии обучать, потому что те люди, кто «жаждет учиться этому», эффективно препятствуют себе в учебе и в то же самое время заявляют, что они «жаждут учиться этому» или «не могут понимать». Неосознанно такие люди полагают, что если они так заявляют, вы будете уделять им внимание. Таким способом они получают ваше внимание (или надеются получить). В любом другом случае они могли бы его потерять.

Конечно, если вы попытаетесь указать им на это, то увидите, что ответом – опять-таки препятствующим развитию – будет «этот человек оправдывается» или «он ошибается».

По этой причине, традиционно принято ограничивать обучение небольшими группами, состоящими из тех, кто действительно подготовлен учиться.

Если вы скажете или напишете в таком же духе, то определенная часть претендующих быть избранными обвинит вас в нечувствительности или даже в том, что вы вовсе не обучаете метафизике. И это потому, что они приучены верить в то, что настоящее обучение является чем-то таким, что они сами мгновенно распознают.

В настоящих эзотерических группах почти ежедневно можно видеть подтверждение тому, как легко утвердиться в качестве 'истинного метафизика' в глазах самозваных учеников высшему мышлению. Что для этого надо делать? Заставлять их чувствовать эмоциональное возбуждение, ни больше ни меньше. Все, что для этого надо – убедиться, что вы используете 'духовную', по их мнению, терминологию.

Но скажите это или опубликуйте, и вас, по всей вероятности, мгновенно обвинят в поверхностности, в непонимании 'реальных ценностей' и т. д.

Неудивительно, что многие здравомыслящие люди вообще не будут иметь дела с людьми, известными своей 'духовностью'.

Немногие организованные общины и движения доктринального характера понимают, что они обитают в гетто, и этот факт никогда не был широко известен. Имеется жесткая избирательность в идеях, которая чересчур часто присуща 'систематическому' подходу к высшему развитию человека и которая делает невозможным помочь человеку возвыситься. В течение тысячелетий изобретались и применялись методы, чтобы выскользнуть из этой ситуации. Внешне эти методы столь отличны от знакомой атмосферы, фразеологии, ритуалов и форм 'метафизики', что ни один из двадцати самозваных искателей истины не распознает их.

Но скажите это, напишите или попытайтесь передать, и вас часто будут осмеивать, обвинять в раздувании тайны или в избегании 'существенной тайны' – во всем, что приходит в голову несостоявшемуся человеку.

Если вы попытаетесь засвидетельствовать это прямо, описав барьеры, ловушки, непонимания и ограничивающие факторы, вас кругом будут считать, по меньшей мере, нытиком.

Вот некоторые характерные черты сегодняшней ситуации, говорящие о чрезвычайной затрудненности прогресса.

Отчасти, дефект находится в культурной инфраструктуре. Имеет место обширная нехватка настоящего высшего опыта, отличного от воображаемого опыта, а также серьезная нехватка подходящей информации об областях высшей учебы, которые и обычно не известны, и не воспроизводятся в книгах. Как следствие этого, любой современный учитель обнаружит, что подобен профессору университета, пришедшему в аудиторию читать лекцию по ядерной физике и увидевшему, что его студенты еще не умеют решать линейные уравнения.

Упомяните об этом и, будьте уверены, вас обвинят в манерности.

Попытайтесь исправить эту репутацию, и у вас наступят тяжелые времена.

Возможно, вам придется общаться с людьми буквально годы, прежде чем в их умы проникнет тот факт, что вы не монстр, не махатма, а человек, пытающийся прежде всего обучить их основным приемам их собственного возможного учебного процесса, которыми им следовало овладеть годами раньше. Именно эти приемы должны передаваться учителем 'средней ступени', который подводит к традиционному учению.

Возьмем другой пример. Примитивное мышление твердо рассчитывает на регулярность, ритм и подбадривание. В наше время это закрепилось как атавизм, поддерживающий в людях веру, что их должно обучать в определенное время (предпочтительно, в одно и то же время дня или недели) в одной и той же обстановке, одним и тем же способом. Скажите им, что это уровень детей и, возможно, они примут это некоторым образом, но, на деле, будут склонны к замешательству и отказу принять это другим образом.

Но сделайте наоборот: дайте им авторитеты, канонические книги, иерархию, символы, песнопения и одеяния, и они будут служить вам и верить, что вы на 'верном пути', так это или нет, состряпали ли вы культ буквально за день до того или нет.

И это настоящие учителя также вынуждены демонстрировать на конкретных примерах, прежде чем люди поверят в это.

Если вы не сможете разумным образом связать то, чему вы их учите, с тем, что они уже знают, трудностей вам не миновать. Вы будете похожи на человека, который рассказывает ребенку сказку на ночь, а тот отказывается верить, что, на самом деле, волк в конце концов не съел бабушку Красной Шапочки.

Вы будете разрушать примитивные тотемы с риском для себя. Ирония здесь в том, что если вы позволите себе быть дискредитированным в глазах учащегося, вы также причините вред ему: ибо, чаще всего, у него нет иного выхода, как примкнуть к какой-то другой системе – той, что будет придавать ему уверенности, одновременно подавляя его прогресс.

Есть и другая категория людей. Это те, кто слушает или читает все объяснения, подобные вышесказанному, и чувствует, что они правильные люди. Это чувство приводит таких людей к предположению, что они, должно быть, действительно первоклассный материал. Реальный факт таков – люди, могущие достичь высшего знания это те, кто может правильным образом его чувствовать, а не те, кто лишь решает, что они – 'правильные люди'.

В современном цивилизованном мире вряд ли всерьез задумываются о такой возможности: те люди, кто чувствует нечто сильно, возможно, (исключая иллюзорные ситуации) чувствуют ошибочным и неконструктивным образом, не говоря уж о том, чтобы описать различные состояния, когда можно почувствовать обусловленную совесть.

Печальная истина такова: если бы надо было открыть и поддерживать метафизический путь, то людей, в основном, пришлось бы набирать из тех, кто, возможно, никогда в своей жизни не слышал ни о 'высшем сознании', ни о 'самореализации'. И это потому, что ассоциативный механизм, столь вредный для человека, давным-давно стал господствовать над частью мыслительного процесса, так сказать, просвещенных людей. Спасти их могут те, кого они склонны не принимать в расчет и даже презирают. Зачастую это люди более молодые и менее опытные.

Эзотерическая учеба сегодня, как она видится со стороны, представляет собой мир стариков со всеми горестями и глупостями закосневшей старости. Печальная мысль? Лишь в том случае, если вы сами печальны. Если вы можете видеть чуть объективнее, эти замечания являются констатацией факта, и поэтому обладают конструктивным потенциалом.

Изумляет то, что люди столь легко отбрасывают перспективу целой жизни ради того, что Руми называл «орешки, конфетки и игрушки» поверхностных удовольствий.

Не удивительно, что зрелые умы, прослышав об эзотерической учебе, смеются и игнорируют ее.

Не виновны ли *вы* в болтовне, рационалистических объяснениях, удовлетворении более низким, объявлении потакания своим желаниям 'высшей деятельностью', притеснении других во имя предполагаемого старшинства, мгновений мелкой власти, подавлении своих собственных предчувствий и притворстве?

Вынужден сказать, с риском употребления немодной терминологии, что за все эти и многие другие способы думать, чувствовать и поступать, в свое время придется заплатить.

Проблема восприимчивости людей к суфийским идеям не изменилась с тех времен, когда, 1000 лет тому назад, Худжвири в *Revelation of the Veiled* привел небольшой рассказ, показывающий, что невозможно воспринимать, если ум блокирован грубыми устремлениями.

МИЛОСТЬ И РАБЫ

Встретились как-то дервиш и король. Король, следуя восточному обычаю при встрече правителя с его подданным, сказал: «Проси меня о милости».

Дервиш сказал: «Я не прошу милости у своих рабов». Король спросил, почему тот видит его своим рабом. Дервиш ответил: «У меня есть два раба: жадность и ожидание, – для вас же они повелители».

Восприимчивость к суфийским идеям, о которой вы спрашиваете, иногда затуманена требованием 'дать' нечто. Говорю затуманена, потому что, на самом деле, есть три обстоятельства, которые надо видеть. Первое – это возможности человека, дар, который он уже имеет; второе – это воздействие функции обучения; и, последнее – это усилие, которое предпринимает индивидуум, для принятия обучения и сохранения дара.

О последнем пункте люди, кажется, имеют наименьшее представление. Возможности человека это дар: он может быть сохранен, обогащен, а также растрачен.

Итак, помимо приобретения, как насчет некоторого внимания к тому, чтобы не потерять? Хотя я признаю, что эту проблему легче понять, понаблюдав за тем, как люди растрачивают свое, в этом смысле, достояние, но, по крайней мере, она, в столь немногих словах, может быть сформулирована.

БЕЗДУМНОСТЬ

Об этом есть притча, приписываемая Иисусу, но не вошедшая в канонические евангелия, хотя это нисколько не делает саму аналогию менее истинной. Она находится в апокрифическом Евангелии от Фомы, обнаруженном в Египте в 1945 г.

В этой истории рассказывается о женщине, несущей издалека котомку с мукой и не знающей, что мука понемногу сыплется позади. «Да она и не знала, как действовать». Придя домой, она сняла со спины котомку и увидела, что та пуста. В этой притче намек на 'Царство Отца Небесного', и она вполне приложима к нашему утверждению о неощутимой потере возможностей из-за некоторой формы бездумности (называемой суфиями 'невнимательностью').

ПРОДАЖА ПОЛОВИНЫ ДОМА

О давании и получении: как-то Насреддин посетил агента по продаже домов: «Я хочу продать половину дома, в котором живу» – сказал он.

«Но, мулла, я знаю ваш дом – вы владеете только одной половиной».

«Так оно и есть. Я хочу продать мою половину, чтобы на вырученные деньги купить другую половину».

Давать милостыню

В: Не могли бы вы сделать несколько замечаний о том, как дают милостыню суфии?

О: Одним из руководящих принципов всех суфиев, обязательным для них, является тайная милостыня. Милостыня принимает многие формы. Что касается денежной милостыни, то:

Если деньги даны с чувством удовольствия, то это удовольствие является 'платой* за милостыню, и добро, приходящее к дающему, ограничивается этой эмоцией. Хотя этот вид давания хорошо знаком большинству людей, тем не менее, он остается низшей формой милостыни. Вторая часть низшей формы милостыни состоит в давании с тем, чтобы человек смог помочь себе сам. Так, некто мог бы купить инструменты для плотника, чтобы тот смог зарабатывать себе на жизнь. Такая милостыня может не быть эмоциональной, но все же быть 'рассчитанной'. Эти ограничения делают ее меньшей, чем истинная милостыня.

> Деньги или ценности даются суфиями или теми, кто желает быть причисленным к ним, в соответствии с принципом: «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая».

Суфий

> дает до того, как попросят;
> дает все, что имеет, не считая;
> дает, когда просят;
> не дает эмоциональной или рассчитанной милостыни,
> если не может дать истинную милостыню.

Есть заслуга в том, чтобы давать деньги суфию, чтобы он распределял их. Он раздает их, большие или малые суммы, достойным, не обязательно в соответствии с их внешней нуждой. Нищий или бедняк могут получить тысячу золотых монет, а не просто медный грош.

Милостыня, как вы знаете, это не всегда деньги. Милостыню не только дают, как вы это называете. Ее творят и исполняют, что означает 'быть и действовать'.

Как говорит в *Gulistan* великий дервиш Саади:

«Тот, кого не трогают страдания других, не имеет право называться человеком». Милостыня возведена в величайшую добродетель только из-за низкого уровня человеческой порядочности.

Если вы все еще думаете, что милостыня не необходимость, а высшая добродетель, вы не знаете даже, что ваши современники, представители вашей цивилизации обнаружили по этому вопросу и опубликовали в средствах массовой информации. Вот пример милостыни животных:

МИЛОСТЫНЯ КРЫС

Доктор Дж. Т. Грин из университета в Джорджии[1] взял десять белых крыс и обучил получать съестные шарики нажатием одного из двух рычагов, имевшихся в клетке. Один рычаг нажимать было трудно, и еды получалось немного. Вскоре, обнаружив это, крысы перестали его трогать, сосредоточившись на другом. Далее экспериментатор подвел к рычагу, легко дающему пищу, электричество так, что, когда его нажимали, крыса в соседней клетке испытывала электрошок.

И как же поступили ищущие еду крысы? Сначала они обнаружили, что их действия причиняют боль соседу, затем восемь из десяти переключились на другой рычаг, хотя нажимать его было труднее, и сосредоточились на нем, предохраняя своих братьев от дальнейших страданий.

---

[1] *Sunday Express (London) 7 September 1969, p. 21.*

Сколько раз читать книгу

В: Я понимаю, что изучение книг очень важно. Скажите что-нибудь о том, как суфии относятся к чтению, и сколько раз следует читать книгу?

О: Обычным способом суфийскую книгу надо читать несколько раз. Если ум читателя не подготовлен правильно, читатель будет отвергать эту книгу, читать ее выборочно, или даже внушать себе ее содержание. Все это нежелательно.

Вышеприведенные факты, тем не менее, объясняют воздействие литературы на умы разных людей. Ум человека является таким организмом, что впитанное им будет для одного человека пищей, для другого ядом. Этот эффект в значительно большей степени присущ уму читателя, чем книге.

И все же, люди упорствуют, полагая, что возможное действие книг на людей всегда одно и то же. Эта глупость является одной из наименее притягательных сторон наследия механического схоластицизма, который, действительно, обычно *требует* стандартизованного ума при чтении всякой книги.

Многие гордятся тем, как много раз они прочитали книгу. И в качестве доказательства своего усердия указывают на замусоленность книги. Действительно, в некоторых кругах «зачитанная до дыр библия» все еще служит доказательством благочестия.

И все же, вряд ли кто-нибудь знает, что условия, в которых находилась книга, то, как с ней обращался читатель, оставят на ней следы, которые, точно так же, как и напечатанное содержание, будут оказывать воздействие еще долго после того, как на книгу был наложен отпечаток. Взятые почитать книги несут на себе отпечаток. Книги, читанные слишком много раз, несут на себе этот отпечаток, этот, используя персидское выражение, 'дух неверия', от одного прочтения к другому.

Именно по этой причине людей часто просят читать много раз различные экземпляры одной и той же книги, даже если это означает покупку нового экземпляра после каждого второго прочтения. Это, возможно, малоизвестно, но, тем не менее, эффективно. Современный утонченный невежда в подобной процедуре может заподозрить лишь способ продать ему побольше экземпляров одной книги!

Из предыдущего материала можно заметить, что наши учебные методы в одинаковой степени касаются как малоизвестных фактов, так и психологических факторов, которые люди знают, но не применяют. Вот почему курс обучения Школы требует всеохватывающего внимания к нуждам обучения, материалам, ученикам и учителю.

Руми говорит об использовании книг в *(The Divan of Shams-i-Tabriz),* в которой отрицает, что книги – источник мудрости. Они, как и та книга, которую он в тот момент писал, являются инструментами:

Божий человек мудр от Истины,
Божий человек не законовед от книги...

Для того, чтобы литературные отрывки, инструменты обучения, оказали свое правильное потенциальное воздействие на человека, ему, возможно, понадобится значительное время и разнообразный опыт. В *Ruh al-Quds* (Дух Святости) Ибн Араби рассказывает о том, как его обучали при помощи цитаты из Корана, данной ему Абу-Абдуллахом из Ронды, Испания. Этот великий суфий, обладавший многими экстрасенсорными способностями, выбрал отрывок и спросил у Ибн Араби, что он означает. Ибн Араби не смог ответить, но когда смысл отрывка пришел к нему, он нашел Абу-Абдуллаха и дал ответ. Это произошло спустя четыре года. Следовательно, говоря обычным языком, один этот урок занял четыре года. С тех пор, как мы начали публиковать книги с суфийскими историями и случаями из жизни суфиев, такой род реакции исходит от читателей этих книг все чаще: от тех, кто не настолько нетерпелив, что прекращает учебу тут же, если она не приносит немедленных результатов того рода, что он требует от нее.

И, как говорит в своей книге *Taaruf* Калабадхи:

Терпение – терпеть терпеливо.

В: Не следует ли нам ознакомиться со всеми работами Руми, раз уж значительная часть его произведений переведена сейчас на английский и другие западные языки?

О: Следует заметить, что Руми обращается к конкретной аудитории. Как вы узнаете, что из сказанного им относится к ВАМ? В тех случаях, когда разговор идет о выдержках из Корана, которые он использует столь широко, можно заметить, что использует он их как 'данное', как вы использовали бы, скажем, математические формулы. То есть, он обращался к общине, которая принимала эти выдержки, как истинные, буквально и фигурально. Это позволяло ему подчеркивать одни определенные моменты и внедрять в сознание другие. В современной аудитории, которая либо

отвергает эти отрывки, либо оспаривает их, либо желает их анализировать, мы не можем использовать их как наше 'данное'. Вместо этого нам приходится ссылаться на психологические данные, признаваемые нашей клиентурой, и именно это мы и делаем. Поступая иначе, мы исказили бы в целом ценность работы Руми. Он, в свою очередь, делал то же самое с теми материалами, которые встраивал в свои писания.

Падение религиозного влияния

В: Читая писания суфийских классических авторов, можно заметить, что есть ясно проводимое различие между религией и одержимостью. Не является ли неудача увидеть это различие причиной современного религиозного упадка?

О: Упадок религиозного влияния происходит, в основном, не из-за самой религии, а благодаря поверхностности многих верующих. Люди, подвергшиеся идеологической обработке и принимающие насажденную одержимость за веру, сами разрушают ту вещь, которую, как они воображают, призваны защищать.

В действительности, конечно, никем они не призваны, а их способность защищать что-либо, отличное от воображаемого ими, делает ситуацию еще более комической.

То, что многие люди называют религией (то, пока не выявлено различие между внушенным верованием и чем-то еще, что может быть названо настоящей верой, содержит изрядную долю самообмана), остается на примитивном уровне существования; и нельзя реально ожидать какого-либо серьезного отношения к такой религии со стороны людей, привыкших размышлять в терминах, лежащих вне ее: терминах, которые давным-давно очистились от более грубых элементов. Запомните, утонченные аргументы и способность к игре словами приводят не к более продвинутым формам мысли, а лишь к более хитроумным.

Посвятившие себя религии люди, с которыми мы обычно сталкиваемся, конечно, не более религиозны, чем атеисты. Они грубые эмоционалисты и, так уж случилось, что они выбрали религию полем своей деятельности. Религия является средой для их действий и самовыражения, а не основой для их поведения.

В этом отношении они более всего напоминают политических, экономических или других культ-энтузиастов, которые суть явления не религиозной, а психологической и социальной природы.

Всякий, кто знает больше и обсуждает 'религию' с такими людьми, подобен астроному, обсуждающему астрологию с людьми, поклоняющимися звездам.

По этой причине, возрождение религии приходило от людей, которые далеко не всегда ассоциируются с 'религией', как мы ее знаем.

Этот принцип хорошо известен в других областях: например, великие изобретения совершали люди без систематической технической подготовки, так как профессиональные ученые и инженеры поглощены сферой своей деятельности и 'забиты' ее догмами. Вчерашние догмы – это завтрашние невозможности.

В традиционных терминах, это такое состояние, когда за куколкой не видят бабочку, а также всю линию развития: яйцо – личинка – куколка – бабочка.

Я предполагаю, – определенно надеюсь, – что когда говорят, как это делают многие, что «христианство не потерпело неудачу: его просто никогда и не пробовали», подразумевают, что испробовались лишь одержимость или схоластицизм. А если его еще не пробовали, позвольте поинтересоваться: «Когда же начнем?»

Запомните, что говорится в первой персидской книге по суфизму, написанной Худжвири:

«Наихудший человек – тот, кто воображает, что служит Богу, а на самом деле, это не так; достойнейший – тот, кто воображает, что не предан Богу, а в действительности, предан ему».

Причина религиозного упадка состоит в том, что весьма немногие люди имеют благоприятную возможность увидеть альтернативу к насажденной одержимости, – очень ненадежной вещи – альтернативу, представленную верой, приходящей из опыта. Суфий Мухаммад ибн Хафиф сказал: «Вера есть верование сердцем в то знание, которое приходит от Невидимого». Он не сказал, что она есть верование во что-то сказанное, или вдолбленное, или принятое в моменты возбуждения и, следовательно, ставшее навязчивой идеей.

ПОЧЕМУ ОН ЕЩЕ НОРМАЛЬНЫЙ

На Востоке есть горькая шутка, предназначенная подчеркнуть, как упадок религии происходит из-за неспособности и, иногда, худшего, что есть в последователях, особенно на более высоком, по общему мнению, уровне активности. Подобно карикатуре, шутка намеренно утрирована, чтобы подчеркнуть идею:

Некий духовный учитель говорит:

«Мой первый ученик был так слаб, что упражнения убили его. Мой второй ученик довел себя до сумасшествия, чересчур упорствуя в своих медитациях. Мой третий ученик отупел от размышлений. Но четвертый до сих пор совершенно нормальный».

Кто-то спросил: «Почему же?»

«Может быть, потому, – сказал гуру, – что он отказывается выполнять упражнения...»

Почему нет Британской каракулевой овцы?

КАРАКУЛЬ, иногда известный как персидский барашек, это мех овцы, издавна разводимой в Центральной Азии, особенно в Афганистане. В наше время были предприняты попытки вывести каракулевую овцу в Юго-Западной Африке, и шкура такой овцы известна на рынке как «Юго-Западный Африканский каракуль».

Из-за факторов питания и климата эти два типа шкуры различаются.

Эксперты и некоторые другие люди могут описать это различие.

В Британии, по многим причинам, нельзя вырастить каракулевую овцу, несмотря на то, что есть спрос на ее шкуру.

Однако, тот факт, что шкуры привозят в страну извне, не уменьшает этот спрос. Наоборот, это, вероятно, увеличивает его и, определенно, увеличивает цену.

Предыдущие замечания были бы, вероятно, ответом эксперта на вопрос: «Почему нет *Британского* каракуля?».

Предположим, что мы используем этот пример, чтобы проиллюстрировать, конечно, частично, мои замечания относительно того, что не следует что-то, принадлежащее – в метафизической сфере – одной культуре переносить в другую. Не *импортирую* ли я что-то из другой культуры или даже ряда культур?

Сразу надо отметить, что относящимся к делу фактором является следующее: принадлежит ли импортируемое только той культуре, из которой оно импортируется, или нет.

Если я импортирую такой *обычай,* как ношение сандалий, из Греции, где жарко, в Гренландию, где холодно, то я поступаю неправильно. Если же, с другой стороны, я импортирую что-то полезное, вроде шерсти, из места, где ее выращивают, в место, где она может быть использована, вероятно, я делаю полезное дело.

Печально, но в этом вопросе примитивное состояние мышления проявляется в том, что люди пытаются сохранить свои способы существования, исключая вещи, которые полезны, и включая вещи» которые бесполезны.

Для обычного человека знать, что – полезно, а что --просто вторичный культурный материал – трудность, которая происходит частично от его нетерпения и жадности – он хочет всего, что *могло бы* быть полезным (или *является* притягательным), частично из-за того, что никто не рассказал ему о том элементарном факте, что определенные вещи не только полезны, но и обязательно импортируются, и отчасти из-за страха, что нечто, привнесенное в его жизнь или мышление из другого источника, может не подойти ему.

В метафизике, с этой точки зрения, вы увидите, что он находится на очень низком уровне достижения, который, в технологической сфере простого общества, не мог бы сохраняться долго после того, как оно столкнулось с более развитым обществом.

Конечно, существуют проверенные временем способы введения в общество того, в чем оно нуждается, но не желает принимать. Многие из них используются до сих пор. Королю Абдул-Азизу ибн Сауду, для того, чтобы 'доказать', что радио не является дьявольской штукой, пришлось передавать по радио стихи из Корана, чтобы клирики могли засвидетельствовать, что оно – вещь хорошая, ибо предполагалось, что дьявол не может цитировать Коран.

Был также случай со св. Франциском, который, согласно известной истории, поведал Папе о том, что его идеи и организация, в действительности, были весьма древними и принадлежали Церкви, но здесь ими пренебрегали и их развивали в других местах, а теперь они заняли свое настоящее место.

В ряде мест все еще привычно пилюлю, выписанную по всем правилам современной медицины, отдать местному колдуну, чтобы тот посредством заклинаний сделал ее 'действительно сильнодействующей'.

Даже в окрестности нашего поля деятельности можно наблюдать почти магическое 'рационализирующее' действие объяснения, которое позволяет слушателю реорганизовать его предвзятые мнения кажущимся упорядоченным образом. Можно сказать ему: «Я говорю вам то же, что проповедывалось тем-то и тем-то, и здесь есть соответствие идей». И он будет чувствовать себя много лучше. Он изначально не хочет правды, а хочет заверений, системы, безопасности.

Или это можно сделать по-другому. Можно сказать ему – и это работает – «Хотя это ни на что не похоже, но оно творит чудеса». Это может стимулировать его жадность, позволить ему преодолеть предвзятые мнения ради 'высшего интереса' в чем-то, невозможном для него.

Зачем я описываю эти механизмы и почему не одобряю их применения?

По той лишь причине, что это – легкий, поверхностный способ. Можно сказать: «То, что я говорю вам, – то же, что вы учили у такого-то» и сказать при этом правду. Эта правда может быть важной, и ее правильное осознание может оказать очень важное воздействие. Но стоит только сказать эту правду, и можно ожидать, что слушатель *использует* эту важную правду с целью рационализации. Вместо того, чтобы позволить этой основной правде проникнуть в его сознание, он истощит ее энергию для себя, используя ее для того, чтобы для поверхностного мышления сделать приемлемыми вещи, относительно которых у него были сомнения.

Это примитивное и пустое использование важного факта является, говоря метафизически, признаком незрелого человека.

Это важный момент, здесь мы в одной компании с обычным психологом. Последний далек от того, чтобы выражать недовольство этим 'механизмом рационализации', и склонен считать его полезным (например, в целях интеграции) за исключением тех моментов, когда этот механизм вызывает состояние ума, приводящее к конфликту с социальными нормами, в частности, его собственными.

Но психологи, как мы их сегодня знаем, как правило имеют дело с тем, что *мы* называем ложной личностью человека: поверхностной (хотя и необходимой) интеллектуально-эмоциональной системой, с которой они работают. Мы же пытаемся контактировать и информировать более глубокую индивидуальность человека.

Как это связано с нашей каракулевой овцой? Очень просто. Те люди, которые думают, что мы импортируем нечто, – даже хотя мы предпочитаем говорить, что мы вводим это заново, – если они 'удовлетворены' нашими объяснениями и, таким образом, рационализируют их из жадности или по каким-то другим причинам, так же недоступны для того, что мы, на самом деле, говорим и делаем, как и те, кто пренебрегает всем, что мы говорим и делаем.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ДНА

Действительно, в более разработанной форме, их реакция такая же, как и муллы Насреддина вот в такой шутке:

«Это очень опасное озеро, мулла, – сказал местный рыбак. – Людей, плававших в нем, всегда находили на дне мертвыми».

«Спасибо, друг, – сказал Насреддин. – Буду держаться подальше от дна...»

Действительно, когда учение выражено, как это и есть на самом деле, другим, не метафизическим способом, те люди, которые *отвергают* то, что мы говорим метафизическим языком, часто показывают явную способность к пониманию. Учтите при этом, что только поверхностный мыслитель предполагает, что ограничения так называемого 'метафизического' словаря не связывают наше учение, если оно истинное. Можно обучать любым способом. Однако обучать так называемых метафизиков можно только на этом жаргоне, или на каком-то его эквиваленте, к которому они уже приучены.

Эти замечания следует усвоить из-за, к сожалению, неприемлемо узкой точки зрения, приобретенной многими людьми, пытающимися понять психологические, религиозные, философские и метафизические идеи.

Абдулкарим Джили, автор важной суфийской работы *Insan-i-Kamil,* 'Совершенный Человек', умерший в пятнадцатом веке от Р.Х., подчеркивает, что *Человек* – мысль, а внешний аспект Человека – этот мир. Суфийская доктрина утверждает, что, конечно, через разнообразие воспринимаемых идей и объектов может быть воспринято реальное бытие. Это – доктрина «Феноменальное – мост в Реальное», но функция ее инструментальна. Это означает, что в вещах этого мира, ведущих к высшему восприятию, мало смысла, но много потенциальной пользы. Люди ищут смысл и не ведают о пользе. Поэтому они ценят второстепенные мирские идеи, вместо того, чтобы пользоваться ими как инструментами.

Методы обучения и предварительные условия

В; Есть ли, согласно суфиям, какое-то знание о различии между обучением и обусловливанием; и знают ли люди, намеревающиеся учиться, чего они хотят?

О: Люди обусловливаются не только преднамеренным внушением, но и системами, апологеты которых сами не осведомлены о необходимости принимать меры для предохранения от обусловливания. Людей так же обусловливает совокупность опыта. В большинстве человеческих обществ единодушие достигается посредством некоторого нераспознанного процесса обусловливания, причем фактически все общественные институты могут быть ветвями этого процесса.

В этой информации нет ничего ни нового, ни непременно возбуждающего. Но она существенна. Новое в этом то, что она была четко и эффективно раскрыта в научных работах на Западе, особенно в период с конца Корейской войны. Если вы не знали вышесказанного или не верите в это, то вам или надо принять это в качестве рабочей гипотезы, или отложить все попытки заниматься другими вопросами до тех пор, пока не усвоите информацию по данному вопросу из общедоступных источников. В последнем случае ваша базовая информация неполна, и ваша перспектива прогресса в высших областях так же ограничена, как если бы вы пытались стать ученым, оставаясь при этом неграмотным.

Определенные традиционные системы обучения непрерывно сохраняют знание о факторе «обусловливания через окружающую среду». Сутью этих систем является:

(1) подчеркивание факта обусловливания для того, чтобы восстановить равновесие, нарушенное им;

(2) обеспечение такими формами занятий и таким группированием людей, в котором обусловливание не может действовать легко.

Ни одна из этих систем не отрицает ценности обусловливания для определенных целей, однако сами они его не используют. Они не пытаются разрушить механизм обусловливания, на котором, на самом деле, так многое в жизни держится.

Вот первый урок: люди, которым впервые показывают, как их взгляды являются продуктом обусловливания, склонны полагать, весьма грубым образом, что кто бы ни говорил им об этом, сам выступает против обусловливания или предлагает что-то с ним сделать. Что, однако, делает любая законная система – это указывает на то, что обусловливание есть часть социального окружения и что его путают с 'высшими' вещами только тогда, когда учение выродилось и ему приходится заниматься 'дрессировкой' учащихся.

Второй урок заключается в том, что большинство людей в любой группе может быть обусловлено, если группа фактически произвольная: несклонные к обусловленности группы могут быть созданы только посредством отбора людей, которые сочетаются таким образом, что помогают разрушению этой тенденции.

Услышав это, люди склонны автоматически предполагать, что это – доктрина элиты. Но такое предположение принимается ими только потому, что они ничего не знают об этом процессе и его основах. Основная цель – объединить людей, которые могут избежать обусловливания, с тем, чтобы в их среде могло иметь место развитие, которое затем может охватить более широкий круг людей. Оно никогда не может охватить большое число людей непосредственно.

Многие люди, впервые услышав, что обусловливание есть мощное, нераспознанное и духовно неэффективное развитие, реагируют другим, равно бесполезным образом. Они полагают, что поскольку обусловливание присутствует во всех известных им институтах (в том числе тех, которые они высоко ценят), то оно всегда должно быть существенной частью. Это происходит только потому, что они не желают смотреть в лицо тому факту, что любой институт может быть поражен опасной для него тенденцией. Это не то же самое, что сказать, что институт основан на ней.

Когда люди собраны вместе, чтобы подвергнуться воздействию материалов, которые создают непреодолимые трудности для обусловливания или не задействуют его, они всегда будут склонны испытывать неудобство. Это происходит потому, что они не получают из этих материалов стимулов, к которым привыкли как люди обусловленные. А поскольку у них обычно отсутствует полное восприятие того, что *есть* в этих материалах, (и поскольку как раз характерной чертой обусловливающих материалов является то, что они могут маскироваться под независимо добытые факты), такие люди не знают, что делать. Решением этой проблемы, которое они будут склонны принять, будет некоторого рода рационализирование. Если они не получают привычных стимулов

эмоционального рода, они будут рассматривать новые или тщательно отобранные материалы как 'пресные'.

Это следующий урок. Каждому следует ясно понять, что порочный круг должен быть где-то как-то разорван. Иногда заменять одно обусловливание на другое нелепо. Обеспечивать людей того рода стимулами, к которым они привыкли, может быть неким общественным или социальным делом, но никак не обучающей деятельностью высшего порядка.

К сожалению, люди воспитаны так, что в их представлении настоящее упражнение – это то, что, грубо говоря, трудно понять или сделать. В результате, они часто выражают готовность пожертвовать деньгами, физическими усилиями, временем, комфортом. Но если их попросить, скажем, не встречаться, или пожертвовать вниманием учителя, то они найдут почти невозможным вынести это, просто потому, что их воспитание было таким, что они ведут себя как наркоманы. Они, может быть, хотят приносить жертвы или прилагать усилия, но только такие, какие были приучены считать жертвой или усилием. Однако, 'стилизованное усилие' – это не усилие вовсе.

К глубочайшему сожалению, они не знают, что та система, к которой они были приучены, при всех обстоятельствах (если они пристрастились к ней так, как мы только что описали) уже выполнила свою оптимально возможную развивающую функцию задолго до того, как мы, вероятно, встретимся с ними. Она стала теперь пороком, обрядом или обычаем, которые они не могут распознать как таковые.

Необходимым предварительным условием продвинутой формы обучения является то, что участники должны быть подготовлены подвергнуться его воздействию, а не только воздействию какой-то пародии, дающей им пищу низкого уровня, к которой они привыкли.

По сути это более высокая ступень, чем любое заучивание наизусть, или натаскивание, или переиначивание слов, упражнений или теорий. И, в своем роде, это вызов. Смогут ли участники действительно войти в область, где не потворствуют их фактически более грубым желаниям и автоматическим реакциям, или нет?

Если не смогут, то они исключат себя из Учения.

Для того чтобы стать подходящим, претендующему на звание ученика нужно самому «разобраться в себе». Претендующим нужно изучить себя и понять, не используют ли они свою учебу просто для того, чтобы удовлетворить свои социальные желания, или личные психологические цели, или обусловить себя. Им также следует сообщить тот простой факт, что, например, если кричать «Я должен пробудиться!» достаточно часто, то это усыпляет. Если их чувство силы подпитывается, например, предположением, что они занимаются чем-то таким, чего другие не знают, они далеко не продвинутся. Если они получают какое-то личное удовольствие или извлекают какую-то выгоду, 'обучая' других, они не научатся больше ничему. Если они рассчитывают только на их учебное сообщество или, главным образом, на своих друзей, или на какое-то место, куда приходят раз или два в неделю или месяц, они далеко не продвинутся.

Часто обучение путают с социальной или мирской функцией. Помогать или развлекать – это обязанность социальная, а не эзотерическая. Как человек, вы всегда имеете социальные и гуманистические обязанности. Но вы не обязаны заниматься врачеванием; в самом деле, вы, может быть, гораздо меньше подходите для этого, чем почти любой обычный профессиональный врач.

Проведя некоторое время в фактически любой религиозной, философской или эзотеристской группе, или даже почитав ее литературу, невозможно не увидеть, что, из-за игнорирования этих проблем, большое число вовлеченных в нее, возможно и не по своей вине, людей использует эти формы в узко ограниченных социологических или психологических целях. Неверно, что их духовная жизнь в этих группах правильна. Их социальная жизнь неадекватна – вот это верно.

«Как наверху, так и внизу». Как в обычных житейских делах может быть неэффективность или путаница в том, что касается целей, точно также они возможны и в подходах к высшему знанию. Может быть поначалу вы сумеете двинуться к высшим целям при помощи приемов и теорий более низкого уровня, но вы не сможете идти к ним, потворствуя сиюминутным личным интересам.

Вы должны удовлетворять ваши личностные интересы где-нибудь в другом месте. В развитых обществах более чем достаточно институтов, предоставляющих отдушины такого рода. Убедитесь, что ваши профессиональные, коммерческие, социальные, психологические и семейные потребности удовлетворены в обществе, к которому вы принадлежите. То, что у вас осталось – вот та часть, с которой можно общаться посредством специализированных методов, доступных тем, кто владеет все-сторонним и законным традиционным знанием, и кто обладает средствами для сохранения его.

Это то, чем вам надо заняться прежде всего. Большинство людей пытается выполнить что-то другое, и не имеет значения их представление о том, что они делают. К счастью, это нетрудно распознать, приложив достаточно искреннее усилие.

В обычной жизни, если вы думаете, что ваша семья – это в большей степени некое коммерческое предприятие, люди укажут вам, что вы заблуждаетесь. Если вы думаете, что главное в вашей профессии – это социальные цели, люди вскоре вас поправят. Пора, чтобы и в этой области вас правильно проинформировали. Вы должны знать, или узнать, различие между встречами для того, чтобы научиться чему-то и познать что-то на опыте, и встречами для того, чтобы получить эмоциональные стимулы, или испытать свой интеллект, или получить социальное ободрение.

Нет ничего вредного в социальной составляющей человеческих отношений, отнюдь. Но когда нарушается равновесие, и человеческие контакты становятся предлогом для социального контакта, вы не намерены учиться, и не имеет значения, с какими материалами вы работаете. «Должная пропорция» – это скрытое искусство учителя.

Повторяющийся в разные эпохи, в разных культурах бурный рост внешне различных школ высшего обучения обязан в большой степени необходимости избавления истинных традиционных учений от автоматизма и социально-психологическо-развлекательных функций, которые регулярно и глубоко вторгаются в них и, большей частью, в конце концов овладевают ими.

К примеру, определенные физические и умственные упражнения, имеют чрезвычайную важность для продвижения высших функций человека. Если они практикуются людьми, использующими их в эмоциональных, социальных или гимнастических целях, то для таких людей они не будут действовать на более высоком уровне. Они становятся просто средством для избавления от излишней энергии или успокаивания чувства разочарования и безысходности. Практикующие, однако, сплошь и радом принимают свои субъективные переживания за 'нечто высшее'.

Именно по этой причине законные традиционные высшие учения бережно относятся к своим материалам и упражнениям. Никто, выполняя задание, просто не сможет (если он знает о своем задании) сделать так, что это не принесет пользу людям на требуемом уровне.

Вышеизложенную информацию следует прочесть, изучить и понять как можно основательней. Без этого едва ли возможно быть полезным какой бы то ни было группе людей, где бы то ни было, кроме как социально или узко психологически, и не имеет значения, какие при этом используются теории, системы или упражнения.

Где есть идеология, обусловливание и внушение, там привнесен механический элемент, который вытесняет фактор восприятия реальности высших измерений, связывающий высшие функции ума с высшей реальностью.

Суфийский опыт познания предназначен поддерживать гармонию и близость с Реальностью, в то время как механические системы фактически отдаляют людей от нее.

КТО СТОРОЖИТ ОДЕЖДУ

Аттар в *Сказаниях о святых* рассказывает историю о великом суфии Хабибе Аджами, который оставив на берегу свою одежду, вошел в реку помыться. Мимо проходил Хасан из Басры и увидел это. Подумав, что кому-то надо присмотреть за этим имуществом, он остался сторожить его до тех пор, пока не вернется Хабиб.

Потом Хасан спросил у Хабиба, кого тот оставил присматривать за одеждой.

«Того, – сказал Хабиб, – кто поручил тебе присматривать за ней!»

Этот анекдот, предназначенный указать способ, каким делаются дела у суфиев, часто принимается примитивными имитаторами за образец для подражания, и они испытывают 'судьбу', оставляя вещи и пренебрегая обязанностями – с результатом, соответствующим их стадии невежества.

Горе от ‘дел духовных'

В: Как получается, что некоторым людям вовлечение в дела духовные причиняет так много горя и беспокойства. У некоторых расстраивается психика и ухудшается характер...

О: Во-первых, вспомните, что эту тенденцию отмечали и комментировали во всех религиях и других системах. Каким бы респектабельным ни было вероучение, всегда найдется что-то, что сведет с ума, и еще не нашли способа, как это предотвратить. Люди горюют и сходят с ума везде и от всего.

Во-вторых, те, кто действительно сознает эту психологическую проблему, всегда предпринимают попытки сократить эти вредные воздействия – вредные воздействия не процессов, а состояния ума страдающего, к которому процессы прививаются или применяются.

Именно по этой причине суфийские учителя стараются добиться того, чтобы определенные ученики не брались за многие упражнения. Некоторые учителя даже настаивают, чтобы такие люди не совершали, например, паломничество в Мекку, которое является обязанностью каждого мусульманина. Суфиев, по этой причине, упрекают в «препятствовании тому, что разрешено и предписано», упрекают те, кто слишком бестолков, чтобы понять, что, в Исламе, больным не следует делать то, что могло бы увеличить их немощь, даже если это предписано.

«Горе и беспокойство», о которых вы говорите, – следствие внутренней болезни. Это та болезнь, при которой становится хуже от всего, что приближается к ней, даже от духовных вещей, потому что, когда духовный элемент приближается к определенным формам болезни, само нездоровье искажает приближающийся элемент и неправильно его использует. Вы можете убедиться в этом сами, заметив как идеально благотворная вещь, будучи использована неправильно, или в неправильном месте, или с неправильными людьми, может причинить ущерб.

БРОСИТЬСЯ С ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ЭТАЖА

В британских газетах не так давно промелькнули два сообщения. В одном из них говорилось о человеке, бросившемся с четырнадцатого этажа из-за своей 'религиозной' веры, будучи уверенным, что «Бог спасет его». Он разбился. В другом сообщалось, что религиозно настроенные люди предположили, что некто одержим бесами. Была сделана попытка 'изгнать' этих бесов с помощью ритуала, которому учит Церковь. Через несколько часов после церемонии изгнания бесов священником Англиканской Церкви этот человек убил свою жену, вырвав у нее глаза и язык.

Такие вещи могут случаться, когда люди путают духовные вопросы с медицинскими. Это, в свою очередь, происходит, когда воображают, что доктрина, а не опыт, дает возможность распознавать 'духовное'. Догме присущи указанные ограничения; как правило, по этой причине, газеты часто характеризуют такие трагедии как 'горе от дел духовных'.

Суфии неоднократно отмечали, что люди, пытающиеся следовать духовным путям без начальной тренировки по отделению от своей гордости, часто сталкиваются с горем и еще худшим.

«Те, кто пытается формировать пути зла в мире, – сказал Хасан из Басры[1] (что, согласно суфиям, включает формирование личности в неправильной последовательности) – загублены».

Люди становятся психически ненормальными, следуя тому, что они принимают за духовные пути, пытаясь сделать то, что не только невозможно, но и абсурдно.

Я хочу отметить, что постоянное муссирование страха смерти, а не разговор о ее важности как феномена перехода, а также сбивающий с толку поиск 'безопасности' в насажденной одержимости (часто принимаемой за веру, но, на самом деле являющейся только догматизмом) – это две наиболее частых причины горя и беспокойства, о которых вы говорите.

На эту тему имеется два четверостишия на персидском выдающегося мастера Кхалилуллаха Кхалили, великого современного суфия. Вот и сравните его высказывания с бессодержательными произведениями, которые столь многими принимаются за духовные.

СМЕРТЬ И ГОРЫ

В первом[2] он говорит:

Не смерти боюсь я, она мой помощник...
Доставила предков к месту их назначения:
С изящностью легкой и меня переправит!

---

[1] Цитируется в *Tadhkirat al-Awliyya* Аттара.
[2] *Quatrains* (Persian) Baghdad: Al-Maarif Press 1975, 70/71

В другом он рассказывает об обусловливании, кристаллизовавшемся в притупляющей и бесполезной жесткости, как о горе, и о гибкости понимания искателя, как о птице, в форме замечания птицы горе:

О, гора! Высокая и могущественная, достигающая небес.
Ты так поглощена самоуважением.
Пусть всего лишь маленькая птичка, я свободна
Порхать с цветка на цветок,
цепями ж опутаны ноги твои...[1]

[1] *Ibid*., 32/33

Обучение шоком

В: Не могли бы вы рассказать о суфийском приеме – обучении шоком?

О: В суфийских обучающих приемах очень важное место занимают вызывающие утверждения, которые делаются для того, чтобы произвести многостороннее воздействие на слушающего.

Именно по этой причине сказал Мансур Халладж общеизвестную фразу: «Я – Бог!».

Если на Западе кто-то скажет несколько более современным языком: «Гитлер был великим человеком!», шок от этого заставит услышавшего немедленно среагировать[1]. Некоторых людей он в первый раз заставит понять, что это такое, услышать подобное заявление, и что это были за люди, которые говорили так. Он также поможет некоторым осознать, что, возможно, вопрос о величии Гитлера (или об обратном) не имеет отношения к их собственной ситуации. Некоторых он заставит осознать, что они одержимы этим 'величием', или отрицанием его, открыв при этом, как посредством фразы можно приводить их мнения в действие. Кому-то он покажет, как почти любой набор слов может быть использован для 'программирования' людей и для порождения в них 'верования' или 'противостояния'.

Именно этот прием иногда использовался Омаром Хайямом и его школой.

Пока это не понято, Хайяма, конечно, нельзя понять, потому что некоторые ученые берут его слова в их буквальном значении. Когда он говорит: «Каждая фиалка была родинкой на щеке чьей-то возлюбленной», они, должно быть воображают, что это перевоплощение или поэтический образ, в то время как, в действительности, это 'шок'. В современной Хайяму культуре теория перевоплощения была ересью.

Суфийская литература полна такого рода обучающего материала, переживаемого на опыте. Наличие его эффективно отсеивает поверхностных и узко мыслящих людей.

Люди обусловлены так, что определенные замечания им нравятся, а другие – не нравятся. Это почти всегда полезно, пока не достигаешь той точки, где лицемерие пользуется господствующими положениями в человеке и дает ему возможность манипулировать ситуациями и избегать реальности. Кроме того, в каждой культуре есть примеры, когда условности не позволяют людям говорить определенные вещи, которые истинны, ибо, в противном случае, прослывешь неприличным, хвастливым или враждебным по отношению к другим. Такой вид поддержания *статус-кво* может быть как хорошим, так и плохим. Иногда он приводит к 'видению как в туннеле'.

Чтобы оказывать влияние в таких ситуациях или указать на ограничения принудительного обычая, некоторые величайшие суфии не уклонялись от риска подвергнуться всеобщему позору. Я думаю, что их вклад в этом отношении не имеет себе равных.

МОЛЧАНИЕ И РЕЧИ

Хороший пример находится в книге Худжвири *Revelation of the Veiled* (перевод Николсона, 1911):

«Я прочитал в Историях, что однажды, когда Абу-Бакр Шибли [один из наиболее знаменитых суфиев прошлого] проходил по кварталу Каркх в Багдаде, он услышал высказывание некоего обманщика: "Молчание лучше речей".

Шибли возразил: "Твое молчание лучше твоей речи, но моя речь лучше моего молчания, потому что твоя речь – тщеславие, а твое молчание – пустая забава, тогда как мое молчание – умеренность, а моя речь – молчание"».

Всякий, кто воображает, что Шибли действовал так, потому что у него был тяжелый характер, или он был нетерпимым, или не сдержался, нуждается в таком суфийском шоко-обучении, так как все еще не научился тому, что имеется возможность, что некто, кого он считает (в силу обусловленности) вышедшим за рамки принятого порядка, в действительности, выражает словами то, что фактически является точным описанием господствующих обстоятельств.

Основное возражение против предположительно неприличных слов заключается в том, что они плохо воздействуют на того, кто говорит их, или учат присутствующих быть 'неприличными' и нескромными. В случае с таким человеком как Шибли, его статус был (и есть) таким, что первое невозможно, а второго не могло быть, так как Шибли был известен как всецело правдивый человек.

---

[1] Хотя Гитлер, умерший в 1945 г., почти во всем мире считается чудовищем, для многих людей шоковый эффект от именования его 'великим' стерся через поколение. Один немецкий учитель обнаружил, что в 1977 г. его многие юные соотечественники мало знают о бывшем вожде. Многие из них на самом деле думают, что он был великим человеком. Time (New York) 18 April 1977, p. 13.

Эта позиция может показаться странной людям, не привыкшим к ней. Но, как гласит поговорка: «Странность [явления] – не опровержение [факта]».

Обусловливание в той же степени, что и невежество, увековечивает невежество человечества, подчеркивает Кхалили[1], когда говорит о мире и месте человечества в нем:

> Зрители и исполнители на сцене – мы,
> Сбитые с толку своими делами и делами мира,
> Мы – марионетки в руке Времени,
> Пускающиеся в пляс, едва зазвучит его мелодия!

[1] Кхалилуллах Кхалили (на персидском): *Четверостишия,* Багдад, Al-Maarif Press, 1975, 47/48.

Эмоциональные ожидания

В: Почему члены суфийской группы продолжают, иногда годами, читать книги и встречаться, явно ничего не делая, без какого-либо измерения своего прогресса и без понимания, как идут дела?

О: Такой группе надо 'износить' эмоциональные ожидания. В ней, также, должны быть обеспечены условия, в которых неуместные и привычные ассоциации, особенности, привнесенные из других систем, могут быть проявлены и замечены, с тем, чтобы каждый мог видеть, что является главным, а что нет. Если члены группы не видят этого, то это вообще не суфийская группа. Большая часть ее видимой работы – это работа 'подготовительной группы', что, впрочем, не означает, что она не может быть чрезвычайно важной: где еще вы получите такую возможность – переживать и наблюдать свои и чужие реакции вне социальных группирований, где эти уроки либо затушевываются, либо искажаются, обеспечивая поверхностными, плановыми выводами?

Если же вы обратитесь к опубликованным рассказам, которые иллюстрируют собирание людей вместе, эффект от взаимообменов для разоблачения недостойного или неуместного поведения или бесполезность поспешной интерпретации, то вы найдете материалы, опираясь на которые, вы сможете проверить поведение людей в такой группе, если являетесь ее членом.

Главная особенность, продемонстрированная спрашивающим – это особенность человека, который хочет чего-то ('прогресса' или 'понимания, как идут дела'), не желая вести активное наблюдение и усваивать опыт, имеющий место в группе и с группой. Если обратиться к традиционной терминологии, хорошо знакомой людям всех культур (она используется в данном примере не как упрек, а как прием), то: у нас так много жадности, опережающей наши способности, так много неудовлетворенности, обусловленной жадностью и ложными посылками, так много лени, что человек становится потенциальной жертвой какого-нибудь эксплуататора, который может появиться и пообещать автоматический прогресс без усилий или правильного выравнивания.

Тому, кто стремится освободиться от моральных требований унаследованной им культуры, не нужно думать, что эти требования не могут иметь такой *функции,* как упражнение. Ему надо учиться заново другим возможным функциям традиционных принципов, и он может сделать это путем более глубокого изучения повествовательных и иллюстративных материалов и участвуя в самой предварительной групповой работе, занимаясь подобной деятельностью больше, а не меньше.

И, наконец, индивидуальный и внутригрупповой прогресс не всегда виден для всех участников по их желанию.

ОДЕРЖИМЫЙ МИРОМ

Сравните этот подход с подходом механистических религиозных людей, которые просто культивируют одержимость. Фаридуддин Аттар приводит историю о великой женщине суфии Рабийе. Она была больна. Один ученый пришел повидать ее, и сидя возле ее кровати, снова и снова доказывал порочность нашего мира.

Но Рабийя, которая могла видеть сквозь слова, сказала, что он, очевидно, очень любит этот мир. Люди говорят снова и снова, неважно, в приятных или неприятных выражениях, о вещах, которые они любят. Основное здесь – это привязанность к чему-либо, положительная или отрицательная. «Если бы вы не были привязаны к этому миру, – напомнила Рабийя этому человеку, – вы бы ничего не говорили о нем: ни положительного, ни отрицательного».

Поспешность выводов

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ могут встать между учащимся и тем, чему он мог бы научиться, если эти предвзятые мнения неверны или нефункциональны.

Предположения, что духовные пути должны принимать ту или иную форму, что следовать им должны люди того или иного типа, что ими должны обладать институты определенного типа, которые можно распознать, и т.д., – такие представления не только препятствуют учебе, но часто трансформируют ее в поиски предвкушаемого развлечения и поэтому, если не внешне, то фактически, способствуют превращению ее в отрасль индустрии развлечений.

Восточные мудрецы, чтобы установить связь с людьми, так сказать, самыми отдаленными, отращивали бороды и носили тюрбаны; другие, чтобы особо подчеркнуть синдром поспешности выводов, вели себя как помешанные; а иные, чтобы предупредить об опасности тех, кто был наиболее способен к учению, не делали никаких уступок их ожиданиям. Мошенники же и авантюристы, чтобы использовать в своих интересах эти расхожие предположения, всегда, не мешкая, подлаживались под них – говорили людям то, что те хотели услышать.

Если вы не можете подвергать сомнению свои предположения, вы должны смело причислить себя к тем людям, среди которых, возможно, кто-то и прав, но большая часть обусловлена до фанатизма и *непременно* ошибается.

Возможно стоит поразмышлять о результатах наглядного опроса, который был недавно проведен среди более двухсот человек, привлеченных неким духовным учением. Им предложили ряд высказываний и литературных отрывков и спросили, какие из них подлинные, а какие нет. Свыше восьмидесяти пяти процентов опрошенных дали неверные ответы: они приняли поддельные документы и высказывания за подлинные.

Это указывает, по меньшей мере, на две вещи: (1) что, в большей части, эти люди были привлечены к этому учению отнюдь не благодаря способности распознать его законность; и (2) что, поскольку большинство из них отвергло настоящие материалы, продемонстрировав ошеломляюще высокую оценку фальшивого, приняв его за 'подлинное', весьма вероятно, что они в конце концов отвергнут учебные материалы и методики истинной школы.

Одно из наиболее распространенных предположений у людей, лишь воображающих, каким должно быть настоящее обучение, связано с 'посвящением'.

Повсюду в мире вы найдете людей страстно желающих и стремящихся посвящать других в духовные школы.

Однако, посвящение – обет верности учителю, как процедура, сохраняется до сих пор у суфиев, – происходит только «через несколько лет после принятия в дервишский орден». Так потому, что до тех пор, пока ученик не узнал достаточно и пока не научился кое-чему, он не может искренне принять на себя обязательство серьезно учиться. Уговаривать его взять на себя обязательство следовать пути, в то время как он еще не способен на это, – верный признак невежества или обмана.

ХРИСТИАНИН В МЕККЕ

С другой стороны, человек может быть готов учиться и понимать, хотя по меркам приверженцев внешнего, его считают совершенно непригодным. Великий Шибли однажды ясно показал это, о чем рассказывается в следующей истории, содержащей несколько интересных особенностей.

Однажды Шибли объявил в Багдаде, что ему нужна тысяча дирхемов, на обувь для бедных, для паломничества в Мекку. Некий христианин предложил деньги с условием, что ему будет позволено сопровождать караван.

Шибли сказал ему, что только мусульмане могут совершать такое путешествие. Тогда христианин предложил себя в качестве вьючного животного, от которого не требуется клятвенного заверения в вере. Так они и отправились, с христианином 'в упряжке'. На каждой стоянке он очищал площадку для паломников.

Когда они прибыли к Великой Мечети, Шибли сказал христианину, что ему не разрешается входить в пределы Каабы. Христианин помолился о том, чтобы ему было дозволено войти. И тогда послышался голос, приглашающий христианина войти...

Поспешность выводов – это одно из самых больших препятствий для учебы, но не для деятельности, которая заставляет людей воображать, что они проверили истинность чего-то или сделали открытия.

КАК УВЕЛИЧИТЬ СКОРОСТЬ

Однажды мулла Насреддин пришел на верфь. Увидев огонь, который по его предположениям никак не ассоциировался с морем, он спросил работника, для чего это.

«Мы варим смолу, – сказал тот, – и заделываем щели в днище корабля. От этого он движется быстрее».

Мулла пошел прямиком домой и развел костер. Затем он привязал своего осла и растопил в котле смолу. Как только он поднес дымящуюся смолу к животному, оно сорвалось с привязи и умчалось как ветер.

«Здорово работает», – заключил мулла Насреддин.

Четки и ряса

В: Откуда происходит убеждение, что 'святой человек', например, постоянно практикует аскетизм, что он обязательно одет в лохмотья, избегает всего, что может его осквернить и т. п.?

О: Ответить на этот вопрос проще простого. Если бы вы сформулировали его иначе, то вероятно, смогли бы ответить сами. Для тех же, кто не может, отвечаю:

Это убеждение происходит от наблюдения начального аскетизма и проч., практикуемых набожным человеком явно. Внешние наблюдатели, поскольку у них нет информации ни о цели, ни о сути образа действий или о стадии развития такого человека, воображают, что это должно автоматически представлять неотъемлемое и неизменное поведение 'просветленного' (и тех случайных зрителей, кто в настроении подражать ему).

Это как если бы некий недалекий человек увидел железнодорожного сигнальщика, машущего руками во время подготовки, и вывел бы отсюда убеждение, что

> * все железнодорожники всегда, или для того, чтобы стать специалистами, должны махать руками;
>
> и
>
> * если человек этого уровня делает такое, то и человек самого высокого уровня должен делать это же, и уж, наверное, от его действий благо удвоенное.

Неправильное наблюдение, поспешные предположения, механическое воспроизведение действий, основанное на неполных данных, в любой области человеческой деятельности или обучения приводят к неудаче, а не к успеху. Если вы сомневаетесь в этом, то проверьте. Печать этого несет весьма много организаций.

Поэтому, для того, чтобы исправить основные ошибки, мы должны быть способны понимать, что, возможно, они имеются. Когда же это достигнуто, то дальнейших ошибок и бесполезных процедур можно будет избежать.

Ученик должен быть подготовлен пробовать то, что ему предписано, вместо того, чтобы становиться потребителем эмоциональных стимулов, воображая при этом что приобщается к духовному. На суфийском пути практика и проверка – *реальны.* Когда же они опираются на внешность и фантазии – они ложные. Одна из таких проверок для тех, у кого развит вкус к абсурдному, – это принять и вести обычную жизнь.

БОГ УМЕР

Есть одна суфийская история, поведанная Аттаром, о том, как некий дервиш, одетый в черное, попросил разрешения войти в монастырь. Когда Ибн Кхафиф, умерший около тысячи лет тому назад, спросил, почему тот в трауре, дервиш ответил, что его «Бог умер». Люди выгоняли его сорок раз, пока не поняли, что его 'богом' – кому он поклонялся – было его вторичное 'я', обусловленная личность.

Когда Хуссейна ибн Мансура однажды спросили: «Кто такой суфий?», он ответил: «Тот, чья сущность едина».

Беспорядочные упражнения

В: Некоторые суфийские и другие группы выполняют частые и регулярные упражнения, 'танцы', и заняты всякого рода деятельностью, в которой принимает участие каждый. Почему вы говорите, что не следует делать то, что привело других в высокие духовные состояния?

О: Во-первых, заметьте, пожалуйста, что всегда есть множество людей, занятых автоматической деятельностью, и они всегда рады убедить других присоединиться к ним. Если вы знаете таковых и хотите присоединиться к ним, вы, вероятно, так и сделаете. В таком случае, вы можете сами проверить, лучший ли это способ чем-либо заниматься. Другими словами, почему вы здесь, если можете получить это в другом месте?

Во-вторых, предполагая, что вы здесь потому, что хотите сначала сравнить то, что говорим мы, с тем, что говорят другие, я могу лишь повторить – то, что в одно время подходит одному, *необязательно* подходит другому.

ЯЗЫК ПТИЦ

Есть история, где это передается аналогией. Когда-то один достойный человек молился о том, чтобы он мог понимать язык птиц. Однажды, тихо сидя под деревом, на котором было гнездо птиц, он осознал, что может улавливать смысл их щебетания. Одна птица рассказывала другой, что сын короля болен, а люди настолько глупы, что никто не знает, что его можно спасти, напоив лимонной водой. Этот человек немедленно направился во дворец, где узнал, что юный принц действительно болен, и его состояние безнадежно. Он прописал принцу лимонную воду, и тот выздоровел. Король приказал дать 'доктору' столько золота, сколько он захочет.

У этого достойного человека был друг, человек, на самом деле, весьма недостойный, которому он по секрету рассказал, как стал богатым. И недостойный тоже начал молиться, чтобы он тоже мог понимать язык птиц, ибо хотел стать богатым подобно своему другу. Эта способность развилась в нем. Как-то сидя под деревом и слушая птичьи разговоры, он услышал:

«Под этим деревом сидит недостойный человек, который желает знать наши тайны. Что ж, пусть узнает одну из них: сейчас сюда приближается прожорливый тигр, которого мы вызвали из джунглей, чтобы он его съел».

Недостойный человек вскочил, чтобы бежать, но был схвачен и съеден тигром.

Вы спрашиваете, почему не следует делать то, что привело других в высокие духовные состояния. Если бы некто был машиной, и если бы все люди и ситуации были подобны, если бы люди были заготовками из дерева: тогда, конечно, ему следовало бы пренебречь всем многообразием сопутствующих обстоятельств и применять упражнения произвольно...

Этот вопрос подразумевает, что все неизменно. Весьма вероятно, что размышление показало бы спрашивающему иное, если бы он всего лишь обратил вопрос так, чтобы использовать свои способности к размышлению. После обращения, вопрос стал бы таким:

«При каких обстоятельствах верно то, что не следует выполнять произвольно выбранные упражнения или что следует избегать механической имитации?»

Веской причиной не 'красть' упражнения и не применять их произвольно (что означает без знания и понимания их сути) является то, что это, в своей сфере, может иметь те же последствия, что и другие, более знакомые формы 'воровства'. Иногда оно – как в том примере, что я собираюсь привести – приносит с собой и наказание.

Вот аналогия, хотя и забавная с некоторой точки зрения (вам следует посмеяться над ней и поискать в ее наставлении дополнительное измерение), она – хороший эквивалент того, что может случиться с людьми, которые заимствуют метафизические вещи, а потом удивляются тому, что же с ними произошло, или почему ничего не произошло.

ЧТО ЖЕ ОН УКРАЛ

Одна газета[1] сообщает, что некий взломщик украл чековую книжку и удостоверение личности у одного члена местного городского совета и затем использовал их в магазинах. В его намерения входило получить деньги и вещи. Что же он получил?

Его адвокат разъяснил это в суде. В каждом из девяти магазинов, которые он посетил, выдавая себя за члена городского совета, его забрасывали жалобами относительно коммунальных услуг. «В одном

[1] Daily Telegraph (London) 27 October 1976, p. 17 col. 4.

месте, для того, чтобы выбраться из магазина, ему пришлось даже оставить свой номер телефона даме – администратору магазина, чтобы с ним могли связаться по поводу передачи дома».

Его признали виновным в подлоге и взломе, но несоответствие между его ожиданиями и реальностью возникло из-за того, что он предположил, что, если он сделает определенные действия, случится то-то и то-то, однако невежество сгубило его.

Тому, кто знает о такого рода последствиях от упражнений, нет нужды задавать вопросы, подобные тому, что обсуждается здесь. Тому же, кто не знает, нельзя объяснить лучше, чем посредством подобной аллегории, взятой из самой жизни.

Мне нравится заголовок к этому случаю: «Вор, укравший бремя своей жертвы».

ЕСЛИ СОМНЕВАЕШЬСЯ, УДАЛЯЙ

Более вероятно, что произвольные упражнения дадут такой же эффект как тот, что может случиться, если последовать совету муллы Насреддина из вот такого образца его мудрости:

«Насреддин, вы человек с опытом, – сказал один философ. – Не слышали ли вы о лекарстве для заболевших глаз? Я много читаю, и мои глаза меня беспокоят».

«Я могу лишь сказать, – ответил мулла, – что как-то у меня болели два зуба. И пока я их не удалил, боль не прекратилась».

Работать в русле школы

В: Когда ученик в школе, а когда он только «работает в русле школы»?

О: Когда вы в школе и не работаете в русле школы, на самом деле вы совсем не в школе, не так ли? Если вы в мастерской и спите крепким сном, то для вас это фактически спальня, не правда ли?

Когда вы «работаете в русле школы», то вы в школе. Лишь о той 'работе', мне думается, можно сказать, что вы *«только* работаете в русле», – когда это имитация. Например, я бы называл «работающего в русле» (насколько я могу истолковать это выражение) «притворяющимся будто делает нечто»; т.е., когда кто-то развлекает себя, воображая при этом, что делает что-то более полезное или важное. Но я бы не стал употреблять ваше выражение для описания такого состояния, поскольку я придаю слову 'работать' значение специального термина.

'Работа' означает для меня «делать то, что делает школа, а не притворяться, что делаешь это, и не придумывать обоснований или объяснений этому». В такого рода работе между людьми и деятельностью есть взаимосвязь, которая составляет 'Работу', и эта работа не может не быть в правильном русле.

Если бы я хотел рассмотреть этот вопрос так, чтобы извлечь из него некую пользу для учебы, то мне нужно было бы перефразировать его и изложить в более общем виде:

«Люди хотят учиться. Что, вероятно, мешает большинству из них, приводя в лучшем случае к значительным задержкам в учебе, а в худшем – к искаженной деятельности ради личного и группового развлечения, – это поддержание калечащих склонностей, проявляющихся в жадности к учебе, в недостатке самонаблюдения, в жажде общественного признания сверх пределов разумного, в нежелании учиться, порождающем вместо этого желание фантазировать, в чрезмерно высокой собственной оценке или в нетерпении, приводящем в результате к попыткам достичь неуместной или преждевременной цели...»

Суфийская учеба – всегда реальная учеба, а не имитация. «Работа в русле» – это имитация.

Чтобы участвовать в работе школы, ученик должен суметь постичь определение, данное Абу'л-Хасаном Нури, согласно которому, цель – достичь «свободы и великодушия, оставив балласт, недостаток щедрости и слабость ума этому миру».

Как разъясняет Худжвири, это означает, что достижение реального суфийского состояния, свободы, включает в себя избавление от влияния привязанностей – которые мы назвали бы результатами обусловливания и скаредности – и 'щедрое', как это обычно выглядит, давание мирских ценностей тем, кто их ценит.

Это и есть «реальность без названия» в более чем тысячелетней давности незабываемом высказывании Абу'л-Хасана Фушанджи: «Быть суфием сегодня – название без реальности. А прежде это была реальность без названия».

Люди постоянно настаивают на том, что, поскольку информация и осведомленность о суфийских принципах и практической деятельности так широко распространены, то все, что нужно, – это осуществить их на практике.

И тем не менее почти каждый день можно видеть весьма печальную картину, как вроде бы серьезные люди на самом деле считают ниже своего достоинства учиться на вещах, которые они считают обыденными, но в которых, если бы только они это видели, содержатся важные для них уроки. Но дело в том, что они не видят, и поэтому-то необходима реальная школа, призванная обеспечить, чтобы все соответствующие действия и поучения были замечены.

Сказка «Новое платье короля» как раз показывает, что нужно быть в состоянии учиться из любого источника и не отвергать его, когда он недостаточно вам интересен, или если он не обладает миллионом долларов, или докторской степенью, или мощной армией, или духовной репутацией...

Характерной чертой человечества (включая людей, пытающихся «работать в русле школы») является то, что хотя все необходимое знание или информация, может быть, уже имеется, люди либо не обращают на это внимание, либо перенимают лишь те части, которые им нравятся.

ИНФОРМАЦИЯ И ДЕЙСТВИЕ

Нижеследующий пример из современной жизни[1] резюмирует сказанное. Тем не менее, поскольку в нем речь идет лишь о питании, а не о других потребностях, многие ли заметят аналогию?

Немецкое общество питания проверило 50000 семей, чтобы выяснить, как люди питаются. Было обнаружено, что, несмотря на широкое распространение общедоступной информации о неправильном питании и переедании, ущерб, наносимый здоровью вредными привычками питания, составляет ежегодно 17 миллиардов марок (4,25 миллиарда фунтов стерлингов или 7,225 миллиарда долларов). Для сравнения, ущерб от курения и потребления алкогольных напитков составляет только 3 миллиарда марок в год. Каждый второй западный немец имеет лишний вес. У всех категорий людей были неправильные баланс и общее количество потребляемых калорий и белков. Только 10% населения имеет правильный вес. Почти все потребляют слишком мало витаминов.

Заметим при этом, что здесь, как и во всех других аналогиях, нет намерения выделить какое-то конкретное общество – в данном случае Германию – ибо подобные, равноценные, данные можно найти повсюду.

[1] The Times (London) 18 November 1976, p. 8, col. 2/4.

Поведение-обучение

В: Мы читали о людях, которые проводили время с суфийскими учителями, и знаем, что суфии могут годами оставаться в контакте с теми, кто желает учиться. Постоянно публикуется, первоначально на Востоке, и, с недавнего времени, весьма широко на Западе, множество сообщений о жизни и делах суфийских учителей и их взаимодействии с учениками, а также с обычными людьми. Для чего предназначено это 'обучение поведением' у суфиев и в чем его отличие от назначения духовных упражнений или объяснений и предостережений?

О: Взаимодействие-обучение между учителем и учащимся имеет много аспектов. Один из них, наверное, легче всего схватываемый учениками, но пониманием которого они пренебрегают, заключается в том, что воздействия, стимулы и деятельность, разработанные суфиями, предназначены иллюстрировать поведение и выставлять напоказ субъективные реакции. Великие суфии 'шокировали' людей, чтобы, например, дать им возможность почувствовать узость их склада ума. Суфии продолжают шокировать узко мыслящих людей, хотя, конечно, нет никакой гарантии, что такие люди получат пользу от этого опыта. Иногда пользу вместо них получают простые зрители. Помните, что учащийся – это тот, кто учится, а не тот, кто думает, что он ученик.

Как суфии реализует эту программу, что он говорит и делает, что он не говорит и не делает, – зависит от конкретных условий, как можно видеть по традиционной литературе. «Суфизм, – как в старину сказал один из шейхов, – раньше передавался только знаками». Для этого требуется учащийся, который умеет читать знаки. Подобным образом, с введением литературы, опыт того или иного рода может передаваться, иллюстрироваться и т.д. литературой, то есть, не только посредством поведения, но и частично посредством написанного и сказанного слова. Будет от этого польза или нет, зависит от того, настроен ли ученик на этот материал. Обычно он не настроен, так как слишком жадно стремится к 'истине' и 'прогрессу', чтобы развить базовое спокойствие и относительное смирение по отношению к материалам, дабы не просто 'употребить' их как эмоциональные стимулы, как он поступает со всем на свете.

Шейх Ибрахим Газур-Илахи, один из суфийских руководителей, подчеркивал, что Учитель, окончив свое путешествие, повторяет его снова и снова, и каждый раз с одним учащимся. Говоря об этом, проводят аналогию с семенем, заключенным в растении, и растением в семени.

'Обучение поведением' суфиям приходится приспосабливать к ученикам, и оно не может быть чем-то механическим, применимым в точности одним и тем же образом ко всем людям.

В: Но поскольку эта информация, как правило, столь доступна и содержится в работах великих суфийских учителей, почему же большее число людей не ищет ее?

О: Так было всегда. Сегодня, как и всегда, ответом на это является замечание:

«Мудрые знают, потому что они заплатили за свою мудрость. Вы не принимаете их совет, потому что он предлагается за плату, гораздо меньшую, чем заплатили они».

Поведение-обучение имеет много других измерений, за стадией, на которой людям показывают их самих. Его можно привести в качестве эквивалента той ситуации, которую имеет в виду Блэккет, говоря: «Первоклассная лаборатория – это такая, в которой заурядный ученый может выполнить выдающуюся работу». Поведение-ситуация позволяет людям, имеющим потенциальные возможности, превзойти себя. К тому же в такого рода ситуациях людей поощряют учиться тем способом, каким они могут делать это, а не тем, который они пытаются навязать. Маккей[1], если опять провести параллель с наукой, говорит: «Мы должны учиться удерживать себя от того, чтобы делать что-то просто потому, что знаем как это делать».

О поведении-обучении часто говорится в реальных и придуманных историях. Рассказы о мулле Насреддине, дополнительно к другим и более внутренним измерениям, часто проявляют эту особенность, воспроизводя как поведение мудрого так и поведение глупого.

Вот один такой рассказ, предназначенный для использования в качестве примера в жизненных ситуациях.

ЧЕЛОВЕК – ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА

Несколько человек сажали виноградные лозы, и Насреддин спросил, что они делают.

«Закапываем лозы, чтобы они принесли плоды».

---

[1] Alan I. Mackey, *The Harvest of a Quiet Eye,* The selection of a Scientific Quotations, London Institute of Physics, 1977.

«Это как раз то, что мне хотелось, – сказал мулла, – посадите, пожалуйста, меня, и я принесу плоды».

Сколько люди ни возражали, Насреддин уговорил их сделать, как он просил.

Вскоре они увидели, что мулла ходит туда-сюда. «Мы же говорили, что если тебя так посадить, ты не сможешь дать плоды», – сказал один из них.

«Вы еще не доказали этого, – ответил Насреддин, – я только ненадолго вылез из земли, и лишь потому, что замерз – а не потому, что не собираюсь плодоносить».

Курс обучения Школы

В: Не могли бы вы сделать обзор курса обучения школы, так сказать, 'изнутри самой школы?'

О: В нашем обучении мы должны правильно сочетать следующие элементы: учеников, учителя и обстоятельства учебы. Лишь когда наши занятия проводятся в правильное время и в правильном месте подходящим учителем и с правильной группой учеников, можно сказать, что они способствуют согласованному развитию.

Неужели это чрезмерные или неразумные требования? Давайте сравним их с требованиями обычного учебного института.

Если изучать, скажем, физику, то должен быть человек, хорошо знающий физику; ученики, которые хотят учиться, имеют способности и некоторую подготовку для учебы, также должны иметься соответствующие лаборатории и другие необходимые для учебы вещи.

Учитель физики не сможет добиться никаких реальных успехов с классом идиотов или с людьми, которые исходно хотят от физики силы, славы или выгоды. Эти факторы препятствовали бы обучению. Класс замечательных учеников, возглавляемый человеком, не знающим физики или знающим ее поверхностно, не достиг бы значительного прогресса. Хороший учитель с соответствующей группой учеников достиг бы немногого, если бы не было инструментов и оборудования, здания и т.п., тогда и там, где это надо.

Если что и соблюдается учителями непреходящего Высшего Обучения строго, то именно эти требования.

Однако этот принцип, столь хорошо укоренившийся в обычной учебе, в значительной степени остается без внимания и вышел из употребления у эзотеристов. Почему? Потому что у них примитивные и непросвещенные взгляды на обучение. Подобно простаку, который лишь слышал о физике или только видел некоторые из ее проявлений, такой вот претендент в ученики желает знать ее всю *сразу*. Его не заботит, что необходимо присутствие других учеников. Он стремится проскочить учебный курс и не видит связи между зданием и самим предметом физики. Также не нужна ему и лаборатория.

Понаблюдаем просто, что происходит, когда люди пытаются учиться или обучать, не сочетая правильным образом эти три элемента:

Претенденты в ученики всегда пытаются учиться, учитывая только один, ну в крайнем случае два, из этих трех факторов. Из-за того, что сложно найти достаточное количество людей для формирования класса, учителя пытаются обучать неподходящих. Ученики, не имеющие учителя, пытаются учиться сами. Перенесите это на группу людей, пытающихся учить физику, и вы увидите некоторые из их проблем. Другие ученики объединяются вокруг методологии и литературы старых школ, пытаясь воспроизвести фрагменты работы каких-то других физических лабораторий. Они формализуют ритуалы, становятся одержимыми принципами и девизами, приписывают непропорциональную важность тем элементам, которые являются только инструментами, считая их более значительным наследием.

Не составит труда найти несколько школ, культов, религий, психологических или философских систем, подпадающих под вышеприведенную классификацию.

Мы категорически утверждаем, что такими методами невозможно увеличить человеческое знание в более высоких областях. Статистическая вероятность полезных достижений в разумное время столь мала, что ее можно не брать в расчет.

Почему же тогда люди упорно ворошат сгоревшие угли в поисках истины, если у них так мало шансов найти ее? Просто потому, что они, пытаясь следовать пути, используют не свою способность к более высокому восприятию, а свою обусловливающую склонность. В простом усилии проникнуть в неизвестное есть и интеллектуальные стимулы и эмоциональная притягательность. Когда обычный человек наталкивается на свидетельства более высокой стадии бытия, или хотя бы чувствует их возможность, вывод неизменно будет следующим: у него есть некая возможность прогресса без применения факторов учение-учитель-ученики-время-и-место, которые существенны.

У человека мало альтернатив в поиске истины. Он может полагаться на свой беспомощный интеллект и делать ставку на то, что он способен воспринять истину или хотя бы путь к истине. Это плохая, но притягательная игра. Или он может делать ставку на утверждения некоего индивидуума или организации, заявляющих, что знают такой путь. Это тоже плохая игра. За исключением очень

немногих, люди, в основном, не обладают достаточно развитым восприятием, чтобы им можно было посоветовать:

1. Не доверять своему беспомощному мышлению.
2. Кому или чему доверять.

Вследствие этого существуют две основные школы мышления в данном предмете. Одни говорят: «Следуй своим побуждениям», другие – «Доверься той или иной организации». На самом деле, для обычного человека и то и другое одинаково бесполезно и лишь поможет ему растратить время.

Горькая правда заключается в том, что прежде, чем человек сможет понять свою неадекватность или компетентность другого человека или организации, он должен кое-чему научиться, что даст ему возможность ощутить и то и другое. Обратите внимание, что само это ощущение происходит от правильной учебы, а не от инстинкта или эмоционального притяжения к некоему индивидууму, и уж не от желания 'идти только самому'. Это и есть 'учиться как учиться'.

Все это означает, конечно, что мы постулируем необходимость предварительной учебы до начала школьной работы. Мы отрицаем, что человек может учиться и должным образом получать пользу от школьной работы до тех пор, пока он не оснащен для нее, как, пока не усвоена математика, невозможно изучать космическую навигацию.

Это не означает, что человек не может обладать ощущением истины. Но неорганизованный и фрагментарный ум, унаследованный большинством людей, имеет тенденцию к искажению количества и качества этого ощущения, что приводит к почти полностью ложным выводам о том, что можно или что следовало бы делать.

Это не означает, также, что человек не может принимать участия в учебных занятиях и деятельности, которые воздействуют на ту его часть, что связана с более высокой жизнью и познанием. Но простое применение специальных приемов не преобразует сознание этого человека. Оно лишь будет подкармливать, и расстраивать, более или менее постоянно, центры мышления и чувств, где сознание не находится. Таким образом, то, чему следовало бы быть благом, становится проклятием. Скажем, для обычного человека сахар питателен. Для диабетика он может стать ядом.

Поэтому, прежде чем приемы учебы и развития станут доступными ученику, ему должна быть предоставлена возможность извлекать с их помощью пользу в том направлении, в котором они предназначены вести, а не для кратковременного потворства его желаниям.

Таким образом, наш курс обучения состоит из двух частей: первая – это обеспечение подготовительным материалом для оснащения индивидуума, чтобы он стал учеником, вторая – это развитие как таковое.

Если мы, или кто другой, преждевременно снабдим человека такой учебой или подготовительным материалом, это будет действовать только на уровне, более низком, чем могло бы. В лучшем случае вреда не будет. В худшем – это будет обусловливать, приучать ум этого индивидуума думать и вести себя по образцам, а это ни что иное, как автоматизм. В этом последнем случае можно делать то, что кажется преобразующим, невольно -играя на эмоциях, мелких желаниях и обусловливающей склонности: приучать людей быть преданными отдельным личностям, основывать и поддерживать организации, которые кажутся более или менее серьезными или конструктивными. Но, в действительности, никакого реального прогресса ни в знании человека, ни в знании другого измерения, в котором он частично пребывает, не будет.

Подготовка ученика так же важна, как и все остальное, чем он занимается. Суфийский поэт Хафиз говорит:

«Искатель не должен находиться в неведении относительно направления и метода каждого этапа». Это знание приходит, когда он следует курсу обучения, который является частью деятельности школы, и твердо придерживается указаний своего учителя.

Человеку, намеревающемуся стать учеником и учащемуся как учиться в суфийской школе, следует обратить внимание на такое предостережение, указывающее на его трудности:

«Если вы слишком мягки, вас раздавят, если слишком жестки – сломают; если вы слишком тверды – будете причинять вред, если слишком остры – будете ранить».

В курсе обучения Школы возможна работа с вещами, которые вторичны, но они используются инструментально, и конечно, без воображения, что они первичны.

Говоря словами шейха Аль-Интаки, приведенными тысячу лет назад Худжвири в *Открытии Скрытого:*

по чести обычного человека принимать вторичные [вещи за реальные] причины, тогда как по чести дервиша отвергать вторичные [предполагаемые] причины, утверждая лишь Единственную Причину.

Школа работает с тем, что первично. Очевидно (для некоторых) целенаправленная деятельность тех, кто использует правильные материалы, но применяет лишь обычные, ограниченные чувства, обрисована в действиях Насреддина с рассадой.

ВЕРНАЯ МЫСЛЬ, НЕВЕРНЫЙ МАТЕРИАЛ

Однажды мулла целый день высаживал в своем саду рассаду.

Когда он остановился, чтобы полюбоваться своей работой, его поразила внезапная мысль.

В наступающей темноте, при свете фонаря, он стал выдергивать растения из земли и заворачивать их в мешковину.

Мимо, вдоль полей, возвращались домой его друзья. «Насреддин, что ты делаешь?», – спросили они.

«Действую из соображений осторожности. Я понял – довольно поздно, но, как вы видите, не слишком – что свое добро лучше держать дома под надлежащим присмотром».

В каждом человеке вторичное ('командующее') 'я' – это ложное 'я', но он принимает его за реальное. Оно находится в таком же отношении к реальному существу человека, как лицо человека к самому человеку. Каждому, говорит Руми в *Fihi ma Fihi,* нравится зеркало, и он влюблен в отражение в зеркале, отражение своих свойств и достижений, хотя и не знает реальной природы своего лица.

Он воображает, что вуаль, которую он видит на стекле, является его лицом. «Сними покров со своего лица, чтобы ты мог увидеть меня как отражение твоего реального лица. для того чтобы ты понял, что я есть зеркало»

Курс обучения школы, 'изнутри самой школы' как вы выразились, основан на том. что учитель способен быть таким зеркалом. Поэтому он способен оценивать по достоинству особенности и нужды учеников. Он зачастую подражает ученику чтобы позднее тот смог увидеть свое отражение и среагировать соответственно.

Знать о ком-то все

В: Не достаточно ли общения с человеком знания, чтобы приобрести какую-то часть его? Разве Учителю не нужен Ученик?

О: Вам следует вспомнить, по меньшей мере, те случаи, когда вы ничего не говорили о том, что у вас на уме.

Не приходило ли вам в голову, что люди, коих вы, возможно, знаете, не обсуждают с вами известные им вещи, даже если эти вещи, возможно, постоянно вас интересуют?

Вы можете 'знать человека хорошо', даже ежедневно с ним встречаться, 'разделять его мнения', обмениваться идеями. В то же время, вы можете понятия не иметь о том, что он обладает определенным знанием и даже способностью передавать его, если условия правильные.

Возможно, он не кажется вам загадкой, но может быть скрыт столь же глубоко, как и любая вещь на свете.

Представление о том, что знаешь о человеке все из-за наличия общего жизненного опыта доверительных отношений, – неверно. Оно основано на неправильном представлении о том, что люди, что бы они ни обсуждали, не могут при этом избежать контакта друг с другом.

Знание автоматически 'не подхватишь', его не сообщить одними словами, также не передашь его никаким обычным обучением.

Следовательно, нельзя учиться реальному знанию, просто общаясь с кем-то, кто им обладает, – в особенности, если вы даже не знаете, что оно у него есть, и если вы правильно не сфокусированы на учебу.

Необходимо, чтобы кто-то (или что-то) сначала передал вам, как ощутить присутствие знания. Без подготовки нет обучения.

Что касается потребности в Учителе, великий учитель Джами в *Lawaih* говорит (эссе XXI): «У Абсолютного нет потребности в относительном, кроме как для проявления себя, но относительное нуждается в Абсолютном для самого своего существования». Подобным образом, в ситуациях учения учитель считается важнее ученика.

То есть, именно так ученик должен относиться к учителю. Сам же Учитель может считать, что важнее учащийся, но это дело Учителя, и нет смысла обсуждать его позицию, когда речь не об обучении, а о учебе.

Замечания о Пути дервиша

В: Не могли бы вы изложить особо важные моменты, которые следует изучать тем, кто интересуется дервишеским, суфийским путем? Как происходят приписываемые суфиям чудеса?

О: I. Человеческая среда производит определенные трудноуловимые изменения в индивидууме, которые проникают во все его существо. Вместо того, чтобы подвергаться лишь этим изменениям, человек имеет шанс заполучить доступ к той форме своего я, которая, в сравнении с имеющейся, бесконечно выше. Используется такой технический термин: человек сейчас «проснулся только наполовину».

II. Хотя это изменение увеличивает осведомленность человека о его судьбе, оно не мешает обычным человеческим отношениям. Наоборот, оно обогащает их.

III. Для того, чтобы ученики приняли участие в этом процессе, необходимо совпадение следующих обстоятельств: наличие учителя с доктриной, применения доктрины способом, пригодным для учеников, и правильных внешних обстоятельств. Возможность есть только при наличии всех указанных факторов.

IV. Вот один способ передать представленное здесь послание: существует более глубокая правда и более широкое измерение, в котором человек частично уже пребывает, хотя обычно он безразличен к нему. Есть надежда, что он сможет стать столь же осведомленным о нем, как и о привычном ему мире.

V. Развитие способностей, относящихся к этому измерению позволяет человеку достичь наивысших успехов и в легко воспринимаемом мире и в других сферах, и мешает ему стать орудием простого обусловленного существования, со всеми его тревогами и бессмысленностью в итоге. Человек имеет склонность быть несчастным не из-за того, что он знает, а из-за того, чего он не знает.

VI. Только через настройку группы людей, обладающих возможностью такого достижения, правильно сгармонизированных в настоящее сообщество (при наличии или отсутствия контакта на физическом плане), может прийти настоящее понимание и следующий этап в развитии человека.

VII. Единство и целостность этой группы существенны не только для коллективного, но и для индивидуального прогресса. Поддержка группы подходящих людей – это, фактически, почти единственная возможность для человека осознать свою индивидуальную значимость.

VIII. Эта доктрина и способ ее применения известны и распространяются с незапамятных времен. Фактически, они являются достоянием и судьбой человека. Они связывают прошлое, когда этот процесс развития был известен гораздо шире, через настоящее, где он используется лишь немногими, с будущим, когда Великая Работа будет совершенно законной целью человечества.

IX. 'Новый Человек', 'Реальный Человек', 'Совершенный Человек' – все это термины, используемые в различных формулировках, во все времена, для этой деятельности, которая называлась 'тайной', 'скрытой' или 'посвятительской', по причинам иным, чем представляют себе люди.

Людей интересуют чудеса, тогда как было бы гораздо лучше, если бы их интересовала истина. Чудеса – это побочный продукт: часть особой, связанной с высшим измерением, деятельности, в которую вовлечены определенные люди. Это вовлечение происходит потому, что с ростом знания или способностей приобретаются и дополнительные функции, также как и при обычном образовании, только в этом случае, в соответствующей сфере.

Вот пример, среди многих тысяч других, такой деятельности, где суфий оказывает услугу с помощью экстрасенсорного восприятия. Этот пример показывает, как 'чудеса' связаны с обязанностью. Ибн Араби рассказывает в *Ruh al-Quds*, как однажды вечером он ощутил побуждение увидеть Абу-Абдуллаха ал-Кхайата ('Портного') из Севильи и проделал весьма дальний путь, чтобы встретиться с ним. Ал-Кхайат сказал: «Почему ты так долго? У тебя есть с собой то, что мне нужно». Ибн Араби достал пять дирхемов, которые были у него в кармане и отдал их. Ал-Кхайат объяснил, что эти деньги нужны ему для одного бедного человека по имени Али ал-Салави.

Встречи, группы, классы

В: К встречам, группам и классам проявляется большой интерес. Являются ли эти формы целью суфийского учения?

О: Люди, не понимающие, как действуют высшие учения, или приученные думать о них поверхностно, разумеется, приходят в замешательство, когда встречают письменные или устные материалы, которые не согласуются с привычными образцами.

Нигде это не проявляется столь поразительно, как в вопросе общения и взаимоотношений.

Выслушав несколько сотен людей, объясняющих, что они чувствуют, и прочитав несколько дюжин писем 'искателей', несомненно, даже машина увидела бы тот шаблон поверхностных предположений, по которому позволяют себе действовать даже наиболее ревностные из них.

Люди, живущие в одной местности, думают, что их волей-неволей следует группировать вместе. Кто нерасположен читать книги, агитирует за 'личные контакты'. Живущие в отдаленных местах жаждут путешествий, посещений, материалов, чтобы поглощать их. Те, с кем вы не поддержали формальный контакт, расстраиваются, горюют, начинают интересоваться источниками более легкого удовлетворения. Люди ревностно (если неосознанно) лелеют 'культ Центра', отличительной чертой которого является верование, что «если бы я только смог попасть в такое-то место, все было бы хорошо».

В сущности, никто из этих людей не имеет сколько-нибудь правильного понятия о том, как возникает реальное сообщество, как оно развивается, как оно проявляется в местных условиях, чем оно могло бы стать в будущем, – как можно получить пользу из того, что делается.

Если разослать людям проспекты с описанием того, как ведется дело в местном классе или группе, то все они захотят быть в каком-нибудь классе или группе. Это точно так, как упомянуть о леденце в разговоре с ребенком: возможно, он думал о чем-то другом, но это ключевое слово может завладеть его мыслительным аппаратом так, что исключит все остальное.

Перенесите на минуту, в качестве упражнения, эту ситуацию в другую область и вы увидите, что такое поведение столь примитивно, столь незрело, растрачивает, к несчастью, столь много энергии, или понимания в любом деле, что, очевидно, что-то для таких людей нужно сделать. Любой, кто проявляет склонность к такому шаблонному поведению, не в состоянии при этом получать пользу ни от какого высшего знания. Однако, он является подходящей добычей для тех или иных людей или организаций, предлагающих мгновенное снятие напряжений путем потворствования инфантильному поведению индивидуума.

Реальное высшее сообщество, к которому вы могли бы принадлежать, организовано особым образом и имеет свои особые' жизнь и общение. Ему необходимы, как местные, так и иные группирования» и оно работает через их посредство. Его члены изучают, привлекают, сохраняют и распределяют потоки знания независимо от того, в какую форму облечены их занятия. Для некоторых людей в некоторое время важно быть 'изолированными' от других. Такая 'изоляция', рассматриваемая живущими в отдаленных местах как проклятие, вообще-то является неоценимым преимуществом, выпавшим на их долю, и ничем иным. Как только наступает время для более близких контактов в обычным смысле, тогда появляются средства для их достижения. Но если индивидуум хочет просто быть членом стада, суфии удерживаются от потворствования этому желанию.

В отношении высшего учения индивидууму нужно научиться различать 'желания' и 'нужды'. И научиться этому можно, только пройдя базовое обучение. Когда ребенок, еще не понимающий этого различия, говорит, что ему что-то нужно, это часто означает, что он этого 'хочет'. 'Мне нужен леденец' нисколько не отражает ситуацию. Лишь опыт может показать различие между желаниями и нуждами.

У людей имеется встроенная потребность в 'объединении'. Любой, кто знает об этом и потворствует этому, весьма легко может стать богатым, известным, уважаемым и т. д.

Играть на этой склонности не только неправильно в принципе, но и непродуктивно в нашей работе, потому что означало бы, что мы делаем одно, притворяясь, что делаем другое.

Помните, что поскольку эта работа и это сообщество действуют некоторым существенно особым образом, то они не нуждаются в примитивной организации и в подпитывании невротических или инфантильных требований, замаскированных под 'нужды'.

Более того, как только мы это прояснили, и как только индивидуумы и группы осознали, что им не нужно увлекаться социальным маскарадом, это сообщество и эта работа неизбежно сделают возможным появление всего необходимого: деятельности, контакта, занятий и учебы.

Короче говоря, такое сообщество не является ни стадом бабуинов, ни военизированным отрядом, опирающимся ради продолжения своей деятельности на желание и страх, на награду и наказание.

Такое сообщество действует согласно некоему чувствительному образцу. Этот образец является его защитой и его силой. Если вы пытаетесь организовать себя или других по более низкому образцу, вы теряете связь с этой работой. Коротко говоря, вы отстраняете себя от высшего развития, отдав предпочтение стабильной жизни, проводимой в развлечениях, точно так, как некоторые проводят свое время в залах ожидания.

Работайте тем способом и с теми материалами, которые указаны учением. Планируйте как угодно, если вы действительно знаете план.

Суфийский авторитет Абу-Наср аль-Сарадж в *Kitab al-Luma* иллюстрирует необходимость в плане и приоритетах в учебе. При этом он цитирует слова Баязида, одного из наиболее выдающихся суфиев, который обучал Абу Али из Синда формальным ритуалам ислама, в то время как Абу Али, в свою очередь, обучал его основанной на опыте науке суфизма.

А один из учеников Баязида сообщал, что не слышал ни слова от своего мастера в течении тринадцати лет – времени, которое он провел с ним...

Неправильное понимание надобности или ненадобности постоянного общения с мастером как некоего рода волшебного ключа обязано, по меньшей мере частично, вырожденному поведению тех весьма многочисленных группирований, которые первоначально были суфийскими, но по прошествии столетий превратились просто в культы.

Многие суфии прошлого настаивали на уединении и анонимности, отказываясь общаться с людьми.

Му'ин ад-дин Чишти, который ввел чиштизм в Индии, (похоронен в Аджмере) – замечательный тому пример. Хотя некоторые из созданных им образцов позднее были переняты последователями, воображавшими, что они следуют его учению, его склонность к уединению была оставлена без внимания.

«Он, обычно, не позволял, – говорит д-р Шариб, – чтобы в путешествиях его сопровождал более чем один дервиш. Он останавливался в безлюдных и пустынных местах. Иногда он останавливался на кладбищах. Как только люди узнавали, где
он остановился, он тут же покидал это место. Он ненавидел известность».

Несомненно, для учебных группирований есть огромный риск стать в миниатюре племенами или семьями, культами и структурой для получения социального удовлетворения, а не учебы, не говоря уже о понимании.

Такой образец утверждается, и часто весьма явно, в большинстве кажущихся религиозными общин и деятельности. По этой причине шейх Абдулла Ансари называл молитву «лишь воздержанием от пищи», формальную молитву – «делом стариков и старух», паломничество – «одним из удовольствий этого мира».

Ансари подчеркивает, что люди могут научиться от групп и собраний только в той степени, в какой они преодолели четыре ловушки:

Неблагодарность при удаче.
Нетерпение при неудаче.
Недовольство своей судьбой.
Колебание в служении своим товарищам.

Внутренние измерения

Во всех материалах, используемых в нашей работе, есть внутренние смысловые измерения. К этим материалам я отношу как то, что выполняется и переживается, так и то, что написано, сказано, увидено и можно потрогать руками.

Раскрытие внутренних измерений, как и во всех сохранивших свою силу традициях, должно иметь место тогда, когда оно *может* быть эффективным. Это не детективное расследование, решение головоломки или замаскированное развлечение. Напротив, эти элементы должны оставаться на своих, весьма второстепенных местах.

Внутренние измерения присутствуют, чтобы передать определенный опыт в момент их раскрытия. Этот опыт снабдит ученика неким элементом, нужным для того, чтобы способствовать его дальнейшему развитию.

Раскрытие внутренних измерений просто ради раскрытия является не просто поверхностным, оно лишает процесс его развивающей ценности.

Возьмем в качестве иллюстрации один незамысловатый пример.

Я говорю: «Это наша работа[1]». Это слово связывается в уме с определенными значениями. 'Работа' означает действие. Но если я открою вам, что на самом деле слово 'работа' также означает, скажем, 'Всемирную Организацию по Изучению Знания' и составлено из начальных букв этого выражения, вы увидите в этом целый ряд других возможностей. Но просто делать это, не имея конструктивных целей, – банально.

Именно поэтому 'раскрытие секретов' является стадией, следующей за ознакомлением с материалами и понятиями. 'Раскрытие' должно иметь – и имеет место – на уровне и при обстоятельствах, соответствующих цели: развитию человеческой природы.

Нетерпение в этом процессе просто превратит вас в пустого человека, играющего словами, вещами и понятиями. Если вы играете с чем-то сложным, обращаясь с этим как с простым, оно не проявит своих истинных качеств. Например, электронный прибор, который, возможно, крайне чувствителен, эффективен и дорог, может выглядеть просто как предмет для детской игры. Используя его для игры, вы будете играть, но не обманывайте себя, что при этом задействуется ваша более эффективная часть, только потому что это не деревянный диск, и игра доставляет удовольствие или угнетает вас.

Едва ли в обращении найдется вторичная книга по метафизике, в которой автор сумел избежать этой тенденции, и еще менее вероятно, что ее смысл не искажают читатели.

Мало удивительного в том, что обыкновенные люди смеются над метафизиками, и что большинство последних преуспели, главным образом, в обучении себя и других играть в развлекательные игры с тем, что на деле могло быть жизненно важным материалом.

Это надо повторять в различных формах потому, что внутри и вне людей всегда присутствуют тенденции 'играть', которые можно нейтрализовать только с помощью иного материала, соответствующего качества и количества, и описаний его использования.

Помните, что простое изучение и впитывание предостережений, подобных этому, дает вам защиту и средства для удержания ощущения истины, гораздо в большей степени, чем вы можете вообразить.

Внутренние измерения, правильно переданные, являются наиболее полезной частью имеющихся у нас материалов. При неправильном и поверхностном использовании они полностью бесполезны.

СОЖЖЕНИЕ КААБЫ

Чтобы привлечь внимание к основному, суфии выступают против производного или вторичного. Аттар рассказывает, что Шибли носил по улицам горящие угли, говоря, что собирается поджечь Каабу, главную святыню ислама, чтобы предметом заботы людей была не она, а – Господин Каабы.

[1] В оригинале слово Work расшифровывается как **W**old **O**rganization for **R**esearch into **K**nowledge (*Прим. перев.*)

Объяснение

В: Основываясь на ваших заметках и произведениях, я наблюдал поведение людей по отношению к 'высшему знанию' и нашел его таким, как вы описываете. Люди воображают, что раз другие говорят об этом знании, то и они являются кандидатами на его получение, и, на самом деле, не слушают тех людей, кто сообщает как к нему подступиться. К тому же они проявляют избирательность в учебе, полагая, что те крошки и кусочки, которые привлекают их, дадут то, чего они хотят, и не считают необходимой целостную учебу. Они соперничают друг с другом в 'переживаниях', эмоциональных стимулах и даже личной чести и второстепенных, социальных преимуществах, утверждая, в то же время, что ищут 'высокое'. Каково ваше объяснение, если таковое имеется, этого абсурдного поведения?

О: Нет нужды в 'моем объяснении', потому что вам надо лишь спросить себя, что означает для нормальных людей такого рода поведение, и где оно проявляется.

Достаточно спросить антрополога или историка в области образования или науки, и они поведают вам, что такое поведение характерно для недостаточно развитых людей, ущербных или невежественных, столкнувшихся с введением чего-то 'нового' для них.

Такой анализ не под силу лишь тем, кто не увидел эту закономерность и кого вводят в заблуждение поверхностные вещи такие, как названия, которые дают себе различные культы.

Если бы те люди, о которых вы говорите, искали, скажем, научное знание или денег, вы бы сами сразу сказали, что они, в худшем случае, дикари или невротики; а в лучшем случае, у них фактически нет базовой информации или подготовки, позволяющей им подступиться к тому, в чем, как они воображают, они столь сильно нуждаются. Важная задача – сделать доступной эту базовую информацию, так, чтобы люди могли выйти на линию старта, а не ходить вокруг да около.

Западная культура гордится своей способностью отличать одну вещь от другой. Вот благоприятная возможность для людей этой культуры проявить этот, в целом, желательный талант, тренировку и умение. Когда они проявляют его в достаточном количественном и качественном отношении, может начаться реальная учеба, и остановить ее будет невозможно.

На Востоке же существует обычай, когда учитель обращает внимание на некоторую черту человеческого поведения тем, что сам проявляет ее, и это шокирует других или служит им напоминанием. Делается это для того, чтобы при прямых нападках у людей не возникало защитной реакции.

Такое поведение сохраняет и передает тот смысл, что учащимся не следует льстить себе тем, что, в силу своей занятости делом духовным, они важные персоны, – нет, они нуждаются в должном смирении.

Когда я был маленьким, то однажды, зайдя в рабочий кабинет моего отца, оставил дверь открытой. Вместо того, чтобы велеть мне закрыть ее, он сказал:

«О, я, кажется, забыл закрыть дверь. Будь так добр, закрой ее».

Память об этом эпизоде вот уже более сорока лет живет во мне.

ХИРИ И ЗОЛА

Абу Осман ал-Хири поступил так же, когда кто-то высыпал золу из окна прямо на него. Люди, бывшие с ним, хотели упрекнуть человека, сделавшего это. Но Хири лишь сказал: «Мы должны быть тысячу раз благодарны за то, что лишь зола упала на человека, заслуживающего горячих углей!»

В: Почему в ваших публичных выступлениях вы так мало говорите о Боге?

О: Более обычная жалоба (показывающая, что нельзя удовлетворить каждого) состоит в том, что я слишком подробно останавливаюсь на вопросах религии. Но о причине, по которой я говорю о Боге меньше других, лучше всего сказать так, как, сообщают, сказал Ибн Араби: «Недостойно говорить о чистоте, когда убираешь хлам; чистота – это результат необходимой предварительной работы». Конечно, я согласен, что Ибн Араби был вынужден предстать перед инквизицией за свою 'любовную поэзию', которая ныне признана величайшей мистической литературой...

Сообщают также, что Рабийя сказала: «Упрекать человека очищающего яблоко, в том, что его интересует кожура, – сущее невежество, хотя может казаться, что это описание данной ситуации».

Суфийский учитель моего знакомого, в моем присутствии, на чью-то просьбу поговорить о Боге сказал: «Было бы оскорбительно для Бога говорить о Нем вам; и слишком много чести для *меня* предполагать, что я отважусь говорить о Боге».

'Бог' большинства людей – это их тщеславие, их самомнение, эпитет, который они используют для эмоциональных и интеллектуальных целей. Лучше говорить о чем-то (тем более о Боге), если нет уверенности, сдержанно.

Использование слова 'Бог' должно зависеть от уровня понимания того человека, который использует этот термин, а также того человека или тех людей, кто слушает или читает это слово. Как сказал Шабистари в четырнадцатом веке, в суфийском руководстве *Тайный Сад:*

«Если бы мусульманин знал, что такое идол, он знал бы, что есть религия в идолопоклонстве. Если бы идолопоклонник знал, что такое религия, он понял бы, где сбился с пути. Он видит в идоле лишь дело рук человеческих. Вот почему, в соответствии с Исламом, он язычник».

«У человека, – говорит Руми, в *Fihi ma Fihi* ('В ней то, что в ней'), – есть три духовных состояния. В первом он не обращает на Бога никакого внимания вообще, он поклоняется и служит чему угодно: женщине, мужчине, богатству и детям, камням и праху. Богу он не поклоняется. Когда он приобретает немного знания и становится более сознательным, тогда он служит только Богу. Далее, прогрессируя в своем развитии, он замолкает: он не говорит более ни "Я не служу Богу", ни "Я служу Богу", ибо он вышел за рамки этих состояний»[1].

---

[1] Руми, *Fihi ma Fihi,* издание профессора Фурузанфара, перевод A. J. Arbery (как Discourses of Rumi*)* London: John Murrey, 1961, pp. 205-206.